

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

КОНСТАНТИН ДУШЕНКО

**КРАСНОЕ И БЕЛОЕ
ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА**

Сборник статей

**МОСКВА
2018**

ББК 66.05; 81.411.2; 81.471.1

Д 86

Серия
«Теория и история культуры»

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел культурологии

Редакционный совет серии:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, председатель,
О.В. Кулешова – канд. филол. наук, зам. председателя,
Г.В. Хлебников – канд. филос. наук, С.Я. Левит – канд.
филос. наук, Ю.Ю. Черный – канд. филос. наук

Ответственный редактор –
канд. филол. наук О.В. Кулешова

Душенко К.В.

Д 86

Красное и белое: Из истории политического языка: Сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. культурологии; Отв. ред. Кулешова О.В. – М., 2018. – 307 с. – (Сер.: Теория и история культуры).
ISBN 978-5-248-00879-7

Политический язык рассматривается автором как явление истории и культуры. Книгу открывает работа «Красное и белое: Цветовая символика политического языка Франции и России». Далее исследуется происхождение ряда ключевых терминов, оборотов и лозунгов политического языка, главным образом русского, а также их отражение в литературе.

Издание предназначено историкам, филологам и культурологам.

The author considers the political language as a phenomenon of history and culture. The book opens with the work «Red and White: The Color Symbolism of the Political Language of France and Russia». Next, the author explores the origin of a number of key terms and slogans of the political language, mainly Russian, as well as their reflection in the literature.

The publication is intended for historians, philologists and culturologists.

L'auteur considère le langage politique comme un phénomène d'histoire et de culture. Le livre s'ouvre sur l'œuvre «Rouge et blanc: le symbolisme de la couleur de la langue politique de la France et de la Russie». Ensuite, l'auteur explore l'origine d'un certain nombre de termes et de slogans de la langue politique, principalement le russe, ainsi que leur réflexion dans la littérature.

La publication est destinée aux historiens, philologues et culturologues.

ББК 66.05; 81.411.2; 81.471.1

ISBN 978-5-248-00879-67

© ИНИОН РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	8
I. КРАСНОЕ И БЕЛОЕ: ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ФРАНЦИИ И РОССИИ	9
Франция: Белый и триколор.....	10
Белые и синие	13
Клерикальный черный.....	15
Леворадикальный черный	17
Леворадикальный красный.....	18
«Красный призрак»	25
Красное и белое (XIX век).....	26
Белые и красные якобинцы	27
Белый и красный террор.....	29
Зеленый (XIX в.).....	30
Желтый на рубеже XIX–XX вв.	31
Красный в России: Начало	33
Черный как черносотенный	37
Белое знамя и «белая гвардия» черных.....	39
Другая «белая гвардия»	41
Дискредитация красного	42
Красное и черное: близнецы-братья	44
Белое между красным и черным.....	45
Красный Февраль	46
Красное и черное после Октября	48
«Белый генерал» и «генерал на белом коне».....	52
Московская «белая гвардия».....	54
Зачатки легенды «белой гвардии».....	57

Белогвардейцы внешние и внутренние.....	60
Красный и «русский триколор».....	63
Зеленый в 1-й четверти XX в.	67
Желтый и розовый в 1-й четверти XX в.	69
Отторжение белого «белыми»	72
Белый Северо-Запад.....	76
«Белая идея» и «Белая мечта».....	80
Эмигрантские критики белого	83
Вместо эпилога: рождение термина «красно-коричневые».....	86
Список источников	87

II. ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В ЛИТЕРАТУРЕ	98
Деспотизм, ограниченный царубийством.....	98
«Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена!».....	105
«Лебединый стан» и легенда «Белой гвардии».....	112
«Оттепель»: повесть-сигнал.....	125
«Сказка о Тройке» как зеркало партийного языка	131
«Сто миллионов голов», или Цена революции	143
Продажная девка империализма	153

III. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМУЛ

И ЛОЗУНГОВ	157
Абсолютная власть развращает абсолютно.....	157
Великое молчащее большинство	160
Власть лежит на улице	166
Грабь награбленное!	170
Дванадесать языков, четырнадцать держав	173
Дети, кухня, церковь.....	178
«Дубинка Петра Великого» и «дубина власти».....	182
Железный занавес: история политической метафоры.....	189
За Родину, за Сталина!	218
Задушить революцию костлявой рукой голода	223
Империя и Свобода.....	228
Историю пишут победители	232
Каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает	236

Каждый коммунист должен быть чекистом	242
Кости померанского гренадера	246
Маленькая победоносная война.....	251
Наш сукин сын	255
Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя... ..	260
Король царствует, но не управляет	263
Отправить на свалку истории	267
Перепрыгнуть пропасть в два прыжка	272
Политика, опрокинутая в прошлое.....	276
Последнее прибежище негодяя.....	280
«Потемкинские деревни» и «фасадная империя»	286
Права она или нет, это наша страна	291
Пятая колонна.....	296
Русские идут!.....	300
У России только два союзника – армия и флот.....	304

CONTENTS

Author's note.....	8
I. RED AND WHITE: THE COLOR SYMBOLISM OF THE POLITICAL LANGUAGE OF FRANCE AND RUSSIA ...	9
II. REFLECTION OF POLITICAL LANGUAGE IN LITERATURE.....	98
A despotism tempered by regicide.....	98
«May Russia glorify, but our names will perish!».....	105
«Swans' Encampment» of Tsvetaeva and the legend of the White Guard.....	112
«Thaw»: story-signal.....	125
«Tale of the Troika» as a mirror of the party language.....	131
«One Hundred Million Heads,» or the Price of a Revolution.....	143
The whore of imperialism.....	153
III. HISTORY OF POLITICAL TERMS AND SLOGANS	157
Absolute power corrupts absolutely.....	157
The Great Silent Majority	160
The power is lying in the street.....	166
Rob what has been robbed!.....	170
Twelve peoples, fourteen powers.....	173
Kinder, Küche, Kirche	178
«The cudgel of Peter the Great» and «bludgeon of power».....	182
The Iron Curtain: The history of political metaphors	189
For the Motherland! For Stalin!	218

Strangle the revolution with the bony hand of hunger	223
Imperium et Libertas	228
History is written by the winners	232
Every nation has the government it deserves	236
Every communist must be a checkist	242
The bones of the Pomeranian grenadier	246
A small victorious war	251
Our son of a bitch	255
Ask not what your country can do for you	260
The king reigns, but does not rule	263
Cast out on the ash heap of history	267
To leap a chasm in two jumps	272
Politics overturned in the past	276
The last refuge of a scoundrel	280
«Potemkin villages» and «facade empire»	286
Our country, right or wrong	291
Fifth column	296
Russians are coming!	300
Russia has only two allies: the Army and the Navy	304

ОТ АВТОРА

Политический язык рассматривается в этой книге как явление истории и культуры.

Книгу открывает работа «Красное и белое: Цветовая символика политического языка Франции и России». В ней развиваются положения, высказанные ранее в статье «Красные и белые: символика цвета в политическом языке»¹.

Вторая часть книги посвящена отражению политического языка в русской литературе. Для этой цели выбрано семь примеров, от Пушкина до братьев Стругацких.

В третьей части исследуется происхождение ряда ключевых терминов, оборотов и лозунгов политического языка – либо возникших в России, либо прочно укоренившихся в ней.

Все эти сюжеты, особенно первый из них, совершенно недостаточно разработаны в научной литературе – не в последнюю очередь потому, что они требуют интердисциплинарного подхода, находясь на стыке политической истории, истории идей, истории символов, языка и литературы. В какой мере удалось продвинуться на этом пути автору, пусть судит читатель.

*Константин Душенко
Август 2018 г.*

¹ См.: Символическая политика: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3. – С. 255–297.

И. КРАСНОЕ И БЕЛОЕ: ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ФРАНЦИИ И РОССИИ

Мир неделим на желтых, черных, светлых,
А только красных – нас, и белых – их.
К. Симонов. «Друзья и враги»

Когда и как появились «интернациональные» цвета политического языка? Как выглядела «цветовая система» русского политического языка в годы трех революций и Гражданской войны? Как возникла дихотомия «*красное – белое*» и какой круг значений связывался с понятием *белые*?

Все эти сюжеты изучены совершенно недостаточно. Вопросы, связанные с «цветовой системой» русского политического языка, до недавнего времени даже не осознавались как исследовательская проблема. За вычетом газетной статьи А. Дерябина, можно назвать разве что статью (или, скорее, эссе) Д. Фельдмана [Дерябин, 1992; Фельдман]¹.

Мы рассмотрим эти вопросы, опираясь прежде всего на русскую и отчасти французскую периодику и публицистику. В частности, были просмотрены, целиком или выборочно, несколько десятков комплектов русских газет за 1905–1907, 1917–1920 годов, включая печать основных центров «белого» движения, а также наиболее важные издания русского зарубежья 1919–1922 годов.

¹ Упомянем также публикации автора данной статьи [Душенко, 1996; Душенко, 1997].

* * *

Роль цветовой символики в политическом языке менялась в зависимости от места и времени. Наиболее интенсивно она использовалась во Франции конца XVIII – начала XX века, а также в России первой трети XX века. Вербальная политическая символика тесно переплетается с визуальной, хотя отнюдь не всегда совпадает с ней.

Европейская цветовая символика с раннего Средневековья формировалась вокруг трех базовых цветов: *белого, красного и черного*, иными словами, вокруг белого и двух его противоположностей [Пастуро, 2012, с. 157]. То же можно сказать о «цветовой системе» русского политического языка 1905–1920-х годов. Она складывалась на фоне западных, прежде всего французских, политических цветов **и с постоянной оглядкой на эти цвета**. Поэтому начнем с истории этих цветов, тем более что о ней бытует немало ошибочных представлений.

Франция: белый и триколор

Во Франции королевское знамя начиная с XVII в. было белым¹. Оно поднималось в ставке короля, когда тот выступал в роли главнокомандующего. Белое знамя использовалось и вообще как символ командования – например, во французских войсках, участвовавших в Войне за независимость США. Белый флаг вывешивался на флагманских кораблях, а затем (судя по документам первых лет Великой французской революции) также на зданиях мэрий (ратушах). Фактически он выступал в роли государственного.

С 1790 г. национальными цветами революционной Франции были признаны синий, белый и красный, при сохранении белого

¹ Согласно одной из версий, белый цвет знамени восходит к белому шарфу, который Генрих IV носил еще до своего перехода в католичество, в качестве вождя гугенотов. В религиозных войнах 1562–1598 гг. белый был цветом гугенотов: считалось, что он символизирует чистоту кальвинистской веры. Однако у цвета знамени могли быть и другие источники; в частности, белый был цветом креста св. Дени, а этот крест столетиями служил отличительным знаком французской армии.

знамени как символа королевской (государственной) власти. Считается, что творцом французского триколора был генерал де Лафайет, начальник Национальной гвардии: в июле 1789 г. к красному и синему цветам кокард национальных гвардейцев¹ он добавил белый в знак примирения парижан с королем. Однако, согласно одному из новейших исследователей, трехцветная кокарда вместо двуцветной появилась уже в канун штурма Бастилии, а ее третий, белый цвет трактовался скорее как цвет Французского королевства, т.е. нации и государства [Coppens, 1989]. Поэтому трехцветную кокарду, символ очевидно революционный, могли называть «королевской и буржуазной» («la cocarde royale et bourgeoise»)².

М. Пастуро указывает еще один возможный источник французского триколора. Синий, белый и красный использовались во Франции в качестве символа свободы уже в 1770-е годы, со времени Войны за независимость США. Эти цвета ассоциировались с цветами американского флага (которые, в свою очередь, восходят к цветам британского флага) [Pastoureau, 2007, p. 32–37].

10 июня 1789 г. Национальное собрание объявило трехцветную кокарду «национальной эмблемой». Отныне это «три цвета нации» [Пастуро, 2017, с. 85].

Вскоре триколор оказался в оппозиции к *белому*, хотя поначалу это не была оппозиция «республика – монархия», а скорее оппозиция нового (конституционного) порядка и Старого режима. 21 октября 1790 г. в Национальном собрании обсуждался проект замены трехцветного знамени во флоте белым. Мирабо решительно выступил против, назвав белое знамя «знаменем контрреволюции» [Олар, с. 97]. Между тем он был сторонником конституционной монархии, как, впрочем, почти все тогдашние революционеры.

15 февраля 1794 г. декретом Конвента окончательно определяется вид государственного флага: три вертикальные полосы, первая от древка – синяя (вместо красной) [Пастуро, 2017, с. 86].

¹ Цвета этих кокард обычно считаются цветами Парижа, хотя история их появления не столь однозначна.

² Так она названа в «La Gazette de Leyde» от 14 июля 1789 г. в отчете о событиях 17 июля, когда мэр Парижа Бальи вручил новую кокарду королю [Coppens, 1989].

После установления республики (1793) белый цвет становится символом монархической реставрации. В Вандее «католическая и королевская армия» идет в бой с белыми кокардами и под белыми знаменами, нередко украшенными золотыми лилиями или культовым изображением Святейшего Сердца Иисуса Христа. Те же символы используются в эмигрантских ополчениях; офицеры к тому же носят и белые нарукавные повязки [Пастуро, 2017, с. 86, 89].

При вступлении союзников в Париж в 1814 г. их встретили 5–6 тысяч белых кокард роялистов; в то же время сами союзники перед вступлением в город надели белые нарукавные повязки, чтобы распознать своих среди пестрых национальных мундиров. После этого повязки надели и многие парижане, «одни – думая тем обеспечить себя против насилий со стороны казаков, другие – как эмблему мира» [История XIX века, т. 2, с. 346]. В результате возникло обоюдное недоразумение: парижане решили, что Европа за Бурбонов, союзники – что Париж за Бурбонов.

После Реставрации на королевском флаге появляются золотые лилии или королевский герб. Все кокарды и флаги, кроме белых, были запрещены [Пастуро, 2017, с. 86, 90].

Белое знамя было знаменем Франции с 1814 г. до Июльской революции 1830 г., когда на смену ему опять пришел триколор, теперь уже навсегда.

В мае 1871 г. вождь легитимистов (т.е. сторонников династии Бурбонов) граф де Шамбор заявил, что взойдет на трон, если будет принято белое национальное знамя, которое воплощает в себе «уважение к религии, защиту всего справедливого, всего благодетельного, всего законного» [Garnier, p. 447]. В 1873 г. монархическое большинство Палаты депутатов предложило графу корону Франции. Де Шамбор был готов примириться с принципом конституционной монархии, но не с трехцветным знаменем, – и Франция большинством в один голос стала республикой.

В 1883 г. граф Шамбор умер. К этому времени глава орлеанистов Филипп Орлеанский провозгласил себя наследником традиционной монархии, отказавшись от наследия своего деда – «короля-буржуа» Луи-Филиппа и от принятого им трехцветного знамени. Часть легитимистов, однако, признала главой дома Бурбонов испанского короля Филиппа V, потомка Людовика XIV. Так появились «белые испанского толка» и «белые орлеанистского

толка», букв. «белые Испании» (*les blancs d'Espagne*) и «белые [замка] д'Э» (*les blancs d'Eu*), по названию резиденции Филиппа Орлеанского – замка в городе Э (Нормандия).

Белые и синие

Синий цвет триколора, замечает М. Пастуро, важнее остальных, потому что он ближе к древку и в безветрие – единственный видимый [Пастуро, 2017, с. 82].

Робеспьер ввел в моду синий фрак, и этот фрак сохранялся в памяти еще в 1820-е годы [Реизов, с. 174]. В «Жизни Россини» (1824) Стендаль писал: «В 1795 г. <...> г-н Тони, который впоследствии сделался знаменитым издателем, служил чиновником венецианского правительства в Вероне... Неожиданно он был смещен, и ему грозила тюрьма. Он поспешил в Венецию; после трех месяцев, проведенных в различных хлопотах, ему удалось увидеться наедине с одним из членов Совета десяти, который сказал ему: “Какого дьявола вы заказали себе синий фрак? Мы приняли вас за якобинца”» [цит. по: Реизов, с. 174].

В литературе о Вандейском восстании укоренилось противопоставление «*белые – синие*» в значении «роялисты – республиканцы». В известном смысле это прообраз дихотомии «*белые – красные*» в нашей Гражданской войне. Однако оппозиция «*белые – синие*» не существовала в политическом языке вплоть до эпохи Июльской монархии. Вопреки распространенным – даже во Франции – представлениям современники не называли вандейских повстанцев *белыми*. Субстантивированное прилагательное *белые* в значении «роялисты», по-видимому, вообще не встречалось в эпоху Великой революции (и даже в текстах Наполеона I, включая продиктованные на о-ве Св. Елены). В старой работе К.Н. Державина, специально посвященной языку Великой французской революции, утверждалось, что «термин “белый” как синоним контрреволюционера и, в частности, роялиста, вошел в обиход в связи с Вандейским восстанием» [Державин, с. 52–53]. Однако ни одного примера такого словоупотребления здесь не приведено.

Вандейские повстанцы действительно нередко именовали своих противников-республиканцев *синими*, по цвету их мундиров – синих с красной выпушкой [напр.: Beauchamp, p. 176, 186]. В т.н. «Марсельезе белых»¹, написанной не позднее мая 1793 г., пелось: «Кровь синих / Обагрит ваши нивы!» [La Boutetière, p. 26]. Так было перефразировано двустигшие «Марсельезы» «Пусть нечистая кровь / Оросит наши нивы!»

Наименование *синие* популяризировал Бальзак в романе «Шуаны, или Бретань в 1799 году» (1829), однако *белых* в «Шуанах» нет. Зато роман Эжени Фoa о Вандейском восстании (1832) уже назывался «Белые и синие» [Foa, 1832]. Представления позднейшей читающей публики о Вандейском восстании почерпнуты прежде всего из «исторической хроники» В. Гюго «Девяносто третий год» (1874), где повстанцы именуется *белыми* даже в речи действующих лиц. Это не могло не повлиять на семантический ореол понятия *белые* в европейской, и в частности русской, культурной традиции.

С середины XIX в. *синими* нередко называли буржуазных республиканцев, в отличие от *красных* (социалистов), *белых* (роялистов) и *черных* (клерикалов), например: «Единодушно белые и синие [в Национальном собрании, 10 мая 1848 г.] закричали: “Нет, нет! Не нужно социализма”» [Блан. История революции..., с. 484].

Среди вариантов названия незаконченного романа Стендаля «Люсьен Левен», главный герой которого – республиканец, нередко встречается название «Синее и белое»; затем появился вариант «Красное и белое». Первоначальный республиканский цвет – синий – был заменен красным отчасти, вероятно, потому, что Люсьен Левен был уволен из Политехнической школы после демонстрации на похоронах Ламарка (1832), когда красное знамя впервые появилось на улицах Парижа [Реизов, с. 182].

С 1830-х годов *синий* постепенно утрачивал свой политический радикализм. После революции 1848 г. он стал цветом умеренных республиканцев, затем центристов и наконец при Третьей республике – цветом правых республиканцев. «Теперь синий был гораздо ближе к белому, чем к красному» [Пастуро, 2017, с. 91].

¹ Название «La Marseillaise des Blancs» дано задним числом; в тексте песни не только не упоминаются *белые*, но и вообще нет символики белого цвета.

В период дебатов вокруг дела Дрейфуса некоторые «антидрейфусары», т.е. националисты-антисемиты, носили в петлице синюю гвоздику как символ патриотизма [Tournier, 2000, p. 110].

В 1829 г. французские солдаты вместо синих брюк стали носить красные. Эти цвета сохранились до самого начала Первой мировой войны. И только весной 1915 г. им выдали синие брюки нового оттенка, получившего название «синевы горизонта». По итогам выборов 1919 г. в Палате депутатов оказалось много вчерашних солдат, которые еще год назад носили синюю форму. Журналисты окрестили палату нового созыва «палатой синевы горизонта». В этой палате правые и центристы объединились в патриотический блок, занимавший непримиримую позицию по отношению к русским большевикам. Благодаря им *синий* окончательно превратился в цвет правых республиканцев, противников *красных* [Пастуро, 2017, с. 92–93].

В отличие от других цветов, появившихся во французском политическом языке в XVIII–XIX вв. (белый, черный, красный, желтый), «синий республиканский» не стал интернациональным.

Универсальным политическим символом – однако не вербальным, а визуальным – синий становится в XX веке. Ныне он воспринимается как спокойный, миролюбивый, ненавязчивый, почти нейтральный и выражает идеи умеренности и диалога [Пастуро, 2017, с. 103]. В XX веке все крупные международные организации выбрали себе эмблемы голубого или синего цвета: Лига Наций, затем – ООН и ЮНЕСКО, а также Совет Европы и Европейский союз.

Клерикальный черный

После переезда Национального собрания в Париж *черными* (les Noirs) стали называть крайне правых монархистов из-за обилия на правом крыле представителей духовенства в черной одежде. «Вся остальная часть собрания, – писал Ж.П. Марат, – составлена из смертельных врагов революции, известных под именем *черных*» («Друг народа», 20 июня 1790) [Марат, т. 2, с. 150]. «Но-

вый заговор со стороны черных» – заглавие статьи в «Друге народа» от 18 июля 1790 г. [Марат, т. 2, с. 168].

Итак, *черными* здесь именуются те, кого позднее – задним числом – назвали *белыми*.

С лета 1791 г. французская печать писала о «черной армии» (*l'armée noire*), формируемой эмигрантами на западных границах революционной Франции. В корреспонденции из Брюсселя, опубликованной в парижском «Мониторе» 29 июля 1791 г., говорилось, что «недовольные во Франции состоят в переписке со здешними эмигрантами», которые формируют «черную армию». «Здесь нередко слышны разговоры, соответствующие образу мысли черных (*la façon de penser des noirs*) во Франции», т.е. депутатов Национального собрания, «преданных трону и алтарю» [*Réimpression de l'Ancien Moniteur*, p. 241].

Наконец, в 1797 г. появилось выражение «черные якобинцы» (см. ниже).

Широко известно заглавие биографического романа А.К. Виноградова о Стендале (1931) «Три цвета времени». В гл. 36 речь идет об Италии 1821 года: «Цвет времени меняется; преобладает черная краска. Неужели и здесь, как и во Франции, бурбонский цвет, сменившийся ярким красным праздником революции, перейдет в черный цвет, и церковный мрак – в реакционную злобу коронованных животных?» [Виноградов, т. 1, с. 295].

Наименование *черные* возродилось в 60-е годы XIX в. Обозреватель либерального парижского журнала писал: «Сегодня во Франции только две партии – синих и черных, наследников 89-го года и адептов *Силлабуса*¹» [Техер, p. 160].

Отныне понятие *черные* отождествляется с католической реакцией, причем не только во Франции. С 1873 г. «Черный Интернационал» – обычное наименование иезуитов в ходе т.н. «борьбы за культуру» (*Kulturkampf*) в Германии. Позднее это выражение стало применяться к католической церкви вообще.

¹ «Syllabus, или Перечень, заключающий в себе главнейшие заблуждения нашего времени», – приложение к энциклике Пия IX от 8 декабря 1864 г. Здесь объявлялось заблуждением мнение, будто «Римский Первосвященник может и должен примириться и вступить в соглашение с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией».

Наименование клерикалов *черными* тем легче вошло в интернациональный политический язык (по крайней мере, в континентальной Европе), что черный цвет преобладал в одеяниях рядового духовенства и в католичестве, и в протестантизме, и в православии.

Леворадикальный черный

Согласно Луи Блану («История десяти лет», 1841), мысль о черном флаге как революционном зародилась в дни Июльской революции. 29 июля 1830 г. один из повстанцев, увидев на здании мэрии трехцветный флаг, заявил: «Нам нужен черный флаг, и Франция не откажется от этого цвета, пока не отвоюет свою свободу» [Boudet, p. 787].

В данном случае черный цвет трактовался как знак решимости сражаться до смерти. В этом качестве он нередко встречается в новой и новейшей истории. Так, во время Гражданской войны в США черный флаг поднимали иррегулярные части «южан» в знак того, что они не будут ни давать, ни просить пощады; черный флаг противопоставлялся белому флагу капитуляции. В России при Временном правительстве черный был цветом ударных частей русской армии. Отсюда же черный цвет чернорубашечников в фашистской Италии и т.д.

На улицах черные знамена (с надписью: «Работа или смерть!») впервые появились во время восстания безработных землекопов в Реймсе 15 января 1831 г. [Dommanget, p. 45]. Черный цвет этих знамен обычно толкуется как цвет отчаяния и нужды. Два месяца спустя (апрель 1831) под черными знаменами восстали лионские ткачи. Самая известная надпись на этих знаменах: «Жить работая или умереть сражаясь», – как раз означала решимость сражаться до смерти.

С 1860-х годов черное знамя объявляют своим международные анархистские организации. По одной из версий, этому способствовало то, что черный, будучи «отрицанием всех цветов», мог истолковываться также как символ отрицания всего существующего порядка [напр.: Dommanget, p. 48]. Однако примеры такого истолкования черного знамени нам неизвестны.

Черный цвет оставался лишь **визуальным** символом анархистов. В плане языковой символики анархисты считались – и сами ощущали себя – *красными*, как сторонники левых идей. Понятие *черные* было зарезервировано за клерикалами.

Парижские коммунары, среди которых анархисты были крайне влиятельны, использовали черное знамя наряду с красным. Ныне многие анархо-синдикалистские организации используют черно-красное знамя.

Леворадикальный красный

Различные предметы красного цвета, включая флаги, издавна использовались в качестве сигнала тревоги¹. Обычно считается, что именно к такого рода сигналам восходит революционное красное знамя.

21 октября 1789 г. в Париже был обнародован закон об осадном (или военном) положении (*loi martiale*). Оно вводилось в случае «угрозы общественному спокойствию», и его сигналом был красный флаг, выставляемый в главном окне городской ратуши и на улицах. При подавлении беспорядков использовалась Национальная гвардия, причем перед гвардейцами несли красный флаг в качестве предостерегающего знака. После отмены осадного положения красный флаг в окне ратуши заменялся обычным белым. Таким образом, оба флага выступают в качестве символов **одной и той же власти**: мирной или применяющей силу.

Так, при подавлении волнений католиков в г. Ним (13–15 июня 1790 г.) белый флаг на здании ратуши был временно заменен красным [*Nouvelles de Nîmes*, 1790].

17 июля 1791 г. на Марсовом поле собрались противники монархии с требованием отречения короля, бежавшего из Парижа.

¹ Как вспоминал один из руководителей восстания в Свеаборге (июль 1906) С.А. Цион, восставшие артиллеристы «вывесили свой самодельный красный флаг без всяких надписей». На вопрос арестованных ими офицеров: «За что вы, ребята, собственно, деретесь?» – они ответили: «За свободу народа!» Тогда офицеры спросили: «Что же на вашем флаге этого не видеть? – красный флаг без надписей и над пороховым погребом бывает» [Цион, 1907, с. 64].

Мэр Парижа Бальи приказал вывесить у главного окна ратуши красный флаг как сигнал военного положения. Красный флаг несли также в колонне национальных гвардейцев, «но такой маленький, что впоследствии его называли *карманным*», и несли его не во главе колонны, как того требовал закон, а в ее рядах, так что собравшиеся на Марсовом поле не могли его заметить [Блан. История Французской революции, т. 5, с. 384–385]. При разгоне собравшихся погибло несколько десятков республиканцев. 6 августа было объявлено об отмене военного положения и замене красного флага на ратуше белым [Table alphabétique..., p. 8].

В марте 1792 г. в Париже вышла брошюра под заглавием «Красный флаг мамыши Дюшен, против всех фракций и интриганов» [Vuée, 1792]. Ее автор, аббат Адриан Квентин Буэ (1748–1826), был противником республики; вскоре он эмигрировал в Лондон и вернулся после Реставрации.

10 августа 1792 г. республиканцы штурмовали дворец Тюильри; в тот же день король был низложен. По широко распространенному мнению, «красное знамя развевалось там и сям над революционными колоннами» [Жорес, с. 592], т.е. стало – впервые – символом революции.

Согласно Габрэлю Перро, красное революционное знамя зарождается между 1792 и 1794 гг. [Petitex, p. 13]. В сравнительно недавнем справочнике Ж. Будэ «Исторические слова» сказано, что красное знамя стало эмблемой революционеров с июля-августа 1792 г. [Boudet, p. 325]. В статье Д. Фельдмана «Красные белые» читаем: «Под красными флагами собирались вооруженные санкюлоты. Именно под красным флагом в августе 1792 г. отряды санкюлотов, организованные тогдашним городским самоуправлением, шли на штурм Тюильри. Вот тогда красный флаг стал действительно знаменем. Красное знамя и белое знамя стали символами противоборствующих сторон. Республиканцев и монархистов» [Фельдман, с. 9].

Однако, как показал Морис Домманже в своей монографии об истории красного знамени [Dommanget, 1967], представление о «красном знамени якобинцев» не более чем легенда.

Верно лишь то, что в канун восстания в Клубе кордельеров было предложено приготовить красные флаги с надписью: «Военное положение суверенного народа против исполнительной власти», – как ответ на флаг, ставший сигналом к расстрелу на Мар-

совом поле. Эту идею приписывал себе радикал Пьер Шометт, а также жирондист Жан Луи Карра. Их заметки, из которых мы знаем об этих флагах, попали в печать лишь десятилетия спустя. Такие флаги были изготовлены, но не использовались – надо думать, из-за позиции руководства восстания. Штурм Тюильри совершался под трехцветными флагами [Dommanget, p. 30–32].

Тем не менее в конце декабря 1792 г. отряду, набранному в Брюсселе из местных санкюлотов, было присвоено красное военное знамя. На двух его сторонах были помещены строки «Марсельезы»: «Трепещите, тираны, и вы, рабы!» (в «Марсельезе»: «...и вы, предатели!»); «Пусть нечистая кровь оросит наши нивы!» Знамя было увенчано фригийским колпаком с трехцветной кокардой [Henne, p. 424, 429]. Красный цвет этого знамени, судя по надписям, мог означать цвет вражеской крови.

Этот случай был единичным; красное знамя не стало знаменем санкюлотов и якобинцев. Совсем напротив: 28 апреля 1793 г. на свежей могиле К. Ф. Лазовского, кумира санкюлотов и одного из руководителей штурма Тюильри, были сожжены два флага, белый и красный, как равно ненавистные символы. На красном было написано: «Он [Лазовский] отомстил за патриотов [Марсова поля], сорвав этот флаг вместе со своими товарищами» [Bucheze, t. 27, p. 189]. На празднике в честь Конституции в Блуа 30 июня 1793 г. красный флаг был назван «позорным символом роялизма», «эмблемой жестокости и резни» [Dommanget, p. 34]. А 12 ноября 1793 г. повезли на казнь мэра Парижа Бальи; следом в грязи волокли красный флаг как напоминание о Марсовом поле [Реизов, с. 178].

Утверждение, будто красные флаги использовались бабувистами после термидорианского переворота, также неверно [Dommanget, p. 34].

И хотя в т.н. «Марсельезе белых» (см. выше) пелось «Против нас поднят кровавый флаг республики», это всего лишь инверсия революционной риторики «Марсельезы»: «Против нас поднят кровавый флаг тирании». В обоих случаях «кровавый» – метафора, а не указание на цвет флага.

Позднейшее восприятие красного цвета как радикально-революционного было связано не со «знаменем 10 августа», а с фригийским колпаком. Эту мягкую красную шапку с остроконеч-

ным загнутым верхом во Франции называли «красным колпаком»¹. Уже в 1675 г. в Бретани произошло крестьянское выступление против новых налогов, известное как «восстание красных колпаков».

Революционной эмблемой фригийский колпак стал в североамериканских штатах в годы Войны за независимость, а затем и во Франции. Незадолго до восстания 10 августа 1792 г. группа республиканцев явилась в Национальное собрание, требуя оружия. Они несли палку, на которой был надет красный колпак с надписью: «Долой надоевшую власть!» [Блан. История Французской революции, т. 7, с. 33]. А в день восстания отряд марсельцев увенчал красным колпаком свое трехцветное знамя [Dommanget, p. 32]. Вскоре «колпак свободы» стал эмблемой Французской республики и обычным символом санкюлотов и якобинцев. При якобинцах «колпак свободы» использовался в качестве церемониального головного убора муниципальных чиновников.

Согласно дневниковой записи очевидца, опубликованной в 1930 г., красное знамя было замечено в Париже уже 29 июля 1830 г. [Dommanget, p. 40]. Однако современных печатных сообщений об этом не имеется: этот эпизод не стал фактом общественного сознания.

Во время Лионского восстания 1831 г. наряду с черным знаменем использовался также триколор и кокарды с семью цветами радуги, что свидетельствует о поисках новой революционной и социальной символики [Dommanget, p. 47]. В трактовке сенсимонистов синий символизировал цвет веры, белый – цвет любви, красный – цвет труда [Garrigues, p. 96].

5 июня 1832 г. похороны генерала-республиканца Ж.М. Ламарка переросли в политическую манифестацию под красными знаменами. В глазах радикальных республиканцев триколор дискредитировал себя, став знаменем монархии Луи-Филиппа. Но почему было выбрано именно красное знамя, современники не объясняют; иные даже заподозрили тут провокацию полиции.

¹Предшественником фригийского колпака была античная шапка (*лат.* pileus), которую носили ремесленники и другие свободные простолюдины; раб, получив свободу, получал и право носить pileus. Позднее pileus был отождествлен с фригийским колпаком (Фригия – область в Малой Азии), который нередко встречался в позднеантичной иконографии. Ни фригийский колпак, ни pileus не были обязательно красными.

Находившийся в похоронном кортеже маршал Изидор Экзельман, участник наполеоновских войн и Июльской революции, воскликнул: «Долой красное знамя! Нам не нужно другого знамени, кроме трехцветного: это знамя свободы и славы!» [Blanc, t. 3, p. 107]. Годом позже республиканская газета «Tribune» назвала красные флаги «эмблемой, ненавистной для нас, нелепой для остальных» [Dommanget, p. 56].

Преемственность со «знаменами 10 августа» практически исключается: свидетельства о них попали в печать лишь в 1835 г. [Bucheze, t. 7, p. 188, 271]. Такое преемство было восстановлено задним числом – в 1848 г., когда историк Леонард Галлуа в «Письме к гражданам – членам Временного правительства» заявил, что красное знамя есть символ «осадного положения народа против мятежа деспотизма» [Dommanget, p. 57].

По всей вероятности, знамена 1832 г. получили свой цвет все от того же фригийского колпака. В 1790-е годы он уже использовался для увенчания триколора; он также надевался на пику или на палку, выступая в роли заменителя флага [напр.: Блан. История Французской революции, т. 6, с. 222; т. 7, с. 33]. По мере забывания «репрессивной» функции красного флага на первый план выходит ассоциация красного с «колпаками свободы».

Согласно Б. Г. Реизову, «красный цвет в сознании французов во время Реставрации не являлся политической эмблемой». В частности, республиканцы не носили красных кокард [Реизов, с. 176].

Однако во французской печати середины XIX в. встречаются упоминания о красной гвоздике как символе бонапартистов, который в эпоху Реставрации противостоял белому цвету роялистов. В 1847 г. журналист и политик Таксиль Делор (1815–1877) писал: «Еще есть провинции, где одна политическая фракция вставляет в свою бутоньерку белую гвоздику, а другая – красную. Старое знамя Франции было белым. Форма Первого консула была красной». (Мы полагаем, что красный цвет скорее отсылал к цвету мундиров наполеоновской гвардии. – *К. Д.*) Согласно Делору, красная гвоздика стала символом бонапартистов в первые же дни после Второй Реставрации, т.е. в июле 1815 г. [Delord, t. 2, p. 44, 104]. О том же писал Нарцисс Фурнье (1803–1880) в романе «История политиче-

ского шпиона в годы Революции, Консулата и Империи» (1847) [Fournier, t. 4, p. 296].

А с 1820-х годов красная гвоздика в петлице становится «подцензурным» символом республиканцев. В опубликованной в 1824 г. биографии полицейского чиновника и драматурга Шевалье де Пии (P.-A.-A. de Piis, 1755–1832) приводится его сатирический куплет:

Украшать, в хвастливом кокетстве,
Свою ироничную бутоньерку
Красной гвоздикой или букетиком
Весенних фиалок,
«Это значит быть повстанческим
– А не конституционным» (insurrectionnel, / – Et non
constitutionnel).

[Biographie nouvelle, t. 7, p. 320].

В историческом романе Поля Лакруа «Добродетель и темперамент: История из времен Реставрации» (1832) в салоне графини Доран «республиканцев можно узнать по красной гвоздике» [Lacroix, t. 1, p. 349].

В феврале 1831 г. Гейне противопоставляет «красные цветы» якобинства «[белым] лилиям» роялизма [Гейне, т. 4, с. 44]. В парижском журнале «Мода» за 1831 год перечисляются отличительные признаки республиканца: «красная гвоздика, серая шляпа и республиканские усы» [Revue de la Semaine, p. 258].

Попутно заметим, что в конце 1880-х годов красная гвоздика была символом буланжистов – сторонников генерала Жоржа Буланже (1837–1891), которого прочили в военные диктаторы [Chincholle, p. 103]. Однако движение это просуществовало лишь несколько лет.

В 1830-е годы фригийские колпаки снова входят в моду; одно из знамен 6 июня 1832 г. было увенчано таким колпаком.

Успеху нового революционного символа способствовала повышенная суггестивность красного, зорко подмеченная Гейне: «...Вид красного знамени, очевидно, как бы околдовал их [манифестантов] разум» [Гейне, 1982, т. 4, с. 130]. В отличие от «революционного черного», красный мог восприниматься и как цвет борьбы, и как праздничный цвет.

Красное знамя 1832 г. было символом радикально-республиканским, однако еще не «социальным». Во втором каче-

стве оно появляется во время второго восстания лионских ткачей (апрель 1834 г.), хотя основным знаменем лионских инсургентов оставалось, как и во время первого восстания, черное.

Красное знамя становится символом тайных революционных обществ [Dommanget, p. 64], а в феврале 1848 г. выходит на улицы. 25 февраля Огюст Бланки потребовал от Временного правительства объявить это знамя знаменем Французской республики – не буржуазной, а «социальной». Красный цвет, пояснял Бланки, есть цвет «благородной крови, пролитой народом и Национальной гвардией» в борьбе за республику [Delvau, p. 323].

Однако Альфонс де Ламартин, глава Временного правительства, произнес с балкона парижской ратуши страстную речь в защиту национального триколора: «В красном знамени она [Европа] увидит лишь знамя одной партии»; «Красное знамя, которое вы несете, обошло лишь Марсово поле, обогренное кровью народа в 91-м и 93-м году; а трехцветное обошло весь земной шар, прославляя имя и свободу отечества!» [Gallois, t. 1, p. 141]¹. Что имелось в виду под «93-м годом», остается неясным. Если речь о якобинском терроре, то он осуществлялся как раз под трехцветным знаменем.

В № 1 летучего листка «Красная республика» от 10–12 июня 1848 г. говорилось: «Красный флаг – не флаг крови, это флаг братства» [Delmas, p. 61].

В 1870 г. Луи Блан, объясняя, почему красное знамя было предложено в качестве национального, уже не говорил о цвете пролитой народом крови. Теперь он ссылался на орифламмю – красную воинскую хоругвь французского короля в Средние века («Цвет, который в течение долгого времени обозначал нацию, был красный цвет»), а также на то, что красный флаг как знак осадного положения «с легальной точки зрения был знаменем порядка» [Блан. История революции..., с. 135, 140]. Но к этому времени в левых кругах утвердилась трактовка красного как цвета крови, пролитой в борьбе за свободу и рабочее дело.

В 1848 г. *красный* становится термином политического языка: *красными* именуют всех сторонников левых идей, и они принимают

¹ В тексте речи, опубликованном в собрании сочинений Ламартина, фрагмента о Марсовом поле нет [см.: Lamartine, 1863, t. 38, p. 380].

это наименование. Красное знамя отныне – символ международного социализма и рабочего движения.

В уже упомянутой работе К.Н. Державина утверждалось, что уже во время Великой французской революции «les rouges [красные] служило синонимом революционеров» [Державин, с. 52]. Со ссылкой на Державина этот ошибочный тезис повторен в статье С.А. Рейсера [Рейсер, с. 295].

Со времени Парижской коммуны красное знамя стало общепризнанным коммунистическим знаменем. Радикализация *красного* достигла своего пика.

«Красный призрак»

В 1851 г. был опубликован памфлет бонапартиста Огюста Ромье «Красный призрак 1852 года». «Красный призрак» («Le Spectre rouge») в названии книги означает «красную угрозу». Н.С. и М.Г. Ашукины полагают, что «Ромье, несомненно, имел в виду первые слова “Манифеста Коммунистической партии” (1848): “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”» [Ашукин, с. 312–313]. Однако в тексте памфлета никаких отсылок к «Манифесту» нет; по-видимому, Ромье был знаком лишь с высказываниями французских социалистов.

Автор предсказывал гражданскую войну во Франции в 1852 г. Обращаясь к либеральной буржуазии, наследнице принципов 1789 года, и роялистам, сторонникам «белого знамени», он призывает их объединиться вокруг Луи Бонапарта перед лицом «новой Жакерии», которая приведет к крушению цивилизации во Франции:

«Французская нация более не существует. На старой галльской земле богатые тревожатся, а бедные алчут, вот и все. <...> То, что сдерживает их в ту минуту, когда я это пишу, – это армия». «Дуэль идет между порядком и хаосом. И порядок воплощаете не вы, о буржуа Революции! Сила – вот единственный символ порядка» [Romieu, p. 47, 68].

В тексте памфлета «красная» цветовая символика не используется, но Александр Герцен однозначно связал «красный призрак» с фригийской шапкой:

«Брошюра Ромье – крик ужаса, раздавшийся у гуляки, невзначай увидавшего в окно столовой <...> *красный призрак*; увидав Медузу в фригийской шапке, ему показалось, что своды треснули, что столбы закачались, из-за трещин ему мерещился огонь от поджога, головы на пиках, люди с топорами с заскорузлыми руками, и он, дрожа всем телом, стал звать на помощь» («Письма из Франции и Италии», XIII, 1 июня 1851) [Герцен, т. 5, с. 203].

Красное и белое (XIX в.)

Оппозиция «*красное – белое*» ни в одну из эпох французской истории не была центральной, системообразующей. До 1830 г. *белому* противостоял прежде всего триколор. В «трехцветной» монархии Луи-Филиппа (1830–1848) *белое* не могло играть роли главного оппонента *красного*. Характерно, что в июне 1832 г. радикалы-республиканцы неявно блокировались с *белыми* легитимистами, для которых буржуазная монархия была неприемлема.

Тройственная оппозиция «*белые – красные*», «*синие – красные*» и «*синие – белые*» на очень короткое время возникла после выборов в Законодательное собрание 13 мая 1849 г. Умеренные республиканцы (*синие*) потерпели сокрушительное поражение, проведя лишь 70 кандидатов. Две трети мандатов (ок. 500) получила т.н. «партия порядка» – блок орлеанистов (сторонников Орлеанской династии) и легитимистов (сторонников Бурбонов). Т.н. «Новая Гора» – блок левых (*красных*) республиканцев и социалистов – получила 180 мест.

Вождь социалистов Луи Блан писал в своей газете «Le nouveau monde»: «200 представителей самых ярких красных [du rouge le plus foncé, букв. ...темно-красных] пришли, чтобы укрепить демократическую фалангу в Палате. Столкнулись две крайние партии: красные лицом к лицу с белыми» [L'Assemblée législative..., p. 39].

Такое толкование понятия *белые* можно назвать расширительным. Собственно *белыми* в Палате были только легитимисты; знаменем орлеанистов – сторонников буржуазной монархии, так же как и знаменем умеренных республиканцев, оставался триколор.

Альфред де Мюссе в «Сонете к читателю» (январь 1850 г.) восклицает:

Быть красным сегодня вечером, белым завтра – не мое кредо!
[Musset, p. 141 (1-я паг.)].

После переворота 2 декабря 1851 г., осуществленного Луи Бонапартом, это противостояние отошло на второй план. Во Второй империи легитимисты были в оппозиции к власти. И в 1848, и в 1870–1871 гг. друг другу противостоят триколор и красное знамя.

Вне Франции оппозицию «*красные – белые*» мы находим в Польском восстании 1863–1864 гг. По своему содержанию оно было национальной и вместе с тем социальной революцией. Радикальное крыло повстанцев обычно именуется *красным*, умеренное – *белым*. *Красные* и *белые* – обычные термины в повстанческой подпольной печати, хотя и не принятые ни одной из сторон в качестве самоназвания [Prasa tajna, 1966]. Наименование *белые* с роялизмом связано не было: все повстанцы боролись с самодержавием за независимую республику¹. Существенно также то, что оппозиция «*красные – белые*» не была антагонистической: она существовала в рамках одного движения, и границы между обоими крыльями были крайне зыбки.

Белый как цвет умеренности (в оппозиции к *красному*) полвека спустя появляется в Финляндии; об этом речь впереди.

Белые и красные якобинцы

Тем не менее в одном, зато чрезвычайно важном аспекте *белое* действительно противостояло *красному* в политическом языке. Речь идет о *красных* и *белых* якобинцах, а также о «красном» и «белом» терроре.

В 1797 г. вышел в свет памфлет Ж. Кузена «Белые якобинцы и красные якобинцы». Жак Кузен (1739–1800), математик и политик, в 1796–1797 гг. был сотрудником аппарата Директории. Судя по содержанию, памфлет написан незадолго до 10 августа 1797 г. По форме

¹ Национальное польское знамя состоит из белой и красной полос, но это, вероятно, случайное совпадение.

это диалог роялиста с якобинцем. Роялист рассчитывает на генерала Шарля Пишегрю как восстановителя монархии. Он говорит:

«Вы кровожадны, вы установите режим террора, велите носить красные колпаки и соорудите тысячи гильотин; мы не любим крови, мы велим носить белые колпаки и воздвигнем виселицы. Наши цвета и наши способы будут по крайней мере гораздо приятнее ваших» [Cousin, p. 7–8].

Автор памфлета заключает:

«*Белые якобинцы не лучше красных якобинцев*» [Cousin, p. 8].

Таким образом, роялистский и якобинский террор уравниваются как две опасности, грозящие Франции, причем красный цвет якобинцев задан фригийскими шапками.

В полицейском рапорте от 26 июля (8 термидора) 1797 г. сообщалось, что на улицах Бреста (Бретань) продается брошюра под заглавием «Якобинцы 9 термидора в агонии, или Белые якобинцы и черные якобинцы», и что «все покупают эту брошюру» [Ballot, p. 98]. Под «черными якобинцами» имелись в виду клерикалы.

После Второй Реставрации (1815) оппозиция «белые якобинцы – красные якобинцы» надолго укореняется в политическом языке как обозначение двух крайних течений, склонных к насилию. Поскольку же «красные якобинцы» надолго – вплоть до 1848 г. – исчезли с политического горизонта, эти выражения использовались обычно для критики крайних монархистов и клерикалов.

Бывший радикал-якобинец Ж.Ж. Реньо-Варен писал: «Белые якобинцы <...> желали и все еще желают полной и совершенной контрреволюции; <...> эти антиреволюционеры жаждут крови красных якобинцев» [Regnault-Warin, p. 273].

Умеренный монархист Рене де Шатобриан в своей знаменитой книге «О монархии согласно Хартии» (1816, гл. 19) сетовал, что французская оппозиционная печать именует депутатов парламента «аристократами, ультрароялистами, врагами Хартии [т.е. Конституции], *белыми якобинцами*, <...> *черными якобинцами*» [Chateaubriand, p. 35–36].

В 1820 г. публицист-республиканец замечает: «...Бывшие синие якобинцы ныне принадлежат к партии белых якобинцев» [Carrion-Nisas, p. 13].

В словарики, приложенном к книге Шарля Байля «Политическая и нравственная история революций во Франции» (1821), «белые якобинцы» определяются как «чрезмерно рьяные роялисты (royalistes exagérés), по контрасту с красными якобинцами» [Bail, p. 404].

Юрист Жан Жозеф Мунье (1758–1806), в 1789–1790 гг. видный депутат Конституционной ассамблеи, а затем эмигрант, в 1801 г. писал: «...Можно сказать, что, подобно якобинцам демократии, существуют якобинцы монархии, аристократии, суеверия [т.е. религии]» («О влиянии, приписываемом философам, франкмасонам и иллюминатам на Французскую Революцию», 1801).

Эта работа была издана посмертно, в 1822 г. Издатель дал примечание к процитированным выше словам: «Ныне существуют красные якобинцы и белые якобинцы: якобинцы гильотины и якобинцы виселицы» [Mounier, p. 122]. «Якобинцы гильотины» и «якобинцы виселицы» приводят на мысль памфлет Ж. Кузена 1797 г.

Эти выражения были известны и в России. 5/17 янв. 1827 г. вел. кн. Константин Павлович писал в Швейцарию своему учителю Ф.С. Лагарпу, убежденному республиканцу: «Что до меня, то я не люблю ни красных якобинцев, ни белых, ни черных, и из всех них предпочитаю якобинцев в красных колпаках и коротких штанах [sans culotte, т.е. санкюлотов], поскольку тут знаешь, с кем имеешь дело» [Константин Павлович, с. 74; в оригинале по-французски].

Белый и красный террор

В 1830-е годы вошло в обиход выражение «белый террор» (terreur blanche). Первоначально оно относилось к репрессиям против бонапартистов после второй реставрации Бурбонов (1815) [напр.: Touchard-Lafosse, p. 436]; позднее применялось также к термидорианским репрессиям (1794). По этому образцу в ходе революции 1848 г. создается выражение «красный террор» (terreur rouge) как синоним революционного насилия. Довольно скоро это выражение стало употребляться ретроспективно, по отношению к террору якобинцев, который прежде именовался просто Террором. (Заметим, что у Г. Гейне уже в 1826 г. встречается образ «красный марш гильотины».) [Гейне, т. 3, с. 126].

Обозреватель левой парижской газеты в статье от 19 октября 1848 г. писал, что реакция, «опасаясь фантома красного террора, <...> правит при помощи своего рода белого террора» [Les causes et les effets...].

15 июня, после разгона парижской манифестации 13 июня в защиту конституции, в Лионе началось восстание рабочих и ремесленников, подавленное правительственными войсками. На заседании Национального собрания 27 июня 1849 г., в ответ на обвинения в «белом терроре» против Лиона и соседних департаментов, генерал Бараге д'Илье заявил: «Во всяком случае, лучше белый террор, чем красный!» [Assemblée Nationale..., t. 1, p. 354].

В это время в парламенте преобладала «партия порядка», часть которой (легитимисты, сторонники Бурбонов) именовалась *белыми*. Тем не менее репрессии осуществлялись от имени «трехцветной» буржуазной республики.

С 1871 г. «красный террор» ассоциировался прежде всего с репрессиями Парижской коммуны против «контрреволюционеров». В свою очередь, «белым террором» в левой печати именовались репрессии против коммунаров. Отныне для левых «белый террор» – это террор победившей буржуазии.

Зеленый (XIX в.)

В начале Великой французской революции ее сторонники носили зеленую кокарду. Зеленый был цветом ливрей популярного министра Неккера, отправленного в отставку Людовиком XVI. Во время похода парижан на Версаль 12 июля 1789 г. Камиль Демулен сорвал с дерева в саду Пале-Рояля зеленый лист и укрепил его на своей шляпе в качестве кокарды. Его примеру последовали тысячи парижан. «Демонстрация, – поясняет Реизов, – имела целью восстановление Неккера на его посту. Однако этот цвет не удержался по той причине, что лакеи графа д'Артуа, впоследствии Карла X, также носили зеленые ливреи» [Реизов, с. 175]. В исторической литературе цвет «демуленовской» кокарды истолковывался в соответствии с традиционной символикой зеленого, как цвет надежды.

В 1798 г. в Лозанне (Швейцария) была провозглашена Леманская республика. Республика приняла бело-зеленый флаг, на котором помещен девиз «СВОБОДА И РОДИНА». Зеленый символизировал здесь свободу. В начале XIX в., после создания Швейцарской конфедерации, этот флаг стал флагом кантона Во со столицей в Лозанне [Пастуро, 2018, с. 113].

Согласно Реизову, в начале XIX в. зеленый считался цветом Наполеона. «После Реставрации вошли в моду зеленые туфли, и их носили для того, чтобы попирать ногами цвет Империи. Мать Виктора Гюго в это время носила только зеленые туфли. В 1814–1818 гг. в Дофине существовала “Партия зеленых” <...>. Это была партия бонапартистов» [Реизов, с. 176].

Однако в политическом языке *зеленый* не утвердился в качестве цвета бонапартистов.

В сентябре 1896 г. на международном сельскохозяйственном конгрессе в Будапеште Бертольд фон Плётц, председатель германского Союза сельских хозяев, назвал «Зеленым Интернационалом» собравшихся на конгресс аграриев. В 1910 г. это выражение было включено в немецкий справочник «Крылатые слова» («Geflügelte Worte»), а затем – в справочник С.Г. Займовского «Крылатое слово» (1930).

С той же «природной» символикой зеленого связано его превращение в XX веке в символ экологического движения.

Желтый на рубеже XIX–XX вв.

Желтый цвет вошел во французский, а затем и в интернациональный политический язык в конце XIX в. Уже в 1887 г., на съезде Национальной федерации профсоюзов в Монлюсоне, сторонники Жюля Гада, одного из лидеров социалистов-марксистов, использовали эпитет *желтый* для обозначения штрейкбрехеров [Tourmier, p. 125].

С 1899 г. во Франции стали появляться профсоюзы, организованные работодателями. Социалисты окрестили их *желтыми*, а политик и публицист Пьер Бьетри сделал эту кличку самоназванием нового движения. В 1902 г. Бьетри организовал и возглавил Нацио-

нальную федерацию «Желтых» Франции (Fédération nationale des Jaunes de France).

Органом федерации стал еженедельник «Желтый» («Le Jaune», 1904–1909). В его первом номере, вышедшем 1 января 1904 г., «Красному» (стороннику социалистических профсоюзов) противопоставлялся «Желтый» (сторонник *желтых* профсоюзов):

«Красный желает экспроприации.

Красный фанатичен и прибегает к насилию.

Красный желает уничтожить собственность.

Красный вступает в союз с революционными политиками против работодателей и против заводов и фабрик.

Желтый желает участия в прибыли.

Желтый – это сознательный и свободный работник.

Желтый желает доступа рабочих к собственности.

Желтый рекомендует союз с работодателями, чтобы избавиться от политиканов и вождей, которые эксплуатируют мир труда, разрушая заводы и фабрики»

[Biétry, p. 118].

«Желтые профсоюзы» отвергали классовую борьбу в принципе, и в том числе забастовки, интернационализму они противопоставляли национализм с антисемитской окраской. Их лозунг «Родина, семья, работа» стал в 1940 г. лозунгом коллаборационистского режима Виши (с перестановкой слов).

В 1906–1907 гг. в Цюрихе, а затем в Штутгарте издавалась «Желтая рабочая газета» на немецком языке – «Das Gelbe Arbeiter Zeitung» [Tournier, 1984, p. 134].

Однако самонаименование *желтые* не прижилось. В 1912 г. Национальная федерация «Желтых» прекратила существование.

Дело в том, что с понятием *желтый* в европейской символической культуре были связаны почти исключительно негативные коннотации, восходящие к эпохе Средневековья. Желтый цвет нередко использовался как отличительный знак фальшивомонетчиков, еретиков и евреев. В том же смысловом ряду стоят «желтые билеты» проституток, введенные в России при Николае I.

Желтый был также цветом Иуды в иконографии, который обычно изображался рыжим в желтом плаще. В многочисленных литературных и энциклопедических текстах зрелого Средневеко-

вя желтый представлен как цвет лицемерия и лжи [Пастуро, 2017, с. 55; Пастуро, 2012, с. 210–224]. Собственно, именно поэтому «соглашательские» профсоюзы и были прозваны *желтыми*, т.е. предательскими, ренегатскими.

Стоит отметить, что практически одновременно появляются понятия «желтая пресса» (в значении: «бульварная», «низкопробная», «падкая на дешевые сенсации») и «желтая опасность» – опасность со стороны «азиатов», прежде всего китайцев.

В 1895 г. в воскресном приложении газеты «Нью-Йорк уорлд», издававшейся Дж. Пулитцером, стал печататься (в два цвета) комикс Ричарда Ауткота о «желтом мальчишке». Вскоре газета «Нью-Йорк джорнал», издававшаяся У. Хёрстом, переманила Ауткота к себе и разгорелся спор из-за прав на «желтого мальчишку». Весной 1896 г. Эрвин Уордман в передовице «Нью-Йорк пресс» назвал обе газеты «желтой прессой» (Yellow press) [Америка, с. 1116–1117; Geflügelte Worte, S. 419].

Хотя появление этого наименования связано с обстоятельствами случайного характера (желтый цвет комикса), его быстрому распространению по всему миру, несомненно, способствовала традиционная семантика *желтого* в западной культуре.

«Желтая опасность» («The Yellow Danger», 1898) – заглавие романа английского писателя Мэтью Фиппса Шила, где «желтую опасность» олицетворяли китайцы. Вскоре это выражение вошло в язык публицистики. Позже оно иногда ошибочно приписывалось германскому императору Вильгельму II, который призывал европейские державы сплотиться в борьбе против Китая.

Красный в России: Начало

Из всех цветов западного политического спектра в русский политический язык XIX в. устойчиво вошел только *красный*. Прочие цвета встречаются редко, и обычно при освещении зарубежных событий.

Крайне редкий пример политической символики *красного* применительно к России 1820-х годов встречается в стихотворном послании А.С. Пушкина «В. С. Филимонову при получении поэмы его “Дурацкий колпак”» (1828):

Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен;
Не в моде нынче красный цвет [Пушкин, т. 3, кн. 1, с. 99].

В стихотворении имелся в виду литературный кружок «Зеленая лампа» (1819–1820), «Где в колпаке за круглый стол / Сидилось милое Равенство», как писал Пушкин в стихотворении «Горишь ли ты, лампада наша...» (1822) [Пушкин, т. 2, кн. 1, с. 264].

Однако «красный колпак» был принадлежностью другого, более раннего литературного общества – «Арзамас» (1815–1818). Арзамасцы обращались друг к другу: «граждане». «В “красный колпак” облекался всякий раз очередной председатель заседаний Арзамаса. В красном же колпаке выступал с традиционной речью новопринимаемый член. Наоборот, на голову всякого провинившегося арзамасца в виде наказания надевался белый колпак». В одной из арзамасских речей красный колпак прямо назван «украшением якобинцев» [Арзамас..., с. 72].

У арзамасцев красный колпак выступал также в роли шутовского колпака (который тоже часто бывал красным). Однако в пушкинском послании «красный цвет», который «нынче не в моде», однозначно связан с идеями декабризма и Французской революции.

Николай Надеждин переносит цветовую символику Французской революции на литературную борьбу 1820-х годов: «У нас теперь слыть классиком то же, что бывало во времена терроризма носить белую кокарду!» («Полтава» Пушкина, 1829) [Михельсон, т. 1, с. 429].

Также особняком стоит в русской литературе, созданной до 1848 г., упоминание красного стяга «народной вольности»:

.....
И звучным голосом он [колокол] снова загудит,
И в оный судный день, в расплаты час кровавый,
В нем новгородская душа заговорит
Московской речью величавой...
И весело тогда на башнях и стенах
Народной вольности завевет красный стяг...
Аполлон Григорьев. «Когда колокола торжественно звучат...»
[Поэты-петрашевцы, с. 324].

Это стихотворение, опубликованное в альманахе Герцена «Полярная звезда» в 1856 г., в рукописном сборнике помечено: «Москва. 1846 г., марта 1». Однако в 1846 г. Григорьев жил не в Москве, а в Петербурге, был близок к кружку петрашевцев и увлеклся идеями сенсимонизма.

Хотя обычными красные знамена стали лишь с 1848 г., нельзя исключить, что автор стихотворения знал о красных знаменах 1832 г. – например, из «Парижских писем» Гейне, одного из любимых поэтов А. Григорьева.

В строке «Народной вольности завеет красный стяг» можно предполагать контаминацию образа военных хоругвей Древней Руси и красного флага как радикально-республиканского символа. На средневековых русских миниатюрах и на иконах боевые стяги часто изображаются ярко-красными. Однако в качестве «городского» стяга они на Руси не использовались.

Уже после европейской «Весны народов» 1848 г. у Тютчева появляется выражение «Красный Запад». 24 февраля 1854 г., в начале Крымской войны, он пишет жене из Петербурга:

«Теперь, если бы Запад был *единым*, мы, я полагаю, погибли бы. Но их два: Красный и тот, которого он должен поглотить. В течение 40 лет [т.е. со времени Реставрации. – К. Д.] мы оспаривали его у Красного – и вот мы на краю пропасти. И теперь-то именно Красный и спасет нас в свою очередь» [Тютчев, т. 2, с. 208].

Имелось в виду, что раскол Запада на «Красный» (революционный) и, условно говоря, «консервативный» (Тютчев называет его также «католическим») помешает ему действовать солидарно против России. При этом бонапартистский режим Наполеона III для Тютчева тоже в известном смысле *красный*: «...Столь ненавистное [в Германии] русское влияние, если прекратится, тотчас будет заменено чем-нибудь вроде Рейнской конфедерации, приноровленной к требованиям времени, т.е.: Бонапартистской и Красной одновременно» (письмо от 2 февраля 1854 г.) [Тютчев, т. 2, с. 205].

Почти тогда же появляется понятие *красные* применительно к самой России. По-видимому, поначалу так были прозваны посетители салона графини Салиас-де-Турнемир, дом которой находился в Москве на Швивой (в просторечии Вшивой) горке. Здесь

собирались московские западники. Именно к ним относилась известная эпиграмма Н. Щербины (1858):

Монтаньяры Вшивой Горки!
«Красный цвет лишь дурню мил!»
Так народ наш дальнорзоркий
Этой меткой поговоркой
Вас навеки заклеимил [Щербина, с. 274].

Разумеется, во Франции «монтаньяры Вшивой Горки» могли быть названы разве что *синими*.

В эпоху подготовки и осуществления Великих реформ противники реформ именуют *красным* всякого, кто кажется им либералом. В «Отцах и детях» Кирсанов-старший говорит: «...Все делаю, чтобы не отстать от века: крестьян устроил, ферму завел, так что даже меня во всей губернии *красным* величают» [Тургенев, с. 189]. Роман был опубликован в 1862 г., а его действие происходит в 1858 г., когда сам Тургенев был постоянным посетителем салона графини Салиас-де-Турнемир.

Примеры такого словоупотребления – неизменно в саркастическом контексте – нередки у Салтыкова-Щедрина. *Красным*, и даже чуть ли не революционером, считался в консервативных кругах военный министр Дмитрий Милютин, осуществивший коренную реформу армии.

9 июля 1867 г. историк В. Ключевский записывает в своем дневнике: «Граф какой-нибудь, Бобринский, напр[имер] <...>, прежде считался красным из красных, а теперь один из типических затылков, на которые опирается “Весть”» [Ключевский, т. 9, с. 282]. Газета «Весть» была оплотом крайнего помещичьего консерватизма.

В августе 1830 г. Огюст Барбье написал стихотворение «La Cigée» («Добыча», или «Раздел добычи») – отклик на события Июльской революции. В 1856 г. это стихотворение перевел В.Г. Бенедиктов под заглавием «Собачий пир». Перевод был опубликован Н.П. Огаревым в сборнике «Русская потаенная печать» (Лондон, 1861); в России он распространялся в списках. У Барбье атрибуты Свободы – фригийская шапка (*bonnet*), трехцветный шарф (*écharpe aux trois couleurs*) и «трехцветные пламе-

на» (*tricolores flammes*). У Бенедиктова Свобода выступает уже «под гордо веющим по ветру красным флагом» [Бенедиктов, с. 31; Рейсер, с. 297 (здесь атрибуты Свободы в стихотворении «*La Surée*» описаны не вполне точно)].

В романе Льва Толстого «Воскресение» (1899) *красный* уже означает народовольца: «...совершенно переменил свои взгляды и из постепеновца-либерала сделался красным, народовольцем» [Толстой, т. 32, с. 400].

Со 2-й половины XIX в. в русской публицистике появляется выражение Огюста Ромье «красный призрак»; нередко – в калькированной с французского форме «красный спектр». Использовалось оно лишь при освещении событий в Европе.

В неподцензурной публицистике красное знамя – как знамя кровопролитного восстания и символ «социальной и демократической республики Русской» – появляется в прокламации П. Заичевского «Молодая Россия» (1862) [Революционный радикализм..., 1997, с. 149]. На демонстрации, организованной землевольцами у Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 г., красное знамя впервые было развернуто открыто. На рубеже XIX–XX вв. красные флаги становятся атрибутом забастовок и маевок.

В популярной литературе встречается утверждение, будто красный революционный флаг впервые появился в России во время т.н. Кандиевского восстания в Тамбовской губернии (март-апрель 1861). В Пензе даже установлено мозаичное панно «Кандиевское восстание» с огромной фигурой крестьянина-революционера под красным знаменем. На самом деле крестьяне «ездили поднимать соседние села, прикрепив к телегам шесты с красными платками» [Пензенская энциклопедия, с. 228].

На рубеже XIX–XX вв. все российские партии социалистического толка принимают красное знамя. Однако до 1905 г. «красная» политическая символика для широкой общественности оставалась скорее экзотикой.

Черный как черносотенный

В Первой русской революции мы видим уже три основных цвета: *красный, черный и белый*, при этом **центральную оппози-**

цию образуют *красный и черный*. Связано это было с появлением черносотенства как антиреволюционной силы.

«Черной сотней» называлось в допетровской Руси мещанское ополчение. Политическое значение термин приобретает с 1880-х годов как наименование «мещанской партии» в Московской городской думе: «У нас под этим именем [“черной сотни”] разумеют весьма сплоченную группу мещан и ремесленников, выходящую из третьего разряда избирателей» [Муромцев, 1910, с. 79–80]. В «Русской мысли и речи» М.И. Михельсона (1903) «черная сотня» определяется как «партия неинтеллигентных гласных в [городской] думе» [Михельсон, т. 2, с. 500].

С начала 1905 г. «черной сотней» и «черносотенцами» в левой и либеральной печати окрестили боевые дружины монархических организаций, напр.: «Что черная сотня была организована полицией, нет никакого сомнения»; составляют ее «мясники, краснорядцы, лавочники и всякий прочий базарный сброд» (по поводу событий 12 февраля 1905 г. в Курске, где были избиты гимназисты, устроившие «забастовку») [Внутреннее обозрение, 1905, с. 195, 194].

Затем так стали называть все крайние монархические элементы. Эти наименования были приняты крайне правыми в качестве самоназвания. Редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут писал в «Руководстве монархиста-черносотенца» (1906): «Враги самодержавия назвали “черной сотней” тот простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту своего Самодержавного Царя. Почетное ли это название “черная сотня”? Да, очень почетное». Ополченцы 1612 г. во главе с Мининым и Пожарским «были настоящими “черносотенцами”, и все они стали, как и нынешние “черносотенцы-монархисты”, на защиту Православного Монарха, Самодержавного Царя». Поэтому «черная сотня» – это «весь Православный Русский Народ» [Грингмут, с. 136].

Вскоре затем появляются, по аналогии, выражения «красная сотня» и «красносотенцы». В феврале 1906 г. в Харькове под псевдонимом «Русский» вышла черносотенная брошюра, озаглавленная: «“Красносотенцы” и “черносотенцы”»: К какой же партии при- ставать рус. человеку и кого ему выбирать в Гос. Думу?»

Сплошь и рядом черносотенцев именовали просто *черными*. Это наименование сближало их с «клерикальными черными» запад-

ноевропейского спектра, поскольку черносотенцы активно использовали религиозную символику – как визуальную, так и вербальную.

В либеральной печати черносотенцев иногда называли и *белыми*, как французских роялистов. О «белых террористах» говорил П.Н. Милюков [Милюков, 1908, с. 184]. П.Б. Струве писал о «белых и красных фантазмагориях», имея в виду идеологию черносотенцев и леворадикалов [Струве, 1911, с. 207–208].

«Левый» террор в антиреволюционной печати называют «красным террором», тогда как черносотенный террор в либеральной и левой печати нередко именуют «белым террором», например: «“Черные патриоты” <...> все время проповедуют так называемый *белый террор*» [Вашков, с. 11].

В левой печати «белым террором» называют также репрессии со стороны властей (начало этому положила уже народолюбивая публицистика).

Отметим парадоксальное употребление этого термина – по отношению к русскому прошлому – в памфлете Дм. Мережковского «Грядущий Хам» (1906): «Пушкин сравнивал Петра с Робеспьером и в петровском преобразовании видел “революцию сверху”, “белый террор”» [Мережковский, 1906, с. 29]. Здесь «белый террор» оказывается монархическим и революционным одновременно.

Белое знамя и «белая гвардия» черных

Революция 1905 г. представляла собой, среди прочего, борьбу флагов. Цветом революции был, разумеется, красный; правомонархические силы обычно выступали под бело-сине-красными флагами. Это обстоятельство способствовало дискредитации триколора в глазах левой общественности и, надо полагать, сказалось на его судьбе после Февраля 1917-го.

Либеральная пресса писала о погромах «под сенью национальных флагов» [Одесские избиения, 1905]. В прокламации, предшествовавшей погрому в г. Александровск Екатеринославской губернии (начало 1906 г.), заявлялось: «Кто за царя, родину и веру православную, <...> вступайте под русские трехцветные знамена сформированной Александровской русской боевой дружины, которая ринется с портретом царя и святой иконой на врагов на-

ших – краснофлажников» [Общественное движение, т. 3, кн. 5, с. 381]. После Киевского и Одесского погромов (октябрь 1905) «левые» силой убрали трехцветные флаги в Киевской городской думе и заменили их красными и черными (траурными) [Киевский и Одесский погромы..., с. 34].

В то же время *черные* эпизодически использовали и белый цвет – в качестве как вербального, так и визуального символа. Созданная в октябре 1905 г. нижегородская правомонархическая организация, впоследствии примкнувшая к черносотенцам, носила название «Союз Белого Знамени», а Одесское отделение Союза русского народа – «Белый двуглавый орел». Белый цвет, вероятно, был заимствован из французской роялистской символики, хотя прямые указания на это нам неизвестны.

Белые флаги иногда использовались во время погромов, например, в Екатеринодаре в октябре 1905 г. 16 октября 1905 г. в Киеве «какой-то человек <...> подстрекал на Троицком базаре собравшуюся толпу рабочих бить евреев и отправиться по улицам города с белым флагом с надписью: “За Царя и Отечество”...» [Киевский и Одесский погромы..., с. 28].

В конце 1905 г. появляется выражение «белая гвардия» – как первоначальное самоназвание боевых дружин Союза русского народа в Одессе. «Гвардия» здесь означает не «отборные части войск», а «[гражданскую] стражу» для охраны общественного порядка. (Оба эти значения присущи французскому слову *garde*.) Тогда же в печати появляется слово *белогвардейцы* – обычно в связи с погромами.

«[Одесский] порт, – сообщалось в левокадетской газете “Товарищ” от 6 декабря 1905 г., – наводнился “белогвардейцами”, полицией и войсками. Попутно возникли попытки устроить еврейский погром, – банда “белогвардейцев” неожиданно появилась на базаре и разгромила ряд еврейских лавок». «На вопрос пристава, что это за люди, ему ответили, что они принадлежат к боевой дружине “союза русского народа” и составляют так называемую “белую гвардию”» [Еще о черной сотне, с. 69, 73].

В корреспонденции под заглавием «Киев. Белая гвардия» («Русь», 12 дек. 1906) сообщалось: «5 дек[абря] состоялось конспиративное заседание боевой дружины местного “союза русского народа”, на котором было решено предпринять энергичные меры “для очистки университета от крамольных поползновений”. <...>

Из этого “приказа” вполне ясно, что и у нас, по примеру Одессы, образовалась особая “студенческая” фракция “белой гвардии”, и теперь нужно ожидать таких же ее славных деяний, как и в Одессе, т.е. зверских избиений беззащитной учащейся молодежи» [цит. по: Союз русского народа., с. 379].

Судя по многотомнику «Общественное движение в России в начале XX-го века», незадолго до 1917 г. по крайней мере у части социал-демократов понятие *белогвардеец* все еще связывалось с погромами 1905–1907 гг. В черте еврейской оседлости, рассказывалось здесь, «члены боевых дружин под названием “резинщиков”, “желторубашечников”, “белогвардейцев” и др. производят ежедневную уличную расправу с “крамольными элементами”» [Общественное движение, т. 3, кн. 5, с. 434].

Другая «белая гвардия»

Почти одновременно в печати появляются упоминания о финляндской «белой гвардии», которая, однако, не имела ничего общего с южнорусскими черносотенцами. «...Шведская партия, – сообщало “Новое время”, – именующая себя конституционалами, устроила в 8 часов вечера [2 декабря] шествие по главным улицам города своей милиции, носящей название белой гвардии» [Корреспонденция из Гельсингфорса, 1905].

Финляндская «белая гвардия» состояла преимущественно из либеральной студенческой молодежи и противостояла местной «красной гвардии» – полувоенной леворадикальной организации. (Наименование «красная гвардия» в его нынешнем значении появилось тогда впервые.) «Белой гвардией» студенческие дружины называли по белым нарукавным повязкам, официально же она именовалась «охранным корпусом», или «отрядами самообороны» (*швед.* Skyddskår – шюцкор, *фин.* Suojeluskunta).

В Гельсингфорсе, сообщало «Новое время», «проявлялся разлад между “белыми” и “красными”. Первые – конституционалисты, желали созыва сейма для обсуждения проекта реформы избирательного права, вторые же требовали созыва национального собрания по однопалатной системе» [Финляндия, 1905].

Впрочем, финляндская «белая гвардия» упоминалась редко. В указателе Н. Н. Корево «Финляндия в русской печати. 1901–1913» (Пг., 1915) зафиксировано 23 упоминания о «красной гвардии», тогда как о «белой» – лишь два.

Дискредитация красного

Одним из приемов дискредитации *красного* в правой печати было наименование красного флага «красной тряпкой». Это выражение нередко приписывалось лидеру кадетов П. Н. Милюкову. По утверждению Н. Устрялова, «Милюков <...> еще в 1905 г. <...> окрестил красный флаг красной тряпкой!» [Устрялов. Призраки].

По воспоминаниям самого Милюкова, на одном из открытых собраний кадетской фракции в III Думе (т.е. не ранее осени 1907 г.) он «как-то сказал, взяв сравнение из боя быков, что не следует в борьбе дразнить красной тряпкой. В левом толковании это значило, что я оскорбил знамя социализма» [Милюков, 1991, с. 290 (ч. 7, гл. 1)].

Однако к этому времени «красная тряпка» была обычным выражением, напр.: «...каждый скверный еврейский мальчуган осмеливался забрасывать грязью всякого, кто <...> не соглашался расшаркаться перед красными тряпками» [Передовая статья. Россия, 1907].

«Сравнение из боя быков» Милюков употребил уже в декабре 1905 г. в связи с восстанием в Москве, но без выражения «красная тряпка»: «Красные флаги, развевающиеся на баррикадах, по-видимому, действуют на московскую администрацию, как красный цвет на быка» [Милюков, 1905].

Черносотенцы уравнивали понятия *красный* и «жидовский». В Белостоке, Одессе и других городах распространялось воззвание к солдатам, напечатанное в типографии департамента полиции: «Долой красные знамена, долой красная жидовская свобода [так!], долой красное жидовское братство и равенство...» (цитировалось в речи М.М. Винавера 26 июня 1906 г. в Государственной думе по поводу белостокского погрома) [Винавер, с. 55].

Лидер черносотенцев В.А. Грингмут пишет о «красной полосе» как о черной: «Эту тяжелую “красную” полосу нам нужно

мужественно перенести» («Россия на пороге Нового года», «Московские ведомости», 1906, № 1) [Грингмут, с. 38].

В августе 1906 г. столыпинский официоз «Россия» начал публикацию романа «The Scarlet Empire» американца Дэвида М. Парри (D.M. Parry; в тогдашних русских публикациях: Давид М. Пэрри). В романе дано сатирическое изображение победившего социализма как огромной тюрьмы, в которой люди живут под номерами вместо имен, а за любовь к девушке (атавистическое чувство) можно угодить в психушку.

В современном издании романа Парри (2015) заглавие переведено «Алая империя»¹. Однако на страницах «России» роман публиковался под заглавием «Багровое царство», с прибавлением подзаголовка: «Социал-демократическая фантазия». Так же называлось отдельное издание перевода (1908)². Различие в семантике этих названий очевидно: *багровый* – цвет пожарища, угрожающий цвет, тогда как *алый* в русском языке обычно связан с позитивными коннотациями (ср. «алое знамя труда» в «Комсофлотском марше» (1924) А. Безыменского).

Тем не менее первый перевод лучше отражал семантику английского оригинала. Английское ‘scarlet’ легко ассоциируется с выражением ‘scarlet whore’: 1) *библ.* блудница в пурпуре (т.е. блудница Вавилонская); 2) проститутка; 3) презрительное наименование римско-католической церкви («папизма»). Это выражение восходит к Откровению св. Иоанна, 17:3–4, где блудница – аллегория Вавилонского царства, отождествленного с Римской империей. В синодальном переводе она связана именно с багряным цветом:

«...увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами.

И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным».

¹ Пэрри Д.М. Алая империя. – М.: Престиж Бук, 2015. – 304 с.

² Парри [Пэрри] Д.М. Багровое царство: (Социал-демократическая фантазия). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. – 332 с.

(В ц.-сл. переводе: «сидящу на звери червлене», «облечена в порфиру и червленицу».)

Позднее тот же цвет, и с той же дискредитирующей целью, выбрал М. Булгаков для повести-фельетона «Багровый остров» (1924) и одноименной комедии (1928).

Красное и черное: близнецы-братья

С октября 1905 г. в либеральной и умеренно консервативной печати *красные* и *черные* (они же *белые*) сближаются и даже уравниваются по признаку радикализма, нетерпимости и насильственных методов действия. «В атмосфере русской жизни, – предостерегает П. Струве, – висит диктатура: диктатура тех, кого именуют “черной сотней”, и тех, кто себя именует “революционным пролетариатом”...» [Струве, 1905].

В другой статье Струве осуждает «белое и красное черносотенство»: «Сущность и белого, и красного черносотенства заключается в том, что образованное (культурное) меньшинство народа противопоставляется народу как враждебная сила, которая была, есть и должна быть культурно чужда ему. Подобно тому как марксизм есть учение о классовой борьбе в обществах, – черносотенство обоих цветов есть своего рода учение о борьбе культурной» [Струве, 1911, с. 16].

Эту оценку Струве распространяет не только на радикалов-революционеров, но даже на Мережковского, автора термина «грядущий хам»: «Воззрения Мережковского и Гиппиус на русский народ во многом удивительно совпадают с воззрениями... “союза русского народа”. Это то же самое фантастическое понимание русского народа, только с обратным знаком, понимание не “белое”, а “красное”» («Мнимая пропасть», «Слово», 20 апр. 1908) [Струве, 1911, с. 207].

В сущности, речь шла о сходстве **двух протототалитарных течений**.

Столыпинский официоз «Россия» заявляет: «Революция белая или революция красная – и та, и другая могут только нанести еще и еще несколько новых ударов государственному началу как таковому». «Крайним правым» и «крайним левым» здесь противо-

поставляются «группы истинно монархические» [Передовая статья, 16.7.1906]. По поводу убийства черносотенцами М.Я. Герценштейна «Россия» задается вопросом: «Должны ли мы понять, что на террор революционеров красного знамени готов образоваться террор революционеров белого знамени...?» [Убийство М. Я. Герценштейна, 1906]. Как видим, даже высшая исполнительная власть склонна отождествлять *белое* с неприемлемым для нее правым радикализмом.

С позиций «истинного монархизма» против черносотенцев выступает М. Меньшиков в «Новом времени»: «Кричите сколько вам угодно, г-да черные революционеры, что, добываясь неограниченных форм власти, вы отстаиваете монархию. Вы лжете, – *вы губите монархию*»; «Подавляющее большинство нации серьезнейшим образом не хочет анархии – ни красной, ни черной» [Меньшиков, 1912].

В годы Первой русской революции появляется оборот *красно-черный* – не обязательно в прямой связи с черносотенством. П. Струве называет публициста Михаила Энгельгардта, близкого к эсерам, «красно-черным писателем» («Черносотенный социализм», «Свобода и культура», 31 мая 1906) [Струве, 1911, с. 13].

А.И. Гучков в III Государственной думе говорил о «неестественном черно-красном блоке, который составляет проклятие страны», имея в виду случаи, когда левые и крайне правые голосовали вместе [Юрский, с. 7].

Этот оборот можно считать отдаленным прообразом позднейшего *красно-коричневые*, хотя во втором случае речь идет не о блоке крайних политических сил, а о «синтезе» несовместимых ранее идей.

Белое между красным и черным

У Ленина мы находим пример нехарактерной для 1905 г. трактовки *белого* – не как монархического или черносотенного, а как цвета нейтральности между красным и черным: «[Витте] предлагает министерские портфели вожакам кадетов <...>, стараясь изобразить из себя “белого”, который одинаково далек и от “красных”, и от “черных”». Согласно Ленину, «партия “белых” – один

обман. Кто не за революцию, – тот черносотенец»; «На красную и черную армию распадается войско» [Ленин. Между двух битв, с. 50, 56, 58]. То же повторено в другой, не попавшей в печать статье: «В гражданской войне нет и не может быть нейтральных. Партия белых – одно трусливое лицемерие. <...> Кто не революционер, тот черносотенец» [Ленин. Наши задачи..., с. 70].

Сведения о контактах Витте с кадетами Ленин заимствовал из женеvской газеты «Le Temps»; в кадетской печати ничего похожего на «партию белых» не обнаруживается. Правда, Милуков (уже после публикации ленинской статьи) писал: «Нам опять начинают повторять, что, когда “черный” и “красный” ведут борьбу не на жизнь, а на смерть, промежуточным оттенкам между ними нет места», – т.е. выступал именно за «промежуточные оттенки» [Милуков, 1907, с. 348].

Милуков заявлял также, что нельзя «предоставить исход борьбы единоборству “черного” с “красным”»; крайние голоса «должны смолкнуть перед средним течением» [Милуков, 1907, с. 497].

Однако в те годы назвать себя *белым* леволиберальный политик не мог, памятуя об ассоциации *белого* с легитимизмом, а теперь еще и с черносотенством.

Красный Февраль

Февраль 17-го стал настоящим взрывом красного цвета – на улицах и в политическом языке. Самые различные красные предметы – букеты, банты, ленты и прочее – приобрели роль революционного символа.

О тотальном господстве *красного* после Февраля свидетельствует эпизод, рассказанный в мемуарах артиста оперетты Григория Ярона. Весной 1917 г. опереточный «Палас-театр» поставил «политико-сатирическое обозрение на все текущие злобы дня». Обозрение называлось «Красное знамя», а его «положительным героем» авторы попытались сделать Владимира Пуришкевича, крайнего монархиста и черносотенца. «После участия Пуришкевича в убийстве Распутина и в февральских событиях он появился на сцене “Палас-театра” серьезным человеком в военной форме, с портретным гримом и с пафосом произносил монолог о войне “до победного конца”

и пр. Все эти тирады покрывались дружными аплодисментами переполнявшей театр буржуазной публики» [Ярон, с. 95–96].

Символика Февраля рассмотрена в пионерской монографии Б. Колоницкого [Колоницкий, 2001]. Февральскую революцию, пишет автор, воспринимали «не только как великий политический, но и как тотальный нравственный переворот». Символы революции стали объектом квазирелигиозного поклонения. Революцию нередко сравнивали с Пасхой, но и Пасху могли сопоставлять с революцией, переосмысляя выражение «красная Пасха». Многие флаги повторяли форму хоругвей, на красных знаменах подчас изображались архангелы с трубами, возвещавшие, по-видимому, приход для угнетателей страшного суда, т.е. революции [Колоницкий, 2001, с. 56, 77–78].

Хотя революция декларировалась как национальная и патриотическая, национальный триколор стремительно вытесняется красным флагом; фактически он становится государственным (формально таковым до апреля 1918 г. оставался триколор). Патриотические манифестации под трехцветным флагом нередко воспринимались как контрреволюционные [Колоницкий, 2001, с. 97]. Возможно, тут сказывалась память о «борьбе флагов» в 1905 г., когда триколор выступал в роли антиреволюционного, а то и погромного символа. Но, вероятно, еще важнее то, что Февраль ощущался как начало «нового прекрасного мира», для которого старые символы не годились.

Символика красного двойится. Прежде всего, это символ свободы, нового, демократического патриотизма и новой жизни. Сразу после Февраля в умеренно либеральном «Утре России» сочувственно пишут об «армии <...>, осененной красными знаменами свободы», которая «отреклась от старого режима и присоединилась к народному правительству» [Передовая статья, 7.3.1917].

Военнослужащие новых ударных частей носили на рукаве черно-красную нашивку, причем в приказе генерала А.А. Брусилова красный толковался как «символ борьбы за свободу», черный – как «указание на нежелание жить, если погибнет Россия» [Колоницкий, 2001, с. 162]. Погоны тех же цветов были присвоены Корниловскому ударному отряду, а в Гражданскую войну черный и красный стали цветами корниловцев. В 1918 г. был написан первый марш Корниловского полка под названием «Призыв» (слова Александра Кривошеева):

В ком есть сознание ясное
И мужество в груди,
Под Знамя черно-красное
К корниловцам иди.

.....
За светлое, прекрасное
России впереди –
Под Знамя черно-красное
К корниловцам иди! [Левитов, с. 583].

Это один из многочисленных случаев, когда визуальная семантика цвета (в данном случае черного) не совпадает с его вербальной семантикой.

Но красный цвет мог трактоваться и как символ социальной и антимилитаристской борьбы, символ Интернационала [Колоницкий, 2001, с. 253]. Боевые отряды, созданные большевиками в конце марта, получают название «Красная гвардия», заимствованное у финляндских леворадикалов.

В смутные дни и месяцы Февраля «символы власти порой воспринимались как сама власть» [Колоницкий, 2001, с. 11–12]. Вот одна из иллюстраций этого тезиса: «Насильники в настоящее время непременно облачаются в красную повязку <...>. Сама физическая сила сильна лишь постольку, поскольку она опирается хотя бы на некоторый признак морального свойства, которое и достигается самозванным облачением в “революционную” эмблему» [Кизеветтер, 1917].

Примером амбивалентного отношения к *красному* служит статья Н. Устрялова «В ожидании». Автор пишет: «...наш красный республиканский флот, наша красная республиканская армия», и здесь же, с неодобрением: «красные демагоги», «“красная” демократия» [Устрялов. В ожидании].

Красное и черное после Октября

С Февраля до Октября 1917-го *белый*, в отличие от 1905–1907 гг., практически отсутствует в политическом языке. И даже когда он появляется вновь, некоторое время **центральной остается**

оппозиция красного и черного. Но ее содержание меняется коренным образом. Черносотенцы как политическая сила не пережили крушения монархии (что не мешало левым ораторам вызывать из небытия призрак черносотенного реванша). Постепенно «черное» в публицистике всех направлений становится универсальным символом реакции, насилия и контрреволюции, под каким бы флагом она ни совершалась – пусть даже под красным.

Большевики объявляют *черными* всех противников «углубления революции». Это прежде всего кадеты, а с осени 1917 г. – «корниловцы». После Октября *черными* оказываются едва ли не все противники большевизма, включая социалистов-«соглашателей». «Напрасно говорил представитель группы “Единство” о многих цветах, – заявляет Троцкий на Всероссийском съезде крестьянских депутатов 3 декабря 1917 г. – В России два цвета. Труженики в одном лагере – красного цвета; имущие в другом – черного цвета» [Троцкий, 1923, с. 203].

Большевистская печать говорит о «Черном Интернационале» буржуазии, о «черной сотне во главе с партией кадет», о «черном стане союзных и отечественных империалистов».

Черными называют также представителей духовенства, настроенных против Советской власти: «черная [т.е. клерикальная] рать», «воззвание черных [к пастве]», «черный архиерей» и т.д. Тут «клерикальный черный» сливается с «контрреволюционным черным».

Черные также могли ассоциироваться с «темными силами»; этот оборот издавна использовался как синоним реакции, а в канун Февраля 1917-го стал синонимом «придворной камарильи».

В большевистской печати нередко сближение *красного* как цвета небольшевистских левых с *черным*. После Корниловского выступления Троцкий пишет: «...Красные бонапартисты и бонапартия попустительствовали черным» (т.е. эсеры и Керенский – корниловцам); «В корниловском эпизоде бонапартисты и бонапартия всех оттенков черно-красного цвета связались в один общий хоровод» [Троцкий, 1917, с. 9].

Месяц спустя обозреватель «Рабочего пути» замечает: «...Кадеты и социал-демократы в Мариинском дворце играют в дурачки. Аджемов козыряет “черными” пиками (казаков!), Либер ходит с “красных” червей (соглашательства!). Сражайтесь, сражай-

тесь, дворовые люди Александра Федоровича Бонапарта. Вашей болтовне – черной и “красной” – грош цена» [Отклики, 1917, с. 7].

В сентябре 1917-го либеральный публицист пишет о Деникине: «При царском самодержавии его считали “красным”, ныне его видят “черным”» [Дубовский, 1917].

В свою очередь, и в антибольшевистской печати *красное* сближается с *черным*, как это было в годы Первой русской революции. Но теперь *красное* понимается уже в узком значении, как большевистское. После Октябрьского переворота либеральные «Русские ведомости» заявляют: «Между большевизмом и черносотенством есть тесное внутреннее сродство» [Под гнетом насилия, 1917]. В той же газете говорилось о «пестрой толпе красносотенцев и черносотенцев, завоевавшей Россию» [Перемирие, 1917].

В разгар Гражданской войны теми же образами пользуется военная газета «колчаковской» армии: «Правительство пало; восторжествовала олигархия из кучки проходимцев, опирающихся на вооруженные банды охлократии, той самой, которая некогда составляла погромные банды черной сотни, а теперь перекрасилась в красный цвет. Так создалась, на смену русской армии, красная армия большевиков» [Баранов, 1919].

После Октября о том же пишут *красные* небольшевистского толка – меньшевики и эсеры: «Теперь эта черная сотня называется “красной” сотней...»; «красная (от крови) гвардия» [Маслов, 1917]. «Долой черную сотню! Долой самодержавие Николая II, Ленина, Шнеура и Комиссарова! <...> Все на улицу под красные знамена социализма!» [Воззвание Московского Комитета., 1917]. «А в Петрограде черная гвардия [т.е. красногвардейцы] рыскает, торопится, обрывает звонки...» [Соболь, 1918].

«Красного диктатора сменит черный диктатор», – заявляет меньшевик Д. Заславский вскоре после Октябрьского переворота, явно имея в виду Керенского и Ленина [Заславский, 1917].

Когда появились слухи о движении войск с Юго-Западного фронта на Петроград с целью подавления Октябрьского переворота, то Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников (Викжель) пригрозил всеобщей железнодорожной забастовкой. Отсюда известные строки Зинаиды Гиппиус: «Уж разобрал руками черными / Викжель – пути...» («Сейчас», датиро-

вано 9 ноября 1917 г.) [Гиппиус, 1991, с. 196]. Эпитет *черные* явно заимствован тут из политического языка эпохи.

«Дезертиры социализма <...> утверждают на все лады, что мы делаем “черно-красное” дело», – констатировал большевистский обозреватель [Обзор печати, 1917].

Уже во время Гражданской войны В. Шульгин пишет: «“Киевлянин” имеет право не признавать черно-красного изречения: *Vox populi – vox dei* [Глас народа – глас Божий]» [Шульгин. *Vox populi...*, 1919].

Заметим еще, что в начале 1918 г. мы встречаем пример дискредитации *красного* приравниванием его к *голубому*, т.е. цвету жандармских мундиров: «Армия красная, как и армия голубая, назначением своим будет иметь <...> охрану существующего строя и нещадную борьбу с внутренними врагами» [Гриф, 1918].

Оппозиция «*красное – синее*» в близком значении встречается в «Русской мысли и речи» М.И. Михельсона (1903–1904): «...Из красных сделались синими», т.е. из либералов – примерными верноподданными [Михельсон, т. 2, с. 253].

К концу лета 1918 г. в советской печати на первый план выходит оппозиция «*красное – белое*», однако оппозиция «*красное – черное*» сохраняется. Ленин призывает «против черной сотни всего мира» двинуть «интернациональную Красную Армию» [Ленин. Речь на митинге..., с. 26]. В передовице Н. Бухарина «Черный всадник и красный всадник» «черный всадник войны» олицетворяет мировую войну и мировой капитализм. Но «навстречу исполнине смерти поднялся другой призрак. Красный всадник на мощном, тяжелом коне появился на русских полях» [Бухарин. Черный всадник...].

Черный цвет широко используется для дискредитации (можно было бы сказать: для очернения) врага. Советская печать пишет о «людях черного контрреволюционного дела», «черной реставрации» и «черном воронье», о «черном войске», прихода которого дожидается «буржуазная клика Москвы», и т.д. [Волин, 1918; Сокольников, 1918; Зорин, 1918]. «Черной армии от Красной / Кто теперь не отличит?» – спрашивает Демьян Бедный в январе 1919 г. [Бедный, 1926].

Генерал Алексеев именуется «черным генералом», атаман Дутов – «черным атаманом» [Осинский, 1918; Что такое..., 1918]. Врангеля, как известно, называли «черным бароном» – по цвету

его черкески и папахи. В песне «Белая армия, черный барон» (1920) *черное* и *белое* уравниваются между собой как антонимы *красного*.

«Белый генерал» и «генерал на белом коне»

14 сентября 1917 г. в зале Александрийского театра открылось Всероссийское демократическое совещание, целью которого было создание дееспособной революционной власти. Заранее парирова обвинения в причастности к Корниловскому выступлению, Керенский заявил: «Я предсказывал пришествие “белого генерала”. Еще в июне...» [Милюков, 2001, с. 466].

Обозначение *белые* как антоним *красных* еще не существовало в политическом языке: дело происходило за полтора месяца до антибольшевистского выступления в Москве. «Белым генералом» со времени русско-турецкой войны 1877–1878 гг. именовался в печати Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882). Образ Скобелева в белом кителе и на белом коне стал частью популярной культуры. В 1912 г. в Москве ему был установлен памятник, а в 1915 г. на экраны вышел военно-патриотический фильм «Белый генерал».

Однако у Керенского «белый генерал» – символ военной диктатуры. По-видимому, в сентябре 1917-го он возник в результате смысловой контаминации с выражением «всадник (генерал) на белом коне».

Выражение «всадник на белом коне» (*франц.* «Le Cavalier au Cheval Blanc», *нем.* «Der Reiter auf dem weißen Pferd») восходит к Апокалипсису:

«И вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить» (Ап. 6:2).

«И увидел я отверстое небо, и вот, конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, который праведно судит и воинствует»; «И воинства небесные следовали за ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый» (Ап. 19:11).

В последнем случае «сидящий на белом коне» обычно толкуется как Господь во Втором пришествии. В первом же случае

однозначного толкования нет. Согласно одним авторам, это тот же всадник, что и всадник в гл. 19. Однако всадник 6-й главы – один из «четырех всадников Апокалипсиса», из которых три остальные являют собой олицетворение зла. Поэтому в Новое время всадник 6-й главы толкуется в негативном смысле, как символ Чумы, а также как символ Завоевания (*франц.* Conquête). Венец, победоносность, белый конь – все это приметы полководца-завоевателя.

По преданию, в 1453 г. султан Мехмед II, взявший Константинополь, въехал на белом коне в храм св. Софии [История Византии, т. 3, с. 198]. В 1814 г. император Александр I въехал в Париж, занятый войсками антинаполеоновской коалиции, на белом (т.е. светло-серой масти) коне. Самого Наполеона на парадных портретах чаще всего изображали сидящем на белом коне или стоящем рядом с белым конем.

Сатирический образ завоевателя – и в то же время диктатора – на белом коне можно найти в «Истории одного города» (1869–1870) Салтыкова-Щедрина: Архистратиг Стратилатович Перехват-Залихватский «въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки» [Салтыков-Щедрин, т. 8, с. 280].

Вскоре после большевистского переворота Корнилов был назван «белым генералом» в позитивном смысле в новочеркасском «Вольном Доне»:

«И далеко обгоняет героя-генерала желанная весть, которую сам народ бережет и лелеет:

Весть о том, как идет “Белый генерал”» [Литвин, 1917].

Здесь «Белый генерал» – символ Освободителя России, по видимому, также не связанный с оппозицией «красные-белые», поскольку, как будет показано ниже, наименование *белые* не было принято антибольшевистскими силами Юга России.

Зато в большевистской печати «белые генералы» с конца 1917 г. выступают уже в рамках оппозиции «красные – белые»:

«Белые генералы и их верные сподвижники...» (о действиях Корнилова в Черниговской губернии) [На контрреволюционном фронте, 1917].

«...Против высказываются только 2-3 голоса из самых неистовых право-эсеровских “белых генералов”» (отчет о заседании III Всероссийского съезда Советов от 18 янв. 1918 г.) [Третий Всероссийский съезд..., с. 85].

1 мая 1918 г. был снесен памятник «белому генералу» Скобелеву.

11 июня 1918 г. член ВЦИК, левый эсер Карелин говорил о положении на Украине: «В развитии событий меньшевикам и правым с.-р. [социалистам-революционерам] принадлежит в конечном счете жалкая роль, жалкий удел – называться социалистами, итти под знаменем, где написаны святые слова революции, и подготавливать путь Скоропадским. За десять минут до прихода генерала на белом коне они вылезают из своих нор, суетятся, улюлюкают в след разбитым уже революционным силам, объявляют в гордой позе: мы – власть. Через десять минут это кончается, въезжает генерал на белом коне, они получают хороший удар ногой, от которого вылетают за дверь и там уже плачут и обличают. Так было с Радой, так было в ряде случаев» [Протоколы заседаний ВЦИК..., с. 427].

В русской зарубежной печати выражение «белые генералы» стало обычным с лета-осени 1919 г. Имелись в виду прежде всего Деникин, Колчак, Юденич, а затем и Врангель. Впоследствии, уже в эмиграции, в этот ряд включали и вождей раннего периода добровольческого движения (Корнилов, Алексеев, Каледин). И здесь это выражение чаще всего носило либо явно негативный, либо критическо-отстраненный характер.

Вероятно, по ассоциации с «белыми генералами» позднее появилось выражение «белый адмирал» – о Колчаке. До лета 1917 г. Колчак носил белую адмиральскую форму [Станкевич, с. 140], но в Гражданскую войну его форма была синей или защитного цвета.

Заметим еще, что в годы Первой русской революции «красным адмиралом» был назван лейтенант П.П. Шмидт¹.

Московская «белая гвардия»

По воспоминаниям В.Б. Станкевича, комиссара Временного правительства, на совещании партийных фракций 24 октября 1917 г. в Совете Республики (Петроград) обсуждались возможно-

¹ Напр.: Кузьминский П.П. Красный адмирал (лейтенант Шми[d]т): Драма-быль в 4 д. из недав. прошлого. – СПб.: Изд. авт., 1906. – 71 с.

сти сопротивления большевистскому перевороту. «Я, между прочим, заявил о необходимости организовать гражданскую оборону из студенчества, но меньшевики отшатнулись от меня, как от зачумленного.

– И так правительство наделало много глупостей, вы хотите еще белую гвардию устраивать...» [Станкевич, с. 259].

«Белая гвардия» здесь – не термин рассказчика; он сам говорит о «гражданской страже». Поэтому его свидетельство стоит учесть. Возможно, «белая» студенческая гвардия ассоциировалась с финляндскими противниками «красных» – то ли 1905 года, то ли уже новыми, образца 1917 года.

Однако несколько дней спустя «гражданская оборона из студенчества» появилась в Москве – и назвала себя именно «белой гвардией». 28 октября в эсеровской газете «Труд» появилось воззвание Центрального студенческого исполнительного комитета от 27 октября, в котором, в частности, заявлялось: «Студенчество <...> считает своей ближайшей задачей обеспечение порядка и беспощадную борьбу с попытками погромов <...>. Запись в дружины производится по учебным заведениям».

А в подборке материалов «Организация обороны», опубликованной 28 октября на 3-й странице газеты «Власть народа», появилась заметка: «В Художественном электротeatре на Арбатской площади происходит запись лиц для формирующейся белой гвардии, в противовес красной. Записываются главным образом студенты». «В Замоскворечье произошло столкновение между красной гвардией рабочих и “белой” студенческой гвардией», – сообщала в тот же день газета «Вперед!» [Настроение в Москве, 1917].

Итак, название *белая* было выбрано «в противовес красной», т.е. по контрасту. Но в цветовой системе тогдашнего политического языка *белое* логически означало также отрицание *черного* со всеми его смысловыми коннотациями, включая ассоциацию с монархизмом. Об одесской «белой гвардии» 1905 г. московские студенты едва ли помнили, а сообщения о новой финляндской «белой гвардии» появились в печати, по-видимому, уже после октябрьских событий в Москве.

Белое московского Октября – исключительно вербальный символ. По-видимому, никаких отличительных знаков московская «белая гвардия» не имела. «Красный» участник событий вспоми-

нает: «Город вымер, трамваи не ходят. На перекрестках стоят солдаты. Если среди них замечаю штатскую куртку, могу безошибочно сказать, что это свои, и смело продолжаю свой путь»; «На улицах темно, неожиданно предстает пред вами караульный и требует пропуска. Но чей же этот неведомый солдат: свой или чужой? Не знаешь, предъявить ли ему пропуск домового или Военно-Революционного комитета!» [Москва в Октябре, с. 88, 91].

Ни газеты, ни мемуаристы не упоминают о белых кокардах или повязках. «Моя студенческая форма – патент на белогвардейство», – сообщает И.Е. Тамм (будущий физик-академик) в письме от 1 ноября 1917 г. [Капица, с. 259]. В том же письме едва ли не впервые встречается оппозиция «*белые – красные*», которая в печати утвердилась лишь в 1918 г.

В печати упоминалось об автомобилях с белыми флагами, но это были флаги «Красного креста». Позднее, в июле 1918 г., сообщалось о «людях с белыми повязками на рукавах» в Муроме [Ярославский, 1918]. Однако здешние повстанцы не называли себя «белой гвардией», вопреки названию заметки: «Восстание белой гвардии в Муроме»; а белые повязки – обычный способ узнать «своих» ночью, когда и началось Муромское восстание.

«Белой гвардией» почти во всех современных свидетельствах, а также в первом сборнике воспоминаний участников [Москва в Октябре 1917 г., 1919], именуется отряды учащейся молодежи, в отличие от юнкеров, которые были главной силой московского выступления и в печати упоминались гораздо чаще.

Московская «белая гвардия» была не только безусловно республиканской, но и достаточно левой по духу. Об этом свидетельствует хотя бы воззвание «К студенчеству: Открытое письмо представителей белой гвардии», опубликованное уже на исходе октябрьских боев: «...Мы обязаны грудью все встать на защиту великих святых лозунгов свободы, равенства и братства»; «С нами все борющиеся за завоевания революции, против нас – все контрреволюционные силы и авантюристы» [К студенчеству, 1917].

На детском рисунке ноября 1917 г. изображен отряд офицеров и юнкеров под красными знаменами с надписями: «Долой большевиков»; «Свободная страна ура»; «Война до победного конца»; «Да здравствует свободная Россия» [Москва, 1917 год. Рисунки детей, ил. 64].

Уже после разоружения антибольшевистских сил московский «Труд» цитирует воззвание ВРК «Ко всем гражданам Москвы»: «Московская буржуазия пулеметами юнкеров и револьверами белой гвардии объявила восстание против народного правительства». Но, замечает обозреватель газеты, «буржуазия вовсе не участвовала в кровавой схватке» [Манифест лжи, 1917].

«Утро России» опубликовало написанные по горячим следам воспоминания одного из участников [Шесть дней..., 1917]. Автор, узнав о «белой гвардии» из газеты «Власть народа», пришел в Художественный электротeatр на Арбате (ныне – кинотеатр «Художественный») как «рядовой революционной армии, стоящей на страже интересов народа». В добровольческой роте, куда его направили, «были и конторщики, и инженеры, и студенты всевозможных высших учебных заведений; были гимназисты и реалисты». Вечером того же дня большая часть добровольцев не вернулась в Александровское училище, оставшихся распределили по ротам юнкеров.

Московский служащий Н.П. Окунев записал в своем дневнике: «...Легко справились с небольшими кучками “юнкеров” и “белогвардейцев” (так названы студенты, выступавшие вместе с юнкерами)» [Окунев, с. 104–105].

После победы *красных* группа студентов назвала «белую гвардию» «черно-белой» и поспешила заверить, что «не все московское студенчество принимало участие в позорном наступлении на революцию» [Письмо студентов..., 1948].

Гораздо позже офицер – участник московских событий назвал первый отряд московской «белой гвардии» «родоначальником белой борьбы против красных» [Трескин, с. 13]. Однако это мнение разделялось немногими.

Зачатки легенды «белой гвардии»

В «Правде» термин «белая гвардия» появился 4 ноября, в тексте договора между московским Военно-революционным комитетом и эсеро-меньшевистским Комитетом общественной безопасности от 2 ноября 1917 г.: «Белая гвардия возвращает оружие и расформируется».

В обращении председателя СНК Ленина «К населению» («Правда», 7 ноября 1917) речь шла лишь о московских «юнкерах и других корниловцах». В том же номере «Правды» напечатана речь Бухарина на заседании Петроградского Совета 6 ноября. Здесь мы находим формулировку «Белая Гвардия и все юнкера, кость от кости и плоть от плоти контрреволюционной буржуазии». Прописные буквы означали символическое «повышение в ранге» эфемерного студенческого формирования.

В те же дни о «белой гвардии» узнают на Дону. 31 октября штабс-капитан Н. Астафьев уехал из Москвы в Новочеркасск просить помощи у казачества. Здесь он дал интервью газете «Вольный Дон» [Вести из Кремля..., 1917]. Согласно Астафьеву, большевикам противостояли «офицерские роты», а также «самостоятельные роты <...> из учащихся высших учебных заведений». «Большевики прозвали своего противника “белой гвардией”». Ввиду того, что белый цвет служит символом чистоты, мы, со своей стороны, можем сохранить это название за войсковыми офицерами и студенческими частями». И далее «белой гвардией» он называет уже все вооруженные формирования, выступившие в Москве против большевиков, а всех участников выступления – «белогвардейцами». До этого о «белой гвардии» в «Вольном Доне» не упоминалось, хотя события в Москве освещались очень подробно.

Как видим, Астафьев считает «белую гвардию» чужим термином, но согласен принять его, истолковывая *белый* как символ чистоты. Этот случай, насколько нам известно, был единичным в печати антибольшевистского Юга, Востока и Севера. (Попутно отметим, что термины «белая гвардия» и «белогвардейцы» оставались табуированными в «белой» публицистике гораздо дольше, чем термины *белые*, «белая армия», «белое движение» и т.д.)

Зато два месяца спустя в той же газете появилось сразу несколько статей о «молодом рыцарстве» и «молодой гвардии». В статье «Рыцари идут» Ник. Литвин заявлял: «Оживает древнее рыцарство, воспетое в романтических балладах и сагах». «Разбитая на петербургских и московских баррикадах, эта молодежь не сняла злосчастные погоны», но продолжает борьбу. «Молодое рыцарство – рядом с героическими тенями Ермака, Степана Разина,

мятежного Булавина, рядом со скорбной памятью Грузиновых¹) [Литвин, 1918].

В сходном духе выдержана статья К. Шадринцева «Гвардия молодости»: «На мостовых Невского и Литейного, в стенах Владимирского училища, на баррикадах Москвы, – они, молодые, твердые, неустойчивые <...>. Юнкера, студенты, гимназисты». «Перед толпами красной гвардии выросла новая гвардия:

– Гвардия молодости».

Казалось бы, по контрасту здесь следовало бы сказать: «белая гвардия», тем более что многие из уехавших на Дон «студентов и гимназистов» сражались «на баррикадах Москвы», а термин «белая гвардия» уже был известен читателям газеты по статье Н. Астафьева. Однако это обозначение надолго останется под запретом в «белой» печати.

Упомянув о «лозунгах, которые горят на знаменах молодой гвардии», Шадринцев, однако, ничего не говорит об их содержании, а лишь о «стальном рисунке грядущей жизни», о «береге новой жизни» [Шадринцев, 1918].

В статье Ник. Арсеньева «Во имя России» воспеваются «юная добровольческая армия», идущая на смерть «за воскресение России». «В этих юношах и мальчиках рождается, более того – уже родилась обновленная, новая Россия. В их святом порыве, в их святой крови очищается вся мерзость, вся накипь преступлений, лежащих на русском народе» [Арсеньев, 1918].

Перед нами первые наброски легенды «белой гвардии», хотя сам этот термин табуирован. Авторы обращаются к традиции и риторике «освободительного движения в России», начиная с декабристов, а Ник. Литвин – еще и к донской традиции «казацкой вольности». Однако теперь Россию надлежало освободить не от гнета самодержавия, а от деспотизма большевиков. Главное же – «новому рыцарству» предстоит искупить «всю мерзость <...> преступлений, лежащих на русском народе». И это уже совершенно новый мотив, не сочетающийся с прежним «освобожденством». «Молодая гвардия» понимается не как элитные части некой «Ве-

¹ Братья Евграф и Петр Грузиновы, сосланные при Павле I в Сибирь и прославившиеся «мучениками за казачье дело».

ликой армии»¹, а как избранное, жертвенное меньшинство; его рыцарское служение – служение уже не «народу», а **России как некой идеальной сущности**. Эти идеи и образы впоследствии прочно войдут в легенду «белой гвардии», хотя едва ли ее творцы были знакомы с публицистикой «Вольного Дона» февраля 1918 г.

Практически одновременно свой – поэтический – вариант легенды «белой гвардии» создавала М. Цветаева в Москве; но он стал известен лишь в эмиграции и гораздо сильнее повлиял на позднейшего советского (и постсоветского) читателя, чем на эмигрантских идеологов и апологетов «белого движения». (См. помещенную в этой книге статью «“Лебединый стан” и легенда “Белой гвардии”».)

Образ «молодой гвардии» встречается в «белой» печати и позже, например: «В огне и крови революционно-социалистических ужасов народилась новая порода людей <...> из огнеупорного материала. <...> Полки нашей молодой гвардии – Марковские, Корниловские и полки Дроздовского» [Савенко, 1919].

Белогвардейцы внешние и внутренние

По знаменательному совпадению первое упоминание о финляндской «белой гвардии» в «Правде» появилось одновременно с первым упоминанием о московской «белой гвардии» – в номере от 4 ноября 1917 г.: «Вся страна [Финляндия] разделилась на два враждебных лагеря. Тут и там стали проходить вооруженные стычки между “красной” и “белой” гвардиями» [Революция в Финляндии, 1917].

С февраля 1918 г. в Финляндии развернулась полномасштабная гражданская война, закончившаяся в апреле поражением *красных*. Советская печать с напряженным интересом следила за ходом борьбы. Именно с этого времени оборот «белая гвардия» из эпизодического становится обычным, и **именно по отношению к**

¹ Впервые «молодой гвардией» («La Jeune Garde») были названы части императорской гвардии Наполеона I, сформировавшиеся с 1809 г., в отличие от частей, существовавших к моменту провозглашения империи.

финляндской гражданской войне прочно утверждается антагонистическая оппозиция *«белые – красные»*¹.

Тогда же выражения «белая гвардия» и «белогвардейцы» начинают применяться к антиреволюционным вооруженным формированиям в Эстонии, Латвии и Германии, а также к германским частям, наступающим на Петроград. Немцы, сообщает «Правда», «привели свою “белую гвардию” против России...»; «германская белая гвардия идет против пролетариев и крестьян». Здесь же говорится о «немецких Корниловых» и «немецких калединцах» [Разбойничий поход, 1918]. «Белогвардейцев» находят даже во Франции июня 1848 г.: «...солдаты, буржуа, белогвардейцы шли в бой против пролетариев под складками трехцветного знамени» [Стеклов, 1918].

Таким образом, «белая гвардия» и «белогвардейцы» становятся **синонимом буржуазной контрреволюции, прежде всего зарубежной**². Этому способствовало то, что «белая гвардия» легко ассоциировалась с «белым террором», который для *красных* всегда был террором контрреволюционной буржуазии. (Что, впрочем, не мешало «Правде» от 7 апреля 1918 г. озглавить статью о начале иностранной интервенции «Черный Интернационал».)

Применительно к самой России «белогвардейцы» пока еще не общее наименование противника, а лишь одна из множества «контрреволюционных» групп, например: «помещики, банкиры, домовладельцы, фабриканты, лавочники, меньшевики, спекулянты, правые эсеры, белогвардейцы, безвольные интеллигенты и юнкера» [Во имя Учредительного..., 1918].

Основная «внутренняя» антибольшевистская военная организация первой половины 1918 г. – Союз защиты родины и свободы – была создана эсером Б. Савинковым. Именно она в июле 1918 г. организовала т.н. «белогвардейские» восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Ее название прямо отсылает к революционно-республиканской терминологии.оборот «за родину и свободу» восходит к эпохе республиканского Рима; напр., у Цицерона:

¹ «Белые и красные» – заглавие редакционной статьи «Правды» от 3 апреля 1918 г.

² Это значение сохранялось и в 20-е годы, в частности, при освещении событий в Германии.

«pro legibus, pro patria, pro libertate» – «за законы, за родину, за свободу» («Тускуланские беседы», IV, 9, 43). Отсюда у Робеспьера: «любовь к родине и свободе» (речь в Обществе друзей конституции 10 февраля 1792 г.); «Их хвалы и клятвы были направлены лишь к родине и свободе» (о праздновании Дня федерации, 1792) [Робеспьер, т. 1, с. 225, 328].

Со второй половины мая 1918 г. «белогвардейцы» появляются в сообщениях из Сибири, где начались антибольшевистские восстания, а с середины июня – в сообщениях о «белогвардейских восстаниях» в Поволжье и Центральной России. «Белогвардейцы» – это чаще всего добровольческие части (в отличие, например, от казаков) либо «внутренние» заговорщики. Во втором случае «белогвардеец» и «черносотенец» используются практически как синонимы.

Едва ли не всякая городская противобольшевистская организация именуется «белой гвардией», например: «В Оренбурге раскрыт белый заговор. Захвачена переписка штаба белой гвардии. <...> Главным ядром белой гвардии является офицерство и интеллигенция вообще» [Борьба с контрреволюцией, 1918].

Уже с конца 1917 г. актуализируются негативные обороты, связанные с *белым*, такие как «белая кость»¹; позднее появляются новые: *белопогонники* (по цвету погон некоторых *белых* воинских частей). Одновременно негативную окраску получают обороты, ранее нейтральные или даже сугубо позитивные («белый генерал»).

С июля в сообщениях с различных фронтов обычным становится краткое обозначение *белые* вместо прежнего «белогвардейцы», а с конца августа 1918 г. **двухцветное деление воюющих сторон утверждается окончательно**: *белые* против *красных*. При этом «белые» своих противников довольно долго предпочитают называть не «красными», а «большевиками». Так, в «Утре Юга» (Екатеринодар) термин *красные* вместо «большевики» в военных сообщениях утверждается только с лета 1919 г. (в «Русской армии» (Омск) – не позднее начала 1919 г.).

«Между белой и красной властью борьба идет во всей России, – заявляет “Правда”, – и скоро она вспыхнет по всему лицу мира!»

¹ «[Эсер Гоц] организовал [в Петрограде] восстание “белой кости”, юнкеров, против солдат и рабочих» [Обещание и исполнение, 1917].

[Две власти, две диктатуры, 1918]. «Два мира стали друг против друга, – пишет Бухарин, – и две гвардии – белая и красная – сражаются теперь во всем мире. Белая против красной. Красная против белой» [Бухарин. Часовой пролетарской революции, 1918]. Универсальный, можно сказать, вселенский характер этой дихотомии сохраняется и позднее: «Весь мир разделился на два лагеря – белых и красных» [Листовка Петроградского комитета..., с. 269].

«Красный террор», официально провозглашенный 2 сентября 1918 г., после покушений на Ленина и Урицкого, декларируется как ответ на «белый террор», хотя оба покушения были совершены членами левых партий, которые сами себя безусловно считали *красными*.

Осенью 1918 г. оппозиция «*красные – белые*» как обозначение двух воюющих лагерей утверждается, по-видимому, в обыденном словоупотреблении населения Советской России.

Зримым воплощением борьбы двух цветов стал аллегорический монумент «Красный клин» по проекту Н.Я. Колли, установленный 7 ноября 1918 г. на Воскресенской площади в Москве (ныне площадь Революции). Монумент представлял собой белый куб, треснувший под ударом красного клина. На кубе надпись: «Банды белогвардейцев»¹. Однако в одном из откликов в «белой» печати этот монумент истолкован, по сути, как апология «красного террора»: куб именуется «изображением “контрреволюции”, <...> рассекаемой ножом гильотины», причем «из-под “машинки” каплями струится кровь...» [В Москве, 1919].

Красный и «русский триколор»

Указом ВЦИК от 14 апреля 1918 г. красное знамя было провозглашено государственным, а 17 апреля на первой полосе «Правды» появилась статья Ю. Стеклова «Красное знамя». Рождение красного знамени как «символа социального протеста против бездушного владычества буржуазии» датируется здесь – вопреки историческим фактам – расстрелом на Марсовом поле (1791). «До

¹ Вероятно, отсюда возникла идея знаменитого супрематического плаката Эль Лисицкого «Клином красным бей белых!» (1920).

сих пор красное знамя было лишь знаменем *одного класса* <...>. Теперь впервые оно становится национальным знаменем *целого народа* – «великого русского народа, несущего освободительный благовест народам всего мира».

Итак, красное знамя, оставаясь классовым и интернациональным, объявляется в то же время национальным. Еще одним шагом на пути «национализации» красного цвета стал «День красного офицера», объявленный 24 ноября 1918 г.

Левые противники большевиков расценивали Октябрьский переворот как контрреволюцию, а использование большевиками красной символики – как узурпацию. Под красным флагом выступало первое антибольшевистское правительство – эсеровский Комуч (Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания), учрежденный 8 июня 1918 г. в Самаре. «Красное знамя <...>, – писал председатель Комуча В. Вольский, – является символом борьбы всех угнетенных против большевиков и немцев» («Вестник Комуча», 19 июля 1918) [цит. по: Рыбников, с. 43].

Но к этому времени большевики уже завладели «символическим капиталом Февраля» [Колоницкий, 2001, с. 335], включая и красное знамя. По свидетельству П. Климушкина, одного из руководителей Комуча, большинство населения отнеслось к «реабилитации» красного флага с недоумением, обвиняя Комуч в большевизме, а некоторые кричали: «Долой эту красную тряпку!» [Климушкин, с. 48].

В «Вольном Доне» разгон Учредительного собрания назван «контрреволюцией»: большевики «разорвали на клочки красное знамя свободы», Корнилов же – «генерал-республиканец» [Контрреволюция..., 1918].

По мере «поправения» антибольшевистского движения красный цвет становится символом абсолютного зла. На агитационных плакатах это цвет пожарищ и крови. «Что такое красный флаг?» – спрашивает «колчаковский» публицист, и отвечает: «Это знак крови и огня» [Красный флаг, 1919]. В пропагандистской листовке (май 1919), обращенной к жителям Советской России, находим весь набор инвектив по адресу красного цвета: «кровавые лапы Красного Дьявола», «красный яд», «красный зверь», «красные разбойники», «красный петух, подпущенный хитрой немецкой рукой» [К жителям..., 1919].

Красная звезда – «символ отрицания не только веры, но и всей христианской цивилизации» [Передовая статья. Русская армия, 8.11.1919]. Даже организация Красного Креста на Юге была преобразована в Белый Крест, а ее символом стал белый крест на синем фоне.

В качестве своего знамени силы, названные позднее *белыми*, приняли российский триколор. Но поскольку уже в Феврале победило красное знамя, триколор очень часто воспринимался как символ реставрации «старого режима», как «царское знамя». Именно так он нередко именуется в воспоминаниях современников. Характерный (но далеко не единственный) пример: «Деникинцы еще не вошли [в Киев], но кое-где на домах предусмотрительные горожане уже вывесили бело-сине-красные царские флаги» [Паустовский, с. 487].

За трехцветный флаг Корнилова укоряли матросы-черноморцы, приехавшие делегацией от большевиков: «Только красный флаг должен быть всегда. Национальный флаг – это эмблема реакции» [Севский, 1918]. Попытка совместить оба символа иногда приводила к тому, что триколор просто переворачивали красной полосой кверху [Маргулис, с. 49, 52].

Борясь с восприятием триколора как «царского флага», *белые* ссылались на западные республиканские образцы. Три цвета русского знамени «взяты Петром у голландской республики. <...> У наших верных друзей-французов на знаменах те же цвета, только в другом порядке, и <...> означают они у них: “Свобода, равенство, братство”» [Знамя, 1919].

«Французские революционеры, – сообщает “колчаковская” газета, – носили трехцветную кокарду, как и наши российские войска». Большевики же – не революционеры, а разбойники. Их прообраз – войско Болотникова в эпоху Смуты, между тем как «Скопин-Шуйский <...> очень напоминает нам Корнилова» [Федот, да не тот, 1919].

В 1919 г. в Ростове-на-Дону была издана песня «Трехцветный флаг» с подзаголовком: «Победная песнь Добровольческой Армии». На обложке изображена летящая женщина с российским триколором в руках, что напоминало о символах революционного патриотизма во французском искусстве. В «белой» печати нередко подчеркивалось, что противники *красных* отнюдь не защитники

«старого строя», напротив – они олицетворяют собой новую, «молодую Россию», хотя образ этой новой России оставался нечетким.

К июлю 1918 г. относится попытка противопоставить бело-сине-красному флагу бело-желто-черный – как монархический символ, поскольку эти цвета считались имперскими геральдическими цветами. Этот флаг приняла т.н. Астраханская армия, выступавшая под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество». За нею стояло германское командование, целью которого было «отвлечение потока русских офицеров, стремившихся под знамена Добровольческой армии» [Врангель, 1992, с. 108].

Флаг этих цветов использовался и раньше (обычно черной полосой сверху, т.е. как черно-желто-белый), но широкой известности не имел. Виктор Шкловский, вспоминая о своем пребывании в Киеве летом 1918 г., пишет: «На улицах развевались трехцветные флаги. Это были штабы Добровольческих отрядов <...>. А на одной улице висел никогда прежде мной не виданный флаг, кажется, желтый с черным, а в окне портреты Николая и Александры Федоровны, – это было посольство Астраханского войска [т.е. вербовочное бюро Астраханской армии. – К. Д.]» [Шкловский, с. 12–13].

В Гражданскую войну бело-желто-черный флаг так и остался экзотикой. Однако его цвета оказались востребованы в эмиграции правомонархическими группами. Ныне он служит символом русских монархистов, а также большей части организаций русских националистов, – и снова в противовес российскому триколору, который в конце 1980-х годов из «царского флага» неожиданно превратился в чуть ли не единственный общепризнанный символ демократического движения – как его либерально-западнического, так и «патриотического» крыла. Эту роль он играл примерно до президентских выборов 1996 г.

Приказом от 8 июня 1918 г. отличительным знаком Народной армии, организуемой Комучем, была признана георгиевская ленточка наискось околыша фуражки, – вероятно, как символ одновременно патриотический и «внепартийный» [Николаев, 1930, с. 135]. Георгиевская ленточка служила также опознавательным знаком повстанцев в канун восстания в Ярославле (июль 1918) [Ярославское восстание, с. 108].

Стоит заметить, что в рассказе А. Куприна «Гамбринус» (1907) георгиевская ленточка выступает в качества знака, присво-

енного себе черносотенцами. После еврейского погрома 18–20 октября 1905 г. «победители проверяли свою власть, еще не насытятся вдоволь безнаказанностью. Какие-то разнузданные люди в маньжурских папахах, с георгиевскими лентами в петлицах курток, ходили по ресторанам и с настойчивой развязностью требовали исполнения народного гимна и следили за тем, чтобы все вставали. Они вламывались также в частные квартиры, шарили в кроватях, в комодах, требовали водки, денег, гимна и наполняли воздух пьяной отрыжкой» [Куприн, т. 3, с. 142].

Вторично т.н. «георгиевская ленточка» стала политическим (преимущественно державно-патриотическим) символом во 2-й половине 2000-х годов. Однако ее цвета – черный и оранжевый – это цвета орденской колодки к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», тогда как цвета настоящей георгиевской ленточки – черный и желтый.

Зеленый в 1-й четверти XX в.

Зеленый, желтый и розовый – «дополнительные цвета» русского политического спектра первой четверти XX в. *Зеленый* был цветом кадетской партии, однако в Первой русской революции он, по-видимому, не играл существенной роли – ни как визуальный, ни как вербальный символ.

Толкования *зеленой* кадетской символики нам обнаружить не удалось. Можно только предположить, что *зеленое* символизировало весну, обновление, надежду. Заметим, что уже в 1904 г. в языке публицистики появились выражения «повеяло весной» и «политическая весна».

Зинаида Гиппиус, по политическим взглядам близкая к эсерам, в 1915 г. предложила свой символический «триколор», в котором *зеленому* отводилась едва ли не главная роль:

Три поля на знамени нашем, три поля:

Зеленое – Белое – Алое.

Да здравствует молодость, правда и воля.

(«Молодое знамя», май 1915) [Гиппиус, 1991, с. 184].

Тогда же она писала:

Идем к Зеленому дорогой красною.

«Зеленый цветок» (март 1915) [Гиппиус, 1991, с. 183].

«Зеленое – белое – алое» – заглавие авторского послесловия к пьесе Гиппиус «Зеленое кольцо» (1916). «...Слово “зеленое”, – поясняла Гиппиус, – не было мною взято как определяющее непременно “молодость”; шире: как “рост”, как силу жизни, как “возрождение”» [Гиппиус, 1991, с. 632].

В апреле 1917 г. кадеты вышли в Петрограде на манифестацию против отставки Милюкова под зелеными знаменами и плакатами. После первых успехов наступления 18 июня 1917 г. «...кадетские зеленые плакаты снова появились на улицах Петрограда» [Изгоев, с. 14, 16]. 5 января 1918 г., в день открытия Учредительного собрания, большевики силой оружия разогнали манифестацию в поддержку Учредительного собрания. Были здесь и кадеты «со своими зелеными и белыми флагами», как вспоминал один из участников манифестации [Всероссийское учредительное собрание, 1930, с. 214]. Наконец, на похоронах Плеханова (июнь 1918) «несколько зеленых кадетских венков и флагов» тонули в красном море венков, лент, цветов и знамен [Изгоев, с. 24].

Присутствие *зеленого* в первые месяцы после Февральской революции отмечено в сатирическом стихотворении июня 1917 г.:

...Вязь зеленых многоточий...

Злобно морщится рабочий:

«Милюковский всюду цвет!»

Скандерберг [Н. А. Фольбуам]. Зеленъ [Русская стихотворная сатира..., с. 574].

И даже после Октябрьского переворота, в январе 1918 г., обозреватель правозероковского «Труда» писал: «...Черно-зеленый блок монополизировал понятие “родины” и во имя “блага родины” стал звать назад». «...Черно-зеленый стан с нескрываемой радостью воспринимает каждое известие о победах Алексева. Одни вдохновляют “красный террор”, другие только и мечтают об эпохе “белого террора”; два подлинно зверских лика, две уготовленных [!] для родины и революции пропасти...»; «Если власть получит черно-зеленый блок, то вся разница будет только в смене красного террора белым» [Опасность справа, 1917].

В другом значении, как обозначение отрядов, состоявших из дезертиров (как Красной, так и «белых» армий), выражение *зеленые* появляется не позднее весны 1919 г., вероятно, впервые – в Кубанской области и Черноморской губернии. Статья под заглавием «Зеленая армия» появилась в «Правде» 13 мая 1919 г.

В июне 1919 г. полковник Долгов, представитель Вооруженных сил Юга России, в беседе с варшавскими журналистами говорил: «Между нами и большевиками, в отличие от красной и белой армии, появилась недавно – зеленая». «Зеленая армия <...> имеет свое пребывание под сенью зеленых лесов, откуда получила свое название» [На Деникинском фронте, 1919].

20 сентября 1919 г. У. Черчилль, в то время военный министр, писал британскому кабинету министров: «По сообщению из Москвы, зеленая гвардия численно растет и организуется во многих пунктах, и если бы их не пугали репрессии со стороны белых, то они могли бы быть использованы против большевиков» [Черчилль, 1932, с. 171].

Желтый и розовый в 1-й четверти XX в.

В русской социал-демократической печати начала XX в. термин *желтые* встречался применительно к французским *желтым* профсоюзам.

В 1911 г. Ленин, называя III Государственную думу «черно-желтым пуришкевичевским “парламентом”», вероятно, имел в виду цвета государственного герба России: черный двуглавый орел на золотом фоне [Ленин. О лозунгах..., с. 11].

Зато с 1917 г. большевики нередко именуют *желтыми* всех «прислужников капитализма» – от кадетов до социал-демократов не-большевистского толка. В 1919 г. Ленин писал о II Интернационале: «Он играет фактически роль прислужника международной буржуазии. Это настоящий желтый Интернационал» [Ленин. Третий Интернационал..., с. 307].

В августе 1917-го Сталин призывал противопоставить «желтому союзу империалистов» «красный союз революционных рабочих и солдат всех стран» [Сталин. Союз желтых]. Незадолго до Октябрьского переворота Г. Зиновьев писал о «желтой банде

Алексинских, Переверзевых, Бурцевых, Керенских, Ермоленок», с которой вступили в сговор «официальные эсеры и меньшевики» [Зиновьев, с. 1].

В начале июня 1918 г. либеральная газета «Возрождение» замечает: «Можно, конечно, “красный” Петроград переименовать в “желтый”. Можно объявить “белогвардейцами” 67 тысяч рабочих, стоящих за созыв Учредительного собрания...» [В панике, 1918].

Большевик Лев Сосновский говорил, имея в виду меньшевиков: «...Рабочий класс <...> будет исключать желтых из красных организаций. Желтые и красные – нет других. Одни из них не только желтые, но и черные» (выступление на заседании ВЦИК 11 июня 1918 г.) [Протоколы заседаний..., с. 438]. Заметим, что *белых* в этом наборе цветов нет, хотя Гражданская война шла уже несколько месяцев.

В июле 1918-го «Правда» в одном и том же номере пишет о «черно-желтом блоке русской буржуазии с англо-французской биржей» и о «черно-желтом блоке негодяев меньшевистско-черносотенного лагеря» [Преображенский, 1918; Ярославская трагедия, 1918]; а чуть раньше «Известия» – о «черно-желтой рати российской контрреволюции» [Эрдэ, 1918].

В семантическое поле *желтого* как «соглашательского» попадает и выражение «желтая пресса». Ленин в 1915 г. говорит о «буржуазной и желтой печати всего мира» [Ленин, Крах II Интернационала, с. 222]. В июле 1917 г. большевистский публицист осуждает «буржуазную черно-желтую прессу» [Залуцкий, с. 1]. В декрете Совета Народных Комиссаров о печати от 10 ноября 1917 г. о закрытии «контрреволюционных» газет заявлялось: «...Были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса» [История советской политической цензуры, с. 27].

Со 2-й половины 1918 г., когда главными противниками большевиков стали силы правее социалистов, *желтый* в политической языке Советской России отступает на задний план.

Розовый как цвет политического спектра появился, по видимому, в России начала XX в. Во Франции лишь с начала 1980-х годов прилагательное *rose* (розовый) начинает ассоциироваться с социалистической партией [Зеленин, 2007, с. 219]. В Англии

эпитеты *розовый* (pink) и «бледно-розовый» (pale pink) стали применяться к умеренным социалистам (в частности, фабианцам) с начала 1920-х годов, – возможно, под влиянием русского политического языка.

У большевиков *розовое* – синоним «лжесоциалистического» и близкий сосед *желтого* как «соглашательского». Первые примеры подобного словоупотребления мы находим у Ленина. В 1902 г. он назвал «либерально-народническое направление» «бледно-розовым квазисоциализмом» [Ленин, Вульгарный социализм..., с. 47].

В 1913 г. Ленин писал: «...Кадеты – те же октябристы, подмалеванные в розовый цвет для обмана простачков» [Ленин. Либералы..., с. 228].

В апреле 1917 г. Ленин так отвечал на вопрос: «Какого цвета знамя соответствовало бы природе и характеру различных политических партий?»:

«А, (правее к.-д.). Черное, ибо это настоящие черносотенцы.

Б, (к.-д.). Желтое, ибо это международное знамя рабочих, служащих капиталу не за страх, а за совесть.

В, (с.-д. и с.-р. [т.е. меньшевики и эсеры. – К. Д.]). Розовое, ибо вся их политика есть политика розовой водицы.

Г, (“большевики”). Красное, ибо это есть знамя всемирной пролетарской революции» [Ленин. Политические партии..., с. 205].

В июне 1918 г. «Правда» писала о «черно-бело-розовой гвардии» в Самаре, где «правые эсеры и другие белогвардейцы руководили чехословаками» [Единый фронт, 1918].

В первомайской статье «Правды» за 1921 г. говорилось: «Вот до какого положения дошел мир трудящихся под бледно-розовыми, а теперь выцветшими до желтизны знаменами II Интернационала и под золотыми хоругвями христианства. Немудрено, что теперь он отбрасывает эти желтые знамена и поднимает ярко-красное знамя коммунизма» [Глебкин, с. 160].

В годы Гражданской войны эпитет *розовый* появляется в языке противников *красных*. В начале 1919 г. в Финляндии был создан Особый комитет Национального русского центра. В середине января член правления Национального центра, бывший министр Временного правительства А. В. Карташев телеграфировал русскому поверенному в Лондоне К. Д. Набокову: комитет «в каких-то очень скромных пределах <...> окрашен в определенный

политический, именно, в белый цвет, в отличие от розового и красного» – т.е. является последовательно антибольшевистским [Смолин, с. 171].

Два года спустя Петр Струве, имея в виду левое крыло эмиграции, писал: «Розовые – это те, кто ради революции и ее заветов забывают Россию и ее заветы...» [Струве, 1921, с. 213].

В позднейшей правой эмигрантской печати эпитеты *полукрасный, розовый, розоватый* означали «прокоммунистический, сочувствующий большевикам, советскому строю» [Зеленин, 2007, с. 219].

Отторжение белого «белыми»

В небольшевистской печати о московской «белой гвардии» и «белогвардейцах» упоминается считанное количество раз; а затем, вплоть до весны 1918 г., эти термины, вместе с термином *белые*, используются лишь по отношению к Финляндии: «белая гвардия ген. Маннергейма», «война русских войск с белогвардейцами» и т.д. При этом не только «левые», но и центристы-государственники отнюдь не сочувствуют «белым»: «Победа белой гвардии – финских сепаратистов, явно тяготеющих к Германии, окончательно порвет то последнее, что связывает нас с Финляндией» [Финляндская война, 1917]. В мае 1918 г. «Утро России» публикует ряд сообщений о зверствах финских белогвардейцев по отношению к русскому населению, в т.ч. к русскому офицерству.

С мая-июля 1918 г. термины «белая гвардия», «белогвардейцы» – уже по отношению к России – появляются в небольшевистской печати почти всех регионов страны, главным образом в сообщениях, заимствованных из советских газет, телеграмм и радиogramм. Эти термины часто закавычивались как «чужое слово».

Характерен приказ командира Степного Сибирского корпуса П.П. Иванова от 23 июня 1918 г.: «Появилось название “Белая гвардия”, которым обыватели неправильно именуют образовавшиеся на местах отряды для борьбы с павшей советской властью¹. От имени Временного Сибирского правительства заявляю, что ни-

¹ Надо полагать, «обыватели» заимствовали эту терминологию – прямо или косвенно – из советской печати.

какой “цветной” армии на территории Временного Сибирского правительства не будет» [Дерябин, 1992¹].

Правда, созданный еще в ноябре 1917 г. в Томске подпольный офицерский отряд был назван «белым легионом». Это наименование (известное по воспоминаниям одного из основателей группы [Крылов, с. 37]) существовало недолго. После победы антибольшевистского восстания в Томске, возглавленного подполковником А.Н. Пепеляевым, члены этого отряда воевали в составе его частей.

Слово *белый* в названии «легиона», по всей вероятности, отсылало к сибирской бело-зеленой символике. Флаг автономной Сибири был принят как раз в Томске, на конференции сибирских «областников» в августе 1917 г., а в конце мая 1918 г. утвержден Временным Сибирским правительством. Его белый и зеленый цвета понимались как «эмблема снегов и лесов сибирских» [Воззвание членов Западно-Сибирского комиссариата., 1995]. Под этим флагом и сражались части Пепеляева. Позднее, при Колчаке, сибирским частям было позволено добавить бело-зеленые ленты к национальному флагу, но использовать сибирские флаги они не могли [Болдырев, с. 81].

У фольклориста-этнографа И. Ульянова встречается образ «белых ратей», опять-таки в связи с сибирской символикой: «Пошли неукротимые рати с севера и с юга, с востока и запада к кремлевским святыням древней Москвы. Особенно грозны белые рати бойцов от белых снегов и вечно зеленых лесов Сибири» [Ульянов, 1919, 18 апреля]. Оппозиции «белое – красное» в статьях Ульянова нет.

Цвета погон, фуражек, канта на униформе «алексеевских» частей Добровольческой армии представляли собой сочетание белого и голубого. К политической символике цвета они отношения не имели. «Основу алексеевских частей составили в феврале 1918 года отряды, в которые входили по преимуществу студенты, учащиеся гимназий и реальных училищ»; белый и синий – цвета университетского нагрудного знака (ромб белой эмали с синим крестом внутри) [Белое движение, с. 480].

На Юге отторжение *белого* еще заметнее. Так, в просмотренных нами номерах «Вестника Донской Армии» и «Киевляни-

¹ По сообщению А.Б. Езеева, этот документ обнаружен В.А. Дуровым. Архивный адрес: ГА РФ, ф. 176, опись 2, дело 38, лист 14.

на» сочетания со словом *белый* (в военно-политическом контексте) практически отсутствуют – даже в сообщениях из Советской России. Осенью 1919 г. Осваг (орган пропаганды Добровольческой армии) выпустил листовку-брошюру «Беседа белогвардейца с красноармейцем», адресованную солдатам противника. Листовка построена в форме диалога «белого» с «красным», однако «белый» называет своих не «белыми», но: «Добровольцы, казаки, Юденич и Колчак»; «мы, Добровольцы и казаки».

Точно так же обстояло дело на небольшевицком Севере и во «врангелевском» Крыму вплоть до его эвакуации.

Москвич Н. Окунев, кадет по убеждениям, в своем дневнике за все время Гражданской войны ни разу не пользуется определением *белые, белогвардейцы* как собственными, а только при пересказе официальных сообщений, обычно закавычивая эти наименования [Окунев, 1990].

Столь устойчивое отторжение *белого* (за одним исключением, о котором мы еще скажем) не могло быть случайным. Можно предложить несколько взаимодополняющих объяснений.

1. Московская «белая гвардия» была отнюдь не главной силой московского выступления против большевиков, а всего лишь вспомогательным формированием, существовавшим считанные дни. Обозначения «белая гвардия», *белогвардейцы, белые* в широкий оборот были введены «красной» печатью, т.е. исходили из стана врага.

2. Понятие *белогвардеец* «красные» использовали как классовую этикетку, тогда как противники *красных* видели в себе надклассовую, общенациональную силу. «Белые» как обозначение движения в целом неизбежно приобретало партийный оттенок. «Белые» (так же как «красные») – часть, «русские» – целое.

3. Вплоть до апреля 1918 г. на первом плане была финляндская белая гвардия, в которой сторонники «единой и неделимой» видели антирусскую силу. На Юге «белогвардейцы» могли ассоциироваться с черносотенцами 1905 г. (вспомним суждения столыпинских идеологов о «революции белой»); впрочем, свидетельств об этом у нас нет.

4. Южное добровольческое движение, наиболее влиятельное в плане идеологии, вело свою родословную от Корниловского выступления либо от Алексеевской организации. К Временному пра-

вительству оно относилось враждебно, между тем московская «белая гвардия» защищала это правительство от большевиков под политическим руководством эсеров.

5. Наконец, *белое* могло вызывать негативные ассоциации с французскими роялистами. «Большевики любят сравнивать себя с революционерами великой французской революции, – писал публицист пермского “Отечества”. – А всех, кто борется против них, называют “белыми”; так назывались тогда восставшие против революционного правительства крестьяне Фоандеи (!) по белым кокардам на их шляпах» [Федот, да не тот, 1919].

Однако значимость этого последнего обстоятельства остается под вопросом. Прочитанная выше ссыла на западную символику *белого* представляла собой крайне редкое исключение в антибольшевистской печати.

Согласно Д. Фельдману, советским идеологам удалось навязать общественности пропагандистскую схему: «Каждый монархист – “белый” по определению. Соответственно, если “белый”, значит, монархист» [Фельдман, с. 11]. Но в советской печати понятия «белогвардейцы», «белые», «белый террор» до конца 1918 г. **ассоциируются главным образом с буржуазной контрреволюцией**, а не с монархизмом; постоянный эпитет «белой гвардии» – «буржуазная». Это словоупотребление сохранялось в советской печати очень долго. Во фразеологическом справочнике 1933 г. «белый террор» определяется как «террор буржуазии» [Овсянников, с. 272].

Обвинения противника в монархических замыслах не были редкостью, но они обычно не связывались с западной символикой *белого*, например: «Из зеленых попугаев либерализма [кадеты] <...> превратились в черных воронов монархической реставрации» [Передовая статья. Правда, 20.7.1918]. Зеленый был партийным цветом кадетов, а *черный* – цветом русских монархистов в политическом языке; после Февраля *белый* в этом значении практически исчезает. В зарубежной русской печати антибольшевистские силы регулярно именовались *белыми* – без коннотации между *белым* и монархическим (даже в критических высказываниях), притом что коннотация *черного* с монархизмом сохраняется и в 20-е годы.

Как же называли себя основные силы будущих «белых»? В 1918 г., а нередко и позже, их самоназванием служили «частные», «локальные» наименования («калединцы», «добровольцы»),

«казаки», «Народная армия», «Северная армия» и т.д.). Общероссийские самоназвания складываются лишь к 1919 г. Их можно разделить на три типа.

1. Образования с приставкой «анти-» (или «противо-»): «антибольшевистская Россия»; «антибольшевистское движение»; «противобольшевистские силы».

2. Сочетания со словом «освободительный»: «великое освободительное движение»; «освободительная война».

3. Сочетания со словами «национальный», «российский» и «русский»: «русская армия», «русские войска», «национально-государственная Россия». Сюда же относятся такие идеологические формулы, как «национальное знамя», «национальное русское дело», «национальная идея», «русская идея».

Самоидентификация через «русскость» решительно преобладала вплоть до эвакуации Крыма. «Красному» противопоставлялось не «белое», а «национальное», «русское»: «Я, генерал Врангель, стал во главе остатков Русской армии – не красной, а русской» [Воззвание к офицерам..., с. 90].

О том же писал незадолго до эвакуации Крыма Дмитрий Мережковский: «России Красной нет, а есть только Россия русская, и вся она – против Красного Дьявола» [Мережковский, 1920].

Белый Северо-Запад

И все же в мае 1919 г. часть противобольшевистских сил принимает наименование *белые*. Речь идет о Северо-Западной армии (до 1 июля 1919 г. – Северный корпус). По-видимому, решающую роль здесь сыграл географический фактор. Корпус Юденича формировался в Финляндии, затем базировался в Эстонии и Латвии, т.е. **в зоне контактов разнонациональных «белых» движений.**

В этом регионе наименование «белые» не было заимствовано из советской печати; местные *белые* имели широкую поддержку в обществе и успешно противостояли «красным». В местной русской печати антибольшевистские армии Востока, Юга и Севера регулярно именовались *белыми*.

В феврале 1919 г. Юденич, приехавший в Финляндию, заявил в интервью: «У русской белой гвардии¹ одна цель – изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она не монархическая и не республиканская» («Северная жизнь» (Гельсингфорс), 19 февраля 1919) [цит. по: Смолин, с. 86]. В «Обязательном постановлении» командования Северного корпуса от 15 мая утверждалось, что «белые войска – народные войска, они друзья народа» [Смолин, с. 173].

Роль «народного атамана» пытался играть полковник (затем генерал-майор) Северного корпуса С.Н. Булак-Балахович. В ноябре 1918 г. он перешел от *красных* к *белым*, а в конце мая 1919 г. был назначен комендантом Пскова. В приказе № 1 Булак-Балаховича его части именовались «Народными Белыми Войсками» [Горн, с. 15]. «Воззвание к крестьянам и красноармейцам» представляло собой амальгаму лозунгов и символики самого разного происхождения: «какая-то жидовская всемирная Коммунистическая Революция»; «Оставляйте красный фронт и организуйте дезертирские и зеленые отряды»; «Именем Белой Народной Армии объявляю...» и т.д. [Воззвание к крестьянам..., 1919].

С октября 1919 г. в армейской печати и официальных документах часто встречаются самоназвания со словом *белый*: «белая армия», «белые солдаты», «белые воины», наконец, просто «белые». «Белыми» нередко именуются также антибольшевистские армии Севера, Востока и Юга; между тем в печати этих регионов Северо-Западная армия никогда не называется «белой».

В 1920 г. в Финляндии вышли «Записки белого офицера» ротмистра армии Юденича Д.Д. Кузьмина-Караваева. Здесь мы находим полный набор сочетаний со словом *белый* (не «белогвардейский»!): *белые*, «белое движение», «белая русская армия», «борьба белой России с красной», «белое русское правительство» и т.д. [Кузьмин-Караваев].

«Белая Россия стремится к свободе», она «унаследовала свою власть от Временного Правительства», – заявляет публицист армейской газеты [Мирский, 1919]. В ревельской «Новой России»,

¹ Термин «русская белая гвардия» (вместо: армия) употреблен здесь явно по аналогии с «финляндской белой гвардией» и принадлежал, как мы полагаем, не самому Юденичу, а интервьюеру.

издававшейся при поддержке эстонского правительства, говорится о «новой белой демократической России» и о том, что «Белые Армии» несут «лозунг созыва Учредительного Собрания» [Наш новый союзник, 1919; Якобинцы и большевики, 1919].

В то же время *белое* трактуется и в плане христианской мессианской символики: «...Близок час торжества Белого Креста над Красной Звездой» [Военный обзор, 1919]. «Русь воспрянет <...>. – Поручкой тому наше чистое знамя и белый крест христианский», – утверждалось в «Приневском крае» уже после провала наступления Юденича [Передовая статья, 5.12.1919].

Встречается и метафора «белое знамя»: «Под их святые белые знамена, под старый трехцветный Русский стяг стремились затерянные на севере люди, офицеры <...>, честные Русские солдаты, юная молодежь...» [Для чего образовалось..., 1919]. «...На белом знамени нашей, великодушной к побежденному врагу Армии, начертано: “Мы несем закон, свободу и мир”» [Закон, свобода и мир, 1919].

Между прочим, только в ревельской «Новой России» мне встретилось использование термина *белогвардейцы* не как «чужого слова». В рецензии на кинофильм «Под игом большевизма» говорилось: «При помощи белогвардейцев удастся предотвратить убийство, коварно подготовленное большевиками» [«Под игом большевизма», 1919].

После поражения армии встает вопрос о спасении «белого знамени». Монархизм и лозунг «единая и неделимая» «отжили свое время», убежден публицист ревельского «Верного пути» (органа Булак-Балаховича). «“Старый режим”, для большего успеха, попробовал надеть белую маску, и люди, отказавшиеся от него, уже с недоверием смотрят на белое знамя: “А не прячется ли за ним старое?” <...> Надо спасать белое знамя!» Армия разбита, «но белое дело от этого не пошатнулось. Надо лишь очистить его от накали личных интересов, классовой и национальной розни» [Половцов, 1920].

Как видим, принятию *белого* на Северо-Западе сопутствовала определенная демократизация лозунгов – не в последнюю очередь под влиянием политического климата новых пограничных республик. Это особенно заметно в периодике, не связанной непосредственно с действующей армией: «Свобода России» (Ревель), «Сегодня» (Рига), «Рижское слово». Северо-Западную армию

здесь называют «самой демократичной из всех русских добровольческих армий, где монархизм вынужден был скрываться лишь на задворках тыла» [Бережанский, 1919]¹. Но именно в этой периодике сильнее всего заметно разочарование в *белых* и их критика после краха Юденича.

С осени 1920 г. савинковская газета «Свобода», издававшаяся в Варшаве, склоняется к дистанцированию от *белых*. В октябре 1920 г. Савинков говорит о «войне белых и красных», называя по именам Колчака, Деникина, Юденича, но не упоминая о своем тактическом союзнике Врангеле, еще сражавшемся в Крыму. «Ни белый, ни красный не защищали интересов крестьян. Красный жег, расстреливал, грабил, мобилизовал все взрослое население и говорил советские речи. Белый жег, расстреливал, грабил, мобилизовал все взрослое население и говорил дворянские речи». «Всякая война белых заранее обречена на неуспех. Война, но не революция. Революция антибольшевистская – революция народная, казачья и крестьянская, но ни в коем случае не чиновничья и не помещичья» [Савинков, 1920].

Тогда же Сергей Масич спрашивает: «Мучительно хочется знать, кто же такие мы, “белые”, – действительно контрреволюционеры или что-нибудь иное». «Кровь первых “белых”, пролитая в октябре 1917 года в Петрограде и Москве, была пролита во имя России, и это было началом борьбы против нового, попытавшегося поработить Россию, самодержавия». «Я говорю: да, по отношению к вам [большевикам] мы – “белые”, ибо мы говорим: “Долой самодержцев-комиссаров!”»; «Идет она, великая народная освободительная революция, реют ее знамена» [Масич, 1920].

В начале января 1921 г. Ю. Липеровский заявляет: «Пора и офицерству спустить белогвардейский флаг в борьбе с большевиками!»; «Белым не может быть места на этом, революционном, действительно красном фронте свободы и республиканской России». «...Большевики и белые веди [гражданскую войну] в таких ужасных формах истребления человеческой пыли...» [Липеровский, 1921].

¹ В действительности среди офицеров, особенно высших, монархические настроения были сильны [см., напр.: Смолин, 1998, с. 290 и др.].

«Белая идея» и «Белая мечта»

С 1921 г. понятие *белые* в эмиграции начинает использоваться в качестве самоназвания, правда, не без колебаний: в одной и той же статье *белые* могут писаться в кавычках и без. Тогда же оформляется и кодифицируется «белая» легенда.

Это прежде всего легенда добровольческого движения. Оно появилось раньше всего (если начинать отсчет с Корниловского выступления) и последним сошло со сцены. Только оно сохраняло нить идейной, кадровой и организационной преемственности. Среди идеологов добровольчества был Виктор Шульгин, один из лидеров монархистов в Государственной Думе, а в Феврале – один из инициаторов отречения Николая II.

В 1921 г. в Софии вышла книга Шульгина «1920 год. Очерки», составленная из статей, публиковавшихся в «Русской мысли» (София, 1921, кн. 3–11)¹. Здесь *Белые* (с прописной буквы) противопоставляются *Красным* как некая идеальная сила, очищенная от «низкой» исторической реальности. Шульгин не скрывает, что он не пишет историю движения, а создает ретроспективный миф «Белой Армии» (выражения «белая гвардия» в книге нет, как не будет его у ближайших продолжателей Шульгина).

Белые, по Шульгину, есть некий рыцарский орден, сознательное меньшинство, взявшее на себя задачу спасения и возрождения родины. «...В сущности вся белая идея была основана на том, что “аристократическая” честь нации удержится среди кабацкого моря, удержится именно белой несокрушимой скалой... Удержится и победит своей белизной» [Шульгин, 1921, с. 13].

Политическое содержание «белой идеи» остается неясным; ничего не говорится о том, как она соотносится с идеей монархии или демократии. Нет и сближения *белого* с чистотой православной веры. Достаточно того, что Белая Армия – армия национальная. В остальном дихотомия «белые – красные» исключительно нравственная. *Белые* – значит чистые.

«Белые – честны до Дон-Кихотства <...>. Белые не могут грабить». «Белые имеют бога в сердце». «Белые твердо блюдут прави-

¹ Еще раньше, в кн. 1/2 «Русской мысли» за 1921 г., появилась статья Шульгина «Белые мысли. (Под новый год)».

ла порядочности и чести». «Они не горожане и не селяне, не купцы и не помещики, не чиновники и не учителя, не рабочие и не хлеборобы. Они русские, которые взяли за винтовку только для того, чтобы власть, такая же Белая, как они сами, дала возможность всем мирно трудиться, прекратив ненависть» [Шульгин, 1921, с. 8, 10].

Увы, «белая мечта» не выдержала столкновения с действительностью. Ее погубили «растлители Белой Армии... предатели Белого Дела... убийцы Белой Мечты...». Однако «белое дело» должно продолжиться в изгнании: «Здесь рождается Белый Городок, где в белых домиках будут только настоящие белые – белоснежные...» [Шульгин, 1921, с. 24, 273].

Из рук Шульгина «белую идею» приняли другие идеологи эмиграции, наполняя ее более конкретным содержанием.

В статье Ивана Ильина «Государственный смысл белой армии» появляется термин «белая контрреволюция», понимаемый позитивно. «В белых душах восторжествовал патриот и гражданин» (здесь и далее курсив автора) [Ильин, с. 241]. «Белая идея» понимается Ильиным как «сверхклассовое служение родине», «рыцарская и дворянская традиция в мировой истории» [там же, с. 245]. Эта идея у Ильина связана с идеей монархии: «Кадры испытанных и верных слуг родины найдет будущий законный Государь под единым белым стягом армии» [там же].

Николай Львов, бывший кадет, затем прогрессист, идеолог Добровольческого движения, писал: «Нас называют белыми. Когда, кто первый назвал этих подростков с винтовкой в руках, шедших по грязи в степи, в стужу, в рваных сапогах, с холщевой сумкой через плечо, белыми? За что? За то ли, что они были белыми. За то ли, что белая мечта влекла их за собой, а когда она гасла, они слабели и падали. Враги называют нас белыми. История сохранит это имя за нами.

Мы чувствуем, что самое имя наше накладывает на нас свой долг. Мы должны стать белыми» [Львов, с. 3].

И далее:

«...Не только монархические движения встретят отклик в народных массах после падения большевиков, но и черносотенные, погромные, и волною прокатятся по всей России.

И вот тогда-то и непонимающие поймут, что такое белое движение. Тогда они и их друзья будут искать защиты и спасения

от единственной силы, могущей оградить Россию от черной реакции» [Львов, с. 14].

«Белизна» неизменно понималась как нравственная чистота. Вот один из позднейших примеров:

«Большевиками было пущено в обращение еще одно прозвище своих противников – *белые*, как отличие от них “Красные” [так в тексте! – К. Д.] Этому слову посчастливилось: оно широко распространилось не только среди красных, но было принято добровольцами <...>. Но была разница в понимании слова “белый”: красные вкладывали в него смысл политический, как и в свое – “красный”, а добровольцы – смысл белизны, чистоты своих устремлений и своей Идеи» [Марковцы в боях..., с. 319–320].

Этот пассаж представляет собой любопытный пример аберрации памяти. Он содержится в главке «Зарождение белой идеи» книги «Марковцы в боях и походах за Россию» (1962–1964) и принадлежит перу составителя книги, подполковника Марковского полка В.Е. Павлова. На самом деле наименование «белые» не было принято Добровольческой армией, но это обстоятельство оказалось вытеснено из памяти мемуариста.

Уже в 1921 г. определение *белые* используется как синоним определения «эмигрантский». В. Левитский делит поэтов на *белых* и *красных* по признаку их местопребывания: *красными* оказываются не только Есенин и Клюев, но также А. Белый; *белыми* – Бальмонт, Северянин и Бунин, т.е. эмигранты [Левитский, 1921].

В марте 1921 г. И. Зайцев пишет в «Русской мысли»: «Кончилась официальная гражданская война в России. Между Россией и Совдепией поставлен знак тождества <...> С презрительной улыбкой жалости смотрит Европа на печальные останки белой России, раскиданные по всему цивилизованному миру» [Зайцев, с. 115].

У Шульгина уже можно найти высказывание, от которого не отказались бы сменовеховцы, манифест которых «Смена вех» вышел в Праге в июле того же 1921 г.:

«Мы выучили их – мы, Белые <...>.

Белая Мысль победила и, победив, создала Красную Армию...» [Шульгин, 1921, с. 13].

Шульгин, разумеется, не предполагал сотрудничества с «красными»: «...Чтобы помочь “той” России, скажем, красной, надо работать в “этой” – бело-сине-красной» [Шульгин. Русский совет, 1921].

Другого мнения держался Николай Устрялов, бывший кадет, а затем отец-основатель «сменовеховства» и «национал-большевизма». Летом 1925 г. он посетил Москву после семилетнего перерыва. В очерке «У окна вагона» (1926) Устрялов писал:

«В голову <...> стучится четверостишие Вл. Соловьева из “Песни офитов”:

Пойте про ярые грозы –
В ярой грозе мы покой обретаем.
Белую лилию с розой,
С алою розой мы сочетаем...» [Устрялов, 1926, с. 34].

Эмигрантские критики белого

Однако *белыми* отказались называть себя не только «левые» участники антибольшевистской борьбы, но также сибирские областники и крайние монархисты.

Михаил Иностранцев, генерал-майор армии Колчака, а в эмиграции – военный историк, писал: «...Название “белой” к Сибири, равно как и к Деникину, Юденичу и Северному фронту, никоим образом прилагается быть не может», так как «противобольшевистские армии» не ставили целью «устраивать реставрацию». «Если же название “белых” давали им большевики, то – это понятно. Они умышленно стремились навязать борющимся против них эту кличку, чтобы выставить противобольшевистские силы как стремящиеся свести на нет всю революцию и тем подорвать доверие и симпатию к ним народных масс» [Иностранцев, с. 56].

В леволиберальных «Последних новостях» за сентябрь-октябрь 1921 г. читаем:

«Был момент в белом движении, когда народ открыто шел на встречу Деникину и Колчаку, – <...> и оттолкнули его от белого знамени и заставили ненавидеть его так же, как знамя красного интернационала, те, кто запятнали это белое знамя потоками народной крови!» [Ашкинази, 1921]. «Стан белых становился станом черных; такой режим действительно не мог существовать. Врангеля, Кривошеина и Климовича победила не красная армия, – их не принял

русский народ, терзаемый станом красных и далекий от стана черных» [Мирский, 1921].

Теми же цветами – *красный, белый и черный* (отрицая все три) – пользуются в эмиграции начала 1920-х годов бывшие *красные*. Путь «белой диктатуры» для России закрыт, пишет бывший эсер Марк Вишняк, «ибо Россия – не Финляндия». «И чем скорее будут изжиты красные миражи, белые мечты и черные призраки <...> тем больше будет у России шансов наверстать потерянное за последние годы». В той же статье «роялисты» и «террористы» используются как синонимы *черных* и *белых* [Вишняк. На Родине, с. 358].

О сменовеховцах Вишняк отзывается так: «Вчера белые реакционеры, сегодня – красные революционеры, а завтра, вероятно, черные реставраторы» [Вишняк. Рец.: Смена вех, 1921, с. 383].

«“Белое движение” в России, возглавлявшееся Колчаком, Деникиным и Врангелем, по существу было черным», – заявлялось в эсеровской «Воле России» [Монархизм с оговорками, с. 51].

В 1924 г. Георгий Фальчиков из Терского казачества писал в эсеровской «Воле России»: *«Белое движение являлось объединением политических и военных сил, направленных на восстановление в России монархии. Поэтому, если говорить о цветах, то следует, ради точности, называть это движение не белым, а черным. Таким оно было с самого начала. Его “белизна” была чисто внешняя, черная сущность скрывалась...»* «Всякий, кто отдавал свой сильный труд делу освобождения своего народа, кто стремился к возрождению Свободной России, *обязан был бороться против этого [“белого”] движения с таким же рвением, с каким он боролся против “красного движения”*» (курсив автора) [Фальчиков, с. 209, 212].

Не случайно Иван Тхоржевский в стихотворном фельетоне, опубликованном в парижской газете «Возрождение» в 1925 г., говорил о левом крыле эмиграции: «Очернили белое, / Обеляют красное» [цит. по: Тхоржевский, с. 18 (вступит. статья)].

Как замечает А.В. Зеленин, в демократической и кадетской эмигрантской печати *красное* гораздо чаще выступает в оппозиции к *черному* (т.е. монархическому), чем к *белому*, причем оба понятия оцениваются отрицательно: «языковые антонимы становятся контекстуальными (публицистическими) синонимами» [Зеленин, 2007, с. 218, 219].

В анархистских изданиях понятие *белый* (впрочем, как и *красный*) начинает ассоциироваться с фашистским. «Анархический вестник» (Берлин, 1923, № 2) пишет о «красно-фашистской» и «бело-фашистской реакции» [Зеленин, 1999, с. 80].

С противоположного берега смотрели на *белых* крайне правые.

В передовице № 1 органа крайних монархистов «Двуглавый орел» (1920) используются выражения «белые войска», «белые армии», «белые генералы». Но автор передовицы не отождествляет себя с ними, поскольку Колчак, Деникин, Юденич «упражняли себя <...> демократическими и социалистическими опытами на живом теле России» [Передовая статья. Двуглавый орел, 1920, с. 4].

Для крайне правых Корнилов, Алексеев, Каледин – «плеяда революционных генералов», «несчастные военные интеллигенты». Дело Колчака и Деникина «было насквозь пропитано все тою же разлагающей керенщиной и интеллигентщиной». «Предательская революция семнадцатого года разодрала наш бело-сине-красный флаг на его составные части – красную, синюю и белую. Красное знамя подняли революционные рабочие и простонародье, белое подхватила испуганная ходом революции буржуазия, а синюю монархическую сердцевину, дотоле прочно соединявшую красное с белым в одно общее, революционеры безумно вырвали из рук монархии и втоптали в грязь. <...> Как только ушли Синие, началась беспощадная, звериная борьба Красных с Белыми, и русская кровь полилась рекою <...>. Синие должны наконец возвратиться на свое место и встать между Красными и Белыми <...>» [Передовая статья. Двуглавый орел, 1921].

Те же мысли повторены в речи Маркова 2-го (который, вероятно, и был автором процитированной выше передовицы) при открытии съезда русских монархистов в Рейхенале 16/29 мая 1921:

«У Белых были хорошие цели, но они шли по неверным путям <...>. Белые не только не воевали с революцией, но с упорством ослепления возвещали свою преданность революции <...>». «Наш русский флаг имеет три полосы, красная и белая полосы использованы в отдельности. Мы, Монархисты, подобно синей полосе, стоим между Красными и Белыми. Мы – Синие, должны восстановить старый единый Бело-сине-красный национальный флаг» [Марков, с. 3–4]. В той же речи Марков с неодобрением говорил о «белых республиканцах».

Цвета французского политического спектра здесь неожиданно перевернуты: крайние монархисты оказываются *синими*, а *белые* – республиканцами; при этом классовая трактовка *белого* и *красного* буквально повторяет большевистскую.

Год спустя «Двуглавый орел» заявлял: «Символ – великое дело. <...> Белое знамя – пустое знамя. <...> Не белая интеллигентская тряпка, а Священное знамя нашего законного Императора осенит христолюбивое воинство освободителей России» [Передовая статья. Двуглавый орел, 1922]. Здесь «белое знамя» уравниено с красным наименованием «тряпка».

Итак, в эмигрантской публицистике 20-х годов мы видим все те же три базовых цвета: красный, белый и черный. Но если левые сближают *белых* с *черными* (те и другие – монархисты и реакционеры), то крайне правые сближают их с *красными* (те и другие – республиканцы и революционеры).

Вместо эпилога: рождение термина «красно-коричневые»

Цветовая символика, игравшая огромную роль в русском политическом языке первых десятилетий XX в., в дальнейшем все больше теряла свое значение. Положение стало меняться в годы «перестройки».

Уже в 1989 г. «красной сотней» называли 100 участников Съезда народных депутатов СССР, избранных по особой квоте от КПСС. Эта группа занимала относительно консервативную позицию, однако наименование «красная сотня» не имело в виду близость их взглядов к черносотенным.

23 июля 1991 г. в «Советской России» было опубликовано «Слово к народу», подписанное двенадцатью политиками и деятелями культуры. В их числе значились: Г.А. Зюганов, В.А. Стародубцев, В.И. Варенников, Ю.В. Бондарев, В.Г. Распутин, А.А. Проханов. Задним числом «Слово...» стало рассматриваться как идеологический манифест ГКЧП, в состав которого вошли Варенников и Стародубцев.

Пять дней спустя, 28 июля, было принято Обращение Республиканского совета Свободной демократической партии России

«по вопросу правой национал-патриотической опасности», где, – по-видимому, впервые, – говорилось о «красно-коричневой угрозе». Авторами Обращения были Виталий Скойбеда и Вадим Востоков [Салье, с. 51].

О «перерождении *красного* в *коричневое*», о «внутреннем единстве красного и коричневого фашизма» писал в США С.Е. Резник в книге «Красное и коричневое», вышедшей из печати не ранее октября 1991 г. [Резник, с. 9, 301].

«Угроза красно-коричневого фашизма реальна», – заявлялось в листовке Московского отделения Антифашистского центра (ноябрь 1991). Согласно журналу Антифашистского центра «Диагноз» (1997, ноябрь, с. 10), определение *красно-коричневый* принадлежало Игорю Ни.

Под заглавием «Коричневый путч красных: Август 91» вышла документальная хроника августовского путча (М., 1991), подписанная к печати 20 декабря 1991 г.

26 января 1992 г. член правления политико-дискуссионного клуба «Московская трибуна» В.И. Илюшенко заявил на заседании клуба: «[С.Н.] Бабурин выступает как связующее звено между красно-коричневыми и истинно коричневыми, между коммунистами, которые, собственно, всегда были разновидностью фашистов у нас, и национал-патриотами» (цитирую по неопубликованной стенограмме).

В широкой печати о *красно-коричневых* стали писать с февраля 1992 г. в связи с подготовкой Конгресса гражданских и патриотических сил. «Дать отпор красно-коричневым!» – шапка первой полосы «Курантов» от 4 февраля 1992 г.

Список источников

Датировки газетных статей и документов, опубликованных в России до 14 февраля 1918 г., даются по старому стилю, остальные – по-новому, хотя в цитируемой периодике долгое время указывалась двойная дата или же только дата по старому стилю.

Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.

Арзамас и арзамасские протоколы. – Л.: Изд-во писателей, 1933. – 303 с.

- Арсеньев Н. Во имя России // Вольный Дон. – Новочеркасск, 1918. – 20 янв. – С. 2–3.
- Ашкинази З.Г. Душа народа // Последние новости. – Париж, 1921. – 27 сент. – С. 2.
- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Баранов Е. Национальная армия // Русская армия. – Омск, 1919. – 25 фев. – С. 4.
- Бедный Д. Последний козырь [стихотворный фельетон] // Бедный Д. Полн. собр. соч. – М.: Гос. изд-во, 1926. – Т. 4. – С. 14.
- Белое движение: Начало и конец. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 528 с.
- Бенедиктов В.Г. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1983. – 814 с.
- Бережанский Н. Ненужный надзор // Сегодня. – Рига, 1919. – 22 нояб. – С. 1.
- Блан Л. История Французской революции: В 12 т. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907–1909.
- Блан Л. История революции 1848 г. – СПб.: Б-ка «Общественной пользы», 1907. – 679 с.
- Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты: Воспоминания. – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. – 562 с.
- Борьба с контрреволюцией // Правда. – М., 1918. – 16 июля. – С. 3.
- [Бухарин Н.] Черный всадник и красный всадник: [Передовая статья] // Правда. – М., 1918. – 1 авг. – С. 1.
- Бухарин Н. Часовой пролетарской революции [об убитом в Петрограде М.С. Урицком] // Правда. – М., 1918. – 31 авг. – С. 1.
- В Москве // Приазовский край. – Ростов н/Д, 1919. – 10 янв. – С. 3. – Подпись: Эмигрант.
- В панике: [Передовая статья] // Возрождение. – М., 1918. – 5 июня (23 мая). – С. 1.
- Вашков Е. Черные патриоты. – М.: Демократ, 1906. – 16 с.
- Вести из Кремля. Беседа с защитником Кремля штабс-капитаном Н.Н. Астафьевым // Вольный Дон. – Новочеркасск, 1917. – 5 нояб. – С. 2.
- Винавер М.М. Речи. – СПб.: Типолит. Буссея, 1907. – 83 с.
- Виноградов А.К. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 1. – 623 с.
- Вишняк М. На Родине // Совр. записки. – Париж, 1921. – Кн. 5. – С. 329–358.
- Вишняк М. [Рец.] // Совр. записки. – Париж, 1921. – Кн. 8. – С. 380–385. – Рец. на сборник: Смена вех. – Прага, 1921.
- Внутреннее обозрение // Русская мысль. – М., 1905. – № 3. – С. 191–224 (2-я паг.).
- Во имя Учредительного Собрания: [Передовая статья] // Правда. – М., 1918. – 18(5) июня. – С. 1.
- Военный обзор // Свобода России. – Ревель, 1919. – 5 окт. – С. 1.
- Воззвание к крестьянам и красноармейцам // Освобождаемая Россия. – Псков, 1919. – 11 июля (28 июня). – С. 1.
- Воззвание к офицерам Красной армии 20 марта 1920 г. // Врангель П.Н. Воспоминания. – М.: Терра, 1992. – Ч. 2. – С. 90.
- Воззвание Московского Комитета партии социалистов-революционеров // Труд. – М., 1917. – 2 дек. – С. 1.

- Воззвание членов Западно-Сибирского комиссариата Сибирского правительства от 26 мая 1918 г. (цит. по изд.: Журавлев В.В. Государственная символика Белой Сибири // История Белой Сибири: Тезисы научной конференции. – Кемерово, 1995. – С. 12–13).
- Волин Б. Первейшая задача // Правда. – М., 1918. – 29 мая. – С. 1.
- Врангель Н.Н. Воспоминания. – М.: Терра, 1992. – Ч. 1. – 538 с.
- Всероссийское учредительное собрание / Подготовил к печати И.С. Малчевский. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 219 с.
- Гейне Г. «Идеи. Книга Le Grand» // Гейне Г. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 3. – С. 103–161.
- Гейне Г. Французские дела: [Корреспонденции из Парижа. 1832 г.] // Гейне Г. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 4. – С. 5–191.
- Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1954–1966.
- Гиппиус З. Сочинения: стихотворения, проза. – Л.: Худож. лит., 1991. – 672 с.
- Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М.: Янус-К, 1998. – 167 с.
- Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. – Берлин: Гамаюн, 1923. – 416 с.
- Грингут В.А. Собр. статей. – М., 1910. – Вып. 4, отд. 1. – 410 с.
- Гриф. Красная армия // Утро России. – М., 1918. – 20 янв. – С. 1.
- Две власти, две диктатуры: [Передовая статья] // Правда. – М., 1918. – 20 авг. – С. 1.
- Державин К.Н. Борьба классов и партий в языке Великой французской революции // Язык и литература. – Л., 1927. – Т. 2, вып. 1. – С. 1–62.
- Дерябин А. Белая гвардия // Вечерний Магадан, 1992. – 11 янв. – С. 4.
- Для чего образовалось Правительство Северо-Западной области // Приневский край. – Гатчина, 1919. – 24 окт. – С. 1.
- Дубовский А. Непонятый // Утро России. – М., 1917. – 17 сент. – С. 4.
- Душенко К.В. Другой юбилей: 80-летие московской «белой гвардии» // Русская мысль. – Париж, 1997. – 13–19 нояб., № 4147. – С. 7.
- Душенко К.В. Понятия *белые*, «белогвардейцы», «белая армия» в небольшевистской печати времен Гражданской войны // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. – М.: РГГУ, 1996. – С. 252–255.
- Душенко К.В. Цитаты из русской истории. – М.: ЭКСМО, 2005. – 624 с.
- Единый фронт – белогвардейцы, правые эсеры и чехословаки: [Редакционная статья] // Правда. – М., 1918. – 16 июня. – С. 2.
- Еще о черной сотне // Народно-социалистическое обозрение. – СПб., 1906. – Сб. 8. – С. 69. – Перепеч. из газ. «Товарищ» (СПб.) от 6 дек. 1905.
- Жорес М. Социалистическая история Французской революции. – М.: Прогресс, 1978. – Т. 2. – 647 с.
- Зайцев К.И. Буржуазная Европа и Советская Россия. (Датировка: «Константинополь, 8 марта 1921») // Русская мысль. – Париж, 1921. – Кн. 5–7. – С. 115–130.
- Закон, свобода и мир! [Передовая статья] // Вестник Северо-Западной армии. – Нарва, 1919. – 22 окт. – С. 1.

- Залуцкий П. За что контрреволюция травит Советы // Рабочий и солдат. – Пг., 1917. – 30 июля. – С. 1–2.
- Заславский Д. Реставрация // День. – Пг., 1917. – 4 нояб. – С. 1.
- Зеленин А.В. Белый в русской эмигрантской публицистике // Русская речь. – М., 1999. – № 4. – С. 76–80.
- Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). – СПб.; Златоуст, 2007. – 378 с.
- Зиновьев Г. Наши лучшие агитаторы // Рабочий путь. – Пг., 1917. – 1 окт. – С. 1–3.
- Знамя // Отечество. – Пермь, 1919. – 30 июня. – С. 1.
- Зорин Д. Они дожидаются // Правда. – М., 1918. – 4 июня. – С. 1.
- Изгоев А.С. Пять лет в Советской России: (Обрывки воспоминаний и заметки) // Архив русской революции. – Берлин, 1923. – Т. 10. – С. 5–55.
- Ильин И. Государственный смысл белой армии // Русская мысль. – София, 1923–1924. – № 9/12. – С. 230–245.
- Иностранцев М.И. История, истина и тенденция: (По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918–1920 гг)). – Прага: Издание Союза русских военных инвалидов, 1933. – 72 с.
- История Византии. – М.: Наука, 1967. – Т. 1–3.
- История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо: В 8 т. – 2-е изд. – М.: ОГИЗ, 1938–1939.
- История советской политической цензуры. – М.: Росспэн, 1997. – 672 с.
- К жителям еще не освобожденных от красных местностей: [Листовка]. – [Омск]: Русское бюро печати, [1919].
- К студенчеству: Открытое письмо представителей белой гвардии // Труд. – М., 1917. – 1 нояб. – С. 2.
- Капица. Тамм. Семенов в очерках и письмах. – М.: Вагриус-Природа, 1998. – 576 с.
- Киевский и Одесский погромы в отчетах сенаторов Турау и Кузминского. – СПб.: Летописец, 1907. – 220 с.
- Кизеветтер А. Анархия и общество. I // Русские ведомости. – М., 1917. – 1 окт. – С. 4.
- Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 году. – Прага: Воля России, 1930. – Вып. 1. – С. 38–102.
- Ключевский В.О. Собр. соч. [в 9 т.]. – М., 1987–1990.
- Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 350 с.
- Константин Павлович, вел. кн. Письма к Лагарпу 1796–1829 // Сб. Русского историч. об-ва. – СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1870. – Т. 5. – С. 60–83.
- Контрреволюция. Вольный Дон. – Новочеркасск, 1918. – 18 янв. – С. 2.
- Корреспонденция из Гельсингфорса // Новое время. – СПб., 1905. – С. 2.
- Красный флаг // Отечество. – Пермь, 1919. – 4 июля. – С. 1.
- Крылов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. – Прага, 1928. – № 4. – С. 36–38.
- Кузьмин-Караваев Д.Д. Записки белого офицера: Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. – Гельсингфорс: Эвлунд и Петтерсонн, 1920. – 59 с.
- Куприн А.И. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Правда, 1982.

- Левитов М.Н. Материалы для истории *Корниловского* ударного полка. – Париж, 1974. – 669 с.
- Левитский В. Гражданские мотивы у белых и красных поэтов // Зарницы. – Константинополь, 1921. – № 9. – С. 26–27. – Подпись: В.Л.
- Ленин В.И. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 7. – С. 43–50. – Впервые опубли. в «Искре» 1 нояб. 1902 г.
- Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 26. – С. 181–232. – Опубли. в сент. 1915 г.
- Ленин В.И. Либералы в роли защитников IV Думы // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 23. – С. 227–229.
- Ленин В.И. Между двух битв // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 12. – С. 49–58.
- Ленин В.И. Наши задачи и Совет Рабочих Депутатов [нояб. 1905, опубли. в 1940 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 12. – С. 59–70.
- Ленин В.И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 12. – С. 11–21. – Опубли. 8 дек. 1911 г.
- Ленин В.И. Политические партии в России и задачи пролетариата // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 31. – С. 191–206.
- Ленин В.И. Речь на митинге Варшавского революционного полка 2 авг. 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 37. – С. 24–26.
- Ленин В.И. Третий Интернационал и его место в истории // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 38. – С. 301–309. – Опубли. в апр. 1919 г.
- Липеровский Ю. Используйте передышку! // Свобода. – Варшава, 1921. – 5 янв. – С. 1.
- Листовка Петроградского комитета РКП (б) от 1 июля 1919 г. // Листовки петроградских большевиков, 1917–1920. – Л.: Лениздат, 1957. – Т. 3. – С. 269–270.
- Литвин Н. Корнилов // Вольный Дон. – Новочеркасск, 1917. – 8 дек. – С. 2.
- Литвин Н. Рыцари идут // Вольный Дон. – Новочеркасск, 1918. – 6 янв. – С. 2.
- Львов Н. Белое движение: Доклад. – Белград: Русская типография, 1924. – 18 с.
- Манифест лжи // Труд. – М., 1917. – Ноябрь. – С. 1.
- Марат Ж.П. Избр. произв. в 3-х томах. – М.: Акад. наук СССР, 1956. – Т. 2. – 320 с.
- Маргулис М.С. Год интервенции. – Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. – Кн. 1. – 364 с.
- Марков Н.Е. (Марков 2-й). Речь при открытии Съезда хозяйственного восстановления России // Двуглавый орел. – Берлин, 1921. – № 10. – 15/28 июня. – С. 3–9.
- Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов: В 2-х кн. / Сост. В.Е. Павлов – Париж: Тип. С. Березняка, 1962. – Кн. 1. – 396 с.
- Масич С. Кто мы // Свобода. – Варшава. – 1920. – 20 окт. – С. 1.
- Маслов П. В Москве // День. – Пг., 1917. – 19 нояб. – С. 2.
- Между двух битв // Пролетарий. – Женева, 1905. – 12–25 ноября. – Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1968. – Т. 12. – С. 49–58.
- Меньшиков М. Предвыборная тревога // Новое время. – СПб., 1912. – 13 сент. – С. 3.

- Мережковский Д. Грядущий Хам. – СПб., 1906. – 185 с.
- Мережковский Д. Красный Дьявол // *Время*. – Симферополь, 1920. – 13 окт. – С. 4.
- Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
- Милюков П.Н. Восстание в Москве // *Биржевые ведомости*. – СПб., 1905. – 14 дек. – С. 1.
- Милюков П.Н. Главное дело Думы и крайние партии // Милюков П.Н. Год борьбы: Публицистическая хроника. 1905–1906. – СПб.: Тип. «Общественной Пользы», 1907. – С. 347–351. – 1-я публ.: Речь. – СПб., 1906. – 10 мая.
- Милюков П.Н. Заговорщики // Милюков П.Н. Вторая Дума. – СПб., 1908. – С. 183–186.
- Милюков П.Н. История второй русской революции. – М.: РОССПЭН, 2001. – 764 с.
- Милюков П.Н. Мысли Д.Ф. Трепова о к.д. министерстве // Милюков П.Н. Год борьбы. – СПб., 1907. – С. 495–499. – 1-я публ.: Речь. – СПб., 1906. – 27 июня.
- Мирский Б. Недоразумение // *Вестник Северо-Западной Армии*. – Нарва, 1919. – 16 нояб. – С. 3.
- Мирский Б. [Б.С. Миркин-Гецевич.] Апокалипсис гражданской войны [рец.] // *Последние новости*. – Париж, 1921. – 12 окт. – С. 2. – Рец. на кн.: Раковский Г. Конец белых. – Прага, 1921.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь. – М.: Терра, 1994. – Т. 1–2.
- Монархизм с оговорками // *Воля России*. – Прага, 1922. – № 4. – С. 51–58. – Подпись: Б. Ар.
- Москва в Октябре 1917 г. – М.: Отд. печати Московск. Совета, 1919. – 200 с.
- Москва, 1917 год. Рисунки детей – очевидцев событий: Из коллекции Гос. Исторического музея / Авт.-сост. Н.Н. Гончарова. – М.: Сов. Россия, 1987. – 251 с.
- Муромцев С.А. Из общественной хроники. 15 янв. 1885 г. // Муромцев С.А. Статьи и речи. – М., 1910. – Вып. 3. – С. 79–80.
- На Деникинском фронте: [Беседа полк. Долгова, представителя Вооруженных сил Юга России, с варшавскими журналистами] // *Рижское слово*. – Рига, 1919. – 24 июня. – С. 1.
- На контрреволюционном фронте // *Известия Московского Совета*. – М., 1917. – 19 дек. – С. 1.
- Настроение в Москве. Первые жертвы // *Вперед!* – М., 1917. – 28 окт. – С. 2.
- Наш новый союзник? [Передовая статья] // *Новая Россия*. – Ревель, 1919. – 31 окт. – С. 1.
- Николаев С.Н. Политика Комуча: Опыт и характеристики // *Гражданская война на Волге в 1918 году*. – Прага: Об-во участников волжского движения, 1930. – С. 103–164.
- Обещание и исполнение // *Правда*. – Пг., 1917. – 19 дек. – С. 1.
- Обзор печати // *Рабочий путь*. – Пг., 1917. – 15 окт. – С. 2.
- Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб.: Тип. «Общественной пользы», 1910–1914. – Т. 1–4.
- Овсянников В.З. Литературная речь: Толковый словарь совр. общелит. фразеологии. – М.: ОГИЗ: Молодая гвардия, 1933. – 359 с.
- Одесские избиения // *Русские ведомости*. – М., 1905. – 30 окт. – С. 3.

1. Красное и белое:

Цветовая символика политического языка Франции и России

- Окунев Н.П. Дневник москвича. – Париж: YMCA-Press, 1990. – 600 с.
- Олар А. Ораторы революции: В 2 т. – М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1907. – Т. 1: Учредительное собрание. – 370 с.
- Опасность справа: [Передовая статья] // Труд. – М., 1918. – 28 янв. – С. 1.
- Осинский Н. Снова в лапы империалистов? // Правда. – М., 1918. – 1 авг. – С. 2.
- Отклики // Рабочий путь. – Пг., 1917. – 13 окт. – С. 6–7.
- Пастуро М. Зеленый: История цвета. – М.: Новое лит. обозрение, 2018. – 168 с.
- Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. – СПб.: Александрия, 2012. – 448 с.
- Пастуро М. Синий: История цвета. – М.: Новое лит. обозрение, 2017. – 136 с.
- Паустовский К. Повесть о жизни: В 2 т. – М.: Современ. писатель, 1993. – Т. 1. – 639 с.
- Пензенская энциклопедия. – М., 2001. – С. 228.
- Передовая статья // Двуглавый орел. – Берлин, 1920. – № 1, 14–27 сент. – С. 3–4.
- Передовая статья // Двуглавый орел. – Берлин, 1921. – № 3, 1–14 марта. – С. 2–3. – Автор, вероятно, Н.Е. Марков 2-й.
- Передовая статья // Двуглавый орел. – Берлин, 1922. – № 30, 1–14 мая. – С. 3.
- Передовая статья // Правда. – М., 1918. – 20 июля. – С. 1.
- Передовая статья // Россия. – СПб., 1907. – 28 июля. – С. 1.
- Передовая статья // Россия. – СПб., 1906. – 16 июля. – С. 1.
- Передовая статья // Русская армия. – Омск, 1919. – 8 нояб. – С. 1.
- Передовая статья // Утро России. – М., 1917. – 7 марта. – С. 1.
- Передовая статья // Приневский край. – Гатчина, 1919. – 24 окт. – С. 1.
- Передовая статья // Приневский край. – Гатчина, 1919. – 5 дек. – С. 1.
- Перемирие: [Редакционная статья] // Русские ведомости. – М., 1917. – 5 дек. – С. 3.
- Письмо студентов и курсисток в редакцию «Известий московского Военно-Революционного комитета» [опубл. 3 нояб. 1917] // Документы Великой пролетарской революции. – М.: Московский рабочий, 1948. – Т. 2. – С. 206.
- Под гнетом насилия: [Передовая статья] // Русские ведомости. – М., 1917. – 8 ноября. – С. 1.
- «Под игом большевизма»: [Рецензия на кинофильм] // Новая Россия. – Ревель, 1919. – 25 окт. – С. 2.
- Половцов Б. Уроки жизни // Верный путь. – Ревель, 1920. – 14 янв. – С. 1.
- Поэты-петрашевцы. – М.: Сов. писатель, 1957. – 386 с.
- Преображенский Е. Новости из Саратова // Правда. – М., 1918. – 27 июля. – С. 1.
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва. 20 марта – 14 июня 1918 г. (Стеногр. отчет) / РСФСР. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 442 с.
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
- Разбойничий поход: [Передовая статья] // Правда. – Пг., 1918. – 6 фев. – С. 1.
- Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Документальная публикация. – М.: Археографический центр, 1997. – 570 с.
- Революция в Финляндии // Правда. – Пг., 1917. – 4 нояб. – С. 1.
- Резник С.Е. Красное и коричневое: Книга о советском нацизме. – Вашингтон: Вызов, 1991. – 328 с.

1. Красное и белое:

Цветовая символика политического языка Франции и России

- Реизов Б.Г. Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и черное»? // Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – С. 170–186.
- Рейсер С.А. Красный флаг в России // XVIII век. – М.; Л.: Наука, 1966. – Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. – С. 294–301.
- Робеспьер М. Избр. произв.: В 3 т. – М.: Наука, 1965.
- Русская стихотворная сатира 1908–1917 годов. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 733 с.
- Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. – М.: ГАВС, 1993. – 100 с.
- Савенко А. Перелом // Киевлянин. – Киев, 1919. – 5 сент. – С. 1.
- Савинков Б. Война и революция // Свобода. – Варшава, 1920. – 16 окт. – С. 1.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1965–1977.
- Салье М.Е. История свободных демократов России. 1990–2000. – М., 2000. – Ч. 1: 1990–1993. – 92 с.
- Севский В. Сполох на Дону // Утро России. – М., 1918. – 14 янв. – С. 3.
- Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 439 с.
- Скольников Г. Слова и дела // Правда. – М., 1918. – 2 июня. – С. 1.
- Соболь А. Красный конвент // Труд. – М., 1918. – 12 янв. – С. 1.
- Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. – М.; Л.: ГИЗ, 1929. – 444 с.
- Сталин И.В. Союз желтых: [Передовая статья] // Рабочий. – Пг., 1917. – № 1, 25 авг. – С. 1.
- Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. – Берлин: И.П. Ладыжников, 1920. – 356 с.
- Стеклов Ю. Красное знамя // Правда. – М., 1918. – 17 апр. – С. 1.
- Струве П.Б. Историко-политические заметки о современности. I–VI // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 5/6. – С. 208–224.
- Струве П.Б. Мнимая пропасть // Струве П. Patriotica. – СПб., 1911. – С. 207–208. – 1-я публ.: Слово. – СПб., 1908. – 20 апр.
- Струве П.Б. Скорее за дело! // Русские ведомости. – М., 1905. – 13 ноября. – С. 3.
- Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия: Сб. ст. за 5 лет: 1905–1910 гг. – СПб.: Изд. Д.Е. Жуковского, 1911. – 625 с.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1928–1958.
- Трескин Л.Н. Московское выступление большевиков в 1917 году // Часовой. – Париж, 1935. – № 158/159, дек. – С. 13–14.
- Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – Пб.: РСДРП, 1918. – 99 с.
- Троцкий Л. Бонапартия // Рабочий путь. – Пг., 1917. – 20 сент. – С. 4–9. – Подпись: П. Танас.
- Троцкий Л. Сочинения. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. – Т. 3, ч. 2. – 451 с.
- Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 т. – М., 1976. – Т. 3. – 389 с.
- Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. – СПб.: Алетейя, 1999. – 255 с.

1. Красное и белое:

Цветовая символика политического языка Франции и России

- Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.
- Убийство М. Я. Герценштейна // Россия. – СПб., 1906. – 20 июля. – С. 1.
- Ульянов И. Душа русского народа-воина. IV // Русская армия. – Омск, 1919. – 18 апр. – С. 3.
- Устрялов Н.В. В ожидании // Утро России. – М., 1917. – 1 окт. – С. 1. – Подпись: П. Сурмин.
- Устрялов Н.В. Призраки // Утро России. – М., 1917. – 13 сент. – С. 1. – Подпись: П. Сурмин.
- Устрялов Н.В. У окна вагона // Новая Россия. – М., 1926. – № 2. – С. 31–48.
- Фальчиков Г. «Белое движение»: По поводу доклада П.И. Миллюкова [в Праге] // Воля России. – Прага, 1924. – № 18/19. – С. 203–212.
- Федот, да не тот // Отечество. – Пермь, 1919. – 9 июля. – С. 1. – Подпись: Инвалид.
- Фельдман Д. Красные белые: Советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы. – М., 2006. – № 4. – С. 5–25.
- Финляндия // Новое время. – СПб., 1905. – 27 окт. – С. 2.
- Финляндская война // Утро России. – М., 1917. – 23 апр. – С. 2. – Подпись: А.С.
- Цион С.А. Три дня восстания в Свеаборге. – Гельсингфорс: Фугас, 1907. – 102 с.
- Черчилль В. [Черчилль У.] Мировой кризис. – М.; Л.: Госвоениздат, 1932. – 328 с.
- Что такое «демократическая» республика? // Правда. – М., 1918. – 3 авг. – С. 2.
- Шадринцев К. Гвардия молодости // Вольный Дон. – Новочеркасск, 1918. – 19 янв. – С. 2.
- Шесть дней в Александровском училище // Утро России. – М., 1917. – 9 нояб. – С. 4. – Подпись: Добровolec.
- Шкловский В. Белый Киев. (Из книги «Сентиментальное путешествие») // Воля России. – Прага, 1922. – № 3 (31), октябрь. – С. 11–19.
- Шульгин В. 1920 год: Очерки. – София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1921. – 278 с.
- Шульгин В. Vox populi – vox dei // Киевлянин. – Киев, 1919. – № 13, 5/18 сент. – С. 1
- Шербина Н.Ф. Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1970. – 648 с.
- Эрдэ. Ватерлоо // Известия, 1918. – 12 июля. – С. 1.
- Юрский Г. Правые в Третьей Государственной Думе. – Харьков: Центр. предвыборный комитет Объединения русских людей, 1912. – 254 с.
- Якобинцы и большевики // Новая Россия. – Ревель, 1919. – 31 окт. – С. 2.
- Ярон Г.М. О любимом жанре. – М.: Искусство, 1960. – 255 с.
- Ярославская трагедия // Правда. – М., 1918. – 27 июля. – С. 3.
- Ярославский Е. Восстание белой гвардии в Муроме // Правда. – М., 1918. – 18 июля. – С. 1.
- Ярославское восстание: Июль 1918. – М.: Посев, 1998. – 112 с.

* * *

- Assemblée Nationale Législative: Compte rendu des séances. – Paris, 1851. – Т. 1.
- Bail-Ch.-J. Histoire politique et morale des Révolutions de la France, 1787–1820. – Paris: Ezymerly, 1821. – Т. 1–2.

- Ballot C. Le coup d'état du 18 fructidor An V: rapports de police et et documents divers. – Paris: Au siege de la Societe, 1906. – 209 p.
- Beauchamp A. Histoire de la guerre de la Vendée et des Chouans. – Paris: Giguet et Michaud, 1820. – T. 1. – 446 p.
- Biétry P. Le socialisme et les Jaunes. – Paris: Librairie Plon, 1906. – 344 p.
- Biographie nouvelle des contemporains: ou Dictionnaire historique... – Paris: La Librairie historique, 1824. – T. 7. – 468 p.
- Blanc L. Histoire de dix ans, 1830–1840. – Paris, 1843. – T. 1–3.
- Boudet J. Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.
- Buchez P.-J.-B., Roux P.-C. Histoire parlementaire de la Révolution Française. – Paris: Paulin, 1833–1838. – T. 1–40.
- Buée A.-Q. Le Drapeau rouge de la mère Duchesne, contre tous les factieux et les intrigans (sic): Dialogué. Mars 1792. – Paris: Crapart, 1792. – 40 p.
- Carrion-Nisas A.-F. de. Les peuples et leurs armées en 1820. – Paris: Bataille et Bousquet, 1820. – 15 p.
- Chateaubriand F.-R. de. De la monarchie selon la Charte. – Paris: Le Normant, 1816. – 206 p.
- Chincholle C. Le general Boulanger. – Paris: A. Savine, 1889. – 442 p.
- Coppens B. Le Mystère de la Cocarde // Le Monde de la Révolution française. – Paris, 1989. – № 7. – Mode of access: http://www.1789-1815.com/mystere_cocarde.htm (© Bernard Coppens 2009) (Дата обращения: 1.12.2014.)
- Cousin J.-A.-J. Les Jacobins blancs et les Jacobins rouges. – Paris: Etoile du soir, 1797. – 8 p.
- Delmas G. Les Journaux Rouges: Histoires critiques de tous les journaux ultra-républicains publiés à Paris du 24 février au 1 septembre 1848. – Paris: Giraud et Cie, 1848. – 138 p.
- Delord T., Grandville J.J. Les fleurs animées. – Paris: Gabriel de Gonet, 1847. – T. 1–2.
- Delvau A. Histoire de la révolution de février. – Paris: Blosse: Garnier, 1850. – T. 1. – 481 p.
- Dommanget M. Histoire du drapeau rouge des origines à la guerre de 1939. – Paris: Librairie de l'Étoile, 1967. – 502 p.
- Foa E. Les Blancs et les Bleus. – Paris: Vimont, 1832. – 175 p.
- Fournier N. Histoire d'un espion politique sous la Révolution, le Consulat et l'Empire. – Paris: Bureau des Publications Historiques, 1846–1847. – T. 1–4.
- Gallois L. Histoire de la Révolution de 1848. – Paris, 1849. – T. 1–4.
- Garnier J.-P. Le Drapeau blanc. – Paris: Perrin, 1971. – 615 p.
- Garrigues J. Les images de la Révolution de 1830 à 1848 // Le XIXe siècle et la Révolution française. – Paris: Créaphis, 1992. – P. 91–104.
- Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein, 2001. – 650 S.
- Henne A., Wauters A. Histoire de la ville de Bruxelles. – Bruxelles, 1845. – T. 2. – 652 p.
- La Boutetière L.-P. Le chevalier de Sapinaud et les chefs vendéens du Centre: notes lettres et documents pour servir à l'histoire des cinq premiers mois de la guerre de la Vendée. – Paris: Académie des bibliophiles, 1869. – 138 p.

I. Rouge et blanc:

Symbolique politique du langage de la France et de la Russie

- Lacroix P. Vertu et tempérament, histoire du temps de la Restauration, 1818–1820–1832. – Paris: E. Renduel, 1832. – T. 1. – 402 p. – Подпись: P.L. Jacob.
- Lamartine A. de. Oeuvres complètes. – Paris, 1860–1863. – T. 1–40.
- L'Assemblée législative. Mouvement politique du mois // Le nouveau monde. – Paris, 1849. – № 1, 15 Juillet. – P. 39–43.
- Les causes et les effets des Révolution // Le Débat social: Organe de la Démocratie. – Paris, 1848. – 19 oct. – P. 259.
- Mounier J.-J. De l'influence attribuée aux philosophes, aux francs-maçons et aux illuminés sur la Révolution de France. – Paris: Ponthieu, 1822. – 234 p.
- Musset A. de. Oeuvres. – Paris: Charpentier, 1867. – 735; 55 p.
- Nouvelles de Nîmes // Louis Marie Prudhomme. Révolutions De Paris. – 1790. – № 50, juin 19–26. – P. 627.
- Pastoureau M. Dictionnaire des couleurs de notre temps. – Paris: Bonneton, 2007. – 232 p.
- Perreux G. Les origines du drapeau rouge en France // Révolution Française. – Paris, 1923. – T. 76. – P. 133–148.
- Prasa tajna z lat 1861–1864. – Wrocław [etc]: Ossolineum, 1966. – (Powstanie styczniowe: materiały i dokumenty; T. 2, cz. 1–3.)
- Regnault-Warin J.-J. Cinq mois de l'histoire de France: Ou fin de la vie politique de Napoleon. – Paris: Plancher (etc), 1815. – 450 p.
- Revue de la Semaine // La Mode. – Paris, 1831. – № 11. – P. 246–263.
- Romieu A. Le Spectre rouge de 1852. – Paris: Ledoyen, 1851. – 100 p.
- Table alphabétique des Décrets du 30 Juillet au 15 Août compris // Journal des Etats généraux. – Paris, 1791. – T. 31. – P. 1–10 [отдельная pag.].
- Texier E. Chose du jour // Revue nationale et étrangère politique, littéraire et scientifique. – Paris, 1867. – Sér. 2, t. 2. – P. 159–162.
- Touchard-Lafosse G. Histoire de Paris. – Paris: Krabbe, 1834. – T. 5. – 480 p.
- Tournier M. Couleurs, fleurs et drapeaux dans les débuts de la Troisième République // Les Mots: Les langages du politique. – 2006. – № 81. – P. 109–117.
- Tournier M. Les jaunes: un mot-fantôme à la fin du 19 e siècle // Les Mots: Les langages du politique. – Paris, 1984. – Vol. 8, № 1. – P. 125–146.

II. ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ЛИТЕРАТУРЕ

ДЕСПОТИЗМ, ОГРАНИЧЕННЫЙ ЦАРЕУБИЙСТВОМ

В посмертно опубликованной книге Жермены де Сталь «Десять лет в изгнании» (ч. 2, 1821) говорилось о «деспотических правительствах, единственным ограничением которых служит убийство деспота (dont le seule limite est l'assassinat du despote)». Эту мысль де Сталь высказала, стоя в Петропавловском соборе перед могилами Петра III и Павла, убитых заговорщиками [Вольперт, с. 125].

Высказанная здесь мысль восходит к Вольтеру и Мирабо.

В 93-й главе «Опыта о нравах и духе народов» (1756) Вольтер писал (курсив мой. – К. Д.): «Оттоманская империя не есть *монархическое правление, ограниченное мягкими нравами* (un gouvernement monarchique, tempéré par des mœurs douces), как в нынешней Франции. <...> Правитель, почитаемый за самого могущественного на земле, в то же время наименее прочно сидит на своем троне. Достаточно одного дня, чтобы он свалился с него в результате переворота. <...> Они [турки] могут свергнуть, могут зарезать султана... <...> Страх быть низвергнутыми гораздо более сильная *узда для турецких императоров*, чем все законы Корана» (курсив мой. – К. Д.) [Voltaire, т. 17, р. 451–453].

В 1782 г. в Гамбурге вышло сочинение Оноре Мирабо «О внесудебных арестах и государственных тюрьмах» (без подписи автора и с фиктивной датой «1778»). Здесь говорилось: «Китайские законы по-прежнему остаются простым деспотизмом, ограниченным местными условиями и в особенности страхом

(despotisme tempéré <...> par la crainte)» [Mirabeau, p. 163]. От формулы «деспотизм, ограниченный страхом», было уже недалеко и до формулы мадам де Сталь.

В России это высказывание известно в версии Пушкина: «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники Самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation» («Заметки по русской истории XVIII века», 1822; название дано публикаторами). В примечании Пушкин дает свой перевод с французского: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой» [Пушкин, т. 11, с. 17].

На высказывание де Сталь как источник пушкинского афоризма указала Лариса Вольперт [Вольперт, с. 125]. Юрий Лотман привел гораздо более отдаленный по смыслу, зато почти совпадающий по форме литературный источник – афоризм Никола Шамфора, назвавшего Старый режим во Франции «абсолютной монархией, ограниченной [сатирическими] песенками» (une monarchie absolue, tempéré par des chansons). Этот афоризм был опубликован в его посмертно вышедшем сборнике «Характеры и анекдоты» (1795) [Oster, p. 363; Лотман, с. 91].

Формулы, чуть ли не дословно совпадающие с пушкинской, в момент ее создания «носились в воздухе» и неоднократно встречаются у современных Пушкину французских авторов.

В 1821 г., т.е. за год до написания пушкинских «Заметок...», вышли в свет «Заметки о путешествии в Левант в 1816 и 1817» издателя, эллиниста и коллекционера произведений искусства Амбруаза Фирмен-Дидо (1790–1836). Здесь мы читаем: «...говорят, что турецкое правление есть не что иное, как абсолютный деспотизм, ограниченный цареубийством (un despotisme absolu, tempéré par le régicide)» [Firmin-Didot, p. 70].

Журналист и романист Антуан Рей-Дюссей (1798–1851) в своей «Краткой истории Египта» (1826) замечает: «Во многих популярных сочинениях говорится, что старая французская монархия была абсолютной монархией, ограниченной песенками; можно сказать, что магометанское правление есть деспотическое правление, ограниченное убийствами (un gouvernement despotique tempéré par des assassinats)» [Rey-Dussueil, p. 441].

Франц. *assassinat* (как и *англ.* *assassination*) – не просто убийство, но убийство по политическим или религиозным мотивам, и чаще всего – убийство представителя власти. В современных словарях одно из его значений: «террористический акт». В приведенной выше цитате *assassinat* равнозначно *цареубийству*.

В 1827 г. вышло «Путешествие в Грецию» французского дипломата, литератора и историка Франсуа Пуквиля (1770–1838). Автор писал: «Правление султанов есть тирания, ограниченная шнурком (*une tyrannie tempérée par le cordon*)» [Pouqueville, t. 6, p. 82]. Имелся в виду шелковый шнурок, использовавшийся для удушения, т.е. именно то, что Пушкин называет «удавкой»; таким образом, оборот Пуквиля («тирания, ограниченная шнурком») почти в точности совпадает с пушкинским.

Все три процитированные формулы относятся к Османской империи. Все они построены по модели «монархия, ограниченная [царе]убийством», где центральный член (*tempérée par*) неизменен, а два прочих варьируются. Во второй из этих цитат содержится отсылка к афоризму Шамфора как источнику формулы, что подтверждает справедливость наблюдения Лотмана.

О продуктивности формулы Шамфора свидетельствует, среди прочего, запись Александра Герцена в дневнике от 6 апреля 1842 г.: «Самодержавие, ограниченное взятками так, как во Франции была некогда монархия, *limitée par des chansons*» [Герцен, т. 2, с. 225]. Пушкинский афоризм в то время еще не был известен.

В высказывании, которое Пушкин приписал г-же де Сталь, речь шла об «удушении» (*la strangulation*) деспота; в авторском переводе появляется гораздо более выразительная «удавка». «Удавка» содержала в себе отсылку к нравам Османской империи; тем самым русское самовластие неявно уравнивалось с восточной деспотией. Не случайно в оде «Вольность» (1817) Пушкин называет гвардейцев-цареубийц янычарами («Как звери, вторглись янычары...») [Пушкин, т. 2, ч. 1, с. 47].

В русской литературе «удавка» уже встречалась в сходном контексте – как орудие удушения турецких султанов, причем в произведении, известном Пушкину с молодых ногтей и высоко им ценимом. В поэме И.Ф. Богдановича «Душенька» (1778), кн. III, читаем:

...И сами там султаны
За собственны свои или других обманы
Кончают свой живот в ошейных осилках.
Хотя ж в других местах
Не ставят в честь удавку
И смертью таковой казнят одних плутов...

[Богданович, с. 102].

«Душенька» была вольным переложением повести Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669), однако у Лафонтена ни султана, ни удавки нет и в помине.

Вероятно, отсюда и возникла «удавка» в пушкинском афоризме. В таком случае ее семантическое поле включает в себя также крайнюю унижительность способа царубийства. Кроме того, Пушкин обыгрывает два значения слова «ограниченный»: отвлеченное значение («поставленный в известные рамки») и предметное («ограниченный в пространстве» – пространстве, заданном шириной удавки).

В 1841 г. австрийский историк Йозеф Хормайр опубликовал «Жизнеописание из времен Освободительной войны» – биографию графа Эрнста Фридриха Мюнстера (1766–1839), государственного деятеля королевства Ганновер. Согласно Хормайру, после воцарения в 1801 г. Александра I Мюнстер был послан в Петербург для установления контактов с новым правительством. Он, разумеется, интересовался подробностями смерти Павла I. Некий русский вельможа будто бы сказал ему по-французски: «Но, боже мой, чего вы хотите, граф? Это наша Хартия вольностей – тирания, ограниченная убийством [тирана]! (...c'est notre magna charta: la tyrannie tempérée par l'assassinat!)» [Hormayr, S. 17].

Достоверность этого разговора представляется нам сомнительной, хотя нельзя совершенно исключить, что эта фраза могла быть сказана кем-то из тогдашних остроумцев. Так или иначе, но пушкинский оборот «основание нашей конституции», примененный к удавке, очень близок к обороту «наша Хартия вольностей», понимаемая как царубийство.

Среди позднейших высказываний в духе «славной шутки г-жи де Сталь» наиболее известна цитата из книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843): «Русское правительство – абсолютная

монархия, ограниченная цареубийством (une monarchie absolue tempérée par l'assassinat)» [Custine, t. 1, p. 289].

Две последние цитаты – из книг Хормайра и де Кюстина – хорошо известны на Западе и включаются в словари цитат. Они часто цитируются в рассуждениях о русской истории, а также в более широком контексте.

Сам по себе оборот «монархия, ограниченная тем-то и тем-то (tempérée par...)», существовал, как мы видели, уже у Вольтера и был широко распространен независимо от Шамфора. Знаменитый проповедник и богослов Жак Боссюэ (1627–1704) писал: «Церковная власть по божественному закону монархична, хотя и ограничена аристократией [т.е. епископатам]». Этот тезис Боссюэ приводил со ссылкой на сочинение теолога Сорбонны Франсуа Гийу, написанное в 1656 г. [Bossuet, p. 250].

В XVIII в. речь шла об ограничении власти монарха религией и обычаями (в духе Монтескье), затем – парламентом и основными законами (в духе конституционной монархии).

Накануне Великой французской революции провинциальный парламент в Нанси заявлял: «Сущность Монархии, осуществляющей власть в государстве, состоит в ее ограничении авторитетом Основных Законов» [Remontrances., p. 3].

В 1791 г. граф Йоахим Мюрат-Монферран писал: «Ришелье воспользовался случаем, чтобы подчинить себе древние формы монархии и заменить их деспотизмом, ограниченным мнением общества и надзором парламентов» [Murat-Montferrand, p. 40]. «Деспотизм, ограниченный мнением общества», весьма напоминает шамфоровскую «абсолютную монархию, ограниченную [сатирическими] песенками», ведь во времена Ришелье сатирические куплеты были едва ли не главным средством выражения общественного мнения.

Незадолго до провозглашения наполеоновской империи французский комментатор Геродота восхваляет «монархическое правление, ограниченное религией, мудрыми законами и нравами» [Larcher, p. 345].

Именно на этом фоне и воспринимались современниками формулы типа «деспотизм, ограниченный цареубийством».

С середины XIX в. высказывания, построенные по этому образцу, стали обычны и в англоязычной печати.

В 1846 г., после того как США объявили войну Мексике, Ральф Уолдо Эмерсон записывает в своем «Дневнике»: «Демократия становится правлением драчунов, сдерживаемых прессой» (a government of bullies tempered by editors) [Emerson, p. 93].

В том же году американский писатель и публицист Джордж Генри Колверт назвал французскую монархию Луи-Филиппа «правлением штыков, *ограниченным Прессой*» (a government of bayonets tempered by the Press) [Calvert, p. 27].

Уильям Гладстон, лидер британских либералов, говорил: «Либерализм есть доверие к народу, ограниченное благоразумием; консерватизм – недоверие к народу, ограниченное страхом (distrust of the people tempered by fear)» (речь в Пламстеде 30 нояб. 1878 г.) [Smith, p. 578].

Британский философ Джон Стюарт Маккензи (1860–1935) писал: «Тирания обычно ограничена убийством, а Демократия должна быть ограничена культурой, иначе она превращается в правление коллективного безумия» («Введение в социальную философию», 1890) [Mackenzie, p. 331].

Герой английской комической оперетты (1893) замечает: «...Как показывает пример Деспотизма, ограниченного Динамитом (a Despotism tempered by Dynamite), в общем-то самым подходящим правителем является самодержец, который не осмеливается злоупотреблять своим самовластием» («Утопия с ограниченной ответственностью, или Цветы Прогресса»; либретто А. Салливана, музыка У. Гибберта) [Sullivan, p. 5].

Возможно, отсюда в середине XX в. возникло высказывание, приписанное Вольтеру: «Лучшая форма правления – это благожелательная тирания, ограниченная случающимися время от времени тираноубийствами» (a benevolent tyranny tempered by an occasional assassination).

А в «Словаре Сатаны» (1911) Амброза Бирса читаем:

«ЧЕРНЬ. В республике это носители верховной власти, ограниченной жульническими выборами (tempered by fraudulent elections)» [Bierce, v. 7, p. 272].

В позднейшей англоязычной публицистике появились такие обороты, как «демократия, ограниченная олигархией», «демократия, ограниченная коррупцией» и т.д.

Список источников

- Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 256 с.
Вольперт Л.И. Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Временник пушкинской комиссии. 1973. – Л.: Наука, 1975. – С. 125–126.
Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Академия наук СССР, 1954–1966.
Лотман Ю.М. Три заметки к пушкинским текстам // Временник Пушкинской комиссии. 1974. – Л.: Наука, 1977. – С. 88–91.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

* * *

- Bierce A. The collected works. – New York; Washington: Neale Pub. Co., 1909–1912. – Vol. 1–12.
Bossuet J.-B. Défense de l'Église gallicane. – Paris: Perrodil, 1845. – 424 p.
[Calvert G.H.] Scenes and thoughts in Europe: By an American. – New York: Wiley and Putnam, 1846. – 160 p.
Custine A.-L. de. La Russie en 1839. – Paris: D'Amyot, 1843. – Т. 1–4.
Emerson R.W. Journals. – Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1913. – Vol. 7. – 565 p.
Firmin-Didot A. Notes d'un voyage fait dans le Levant en 1816 et 1817. – Paris: Typographie de Firmin Didot, 1821. – 403 p.
Hormayr J.F. von. Lebensbilder aus dem Befreiungskriege: Ernst Friedrich Herbert Graf von Münster. – Jena: F. Frommann, 1841. – 1. Abt. – 157 S.
Larcher P.-H. Histoire d'Hérodote. – Paris: C.rapelet, 1802. – Т. 3. – 589 p.
Mackenzie J.S. An Introduction to Social Philosophy. – Glasgow: J. Maclehose & sons, 1890. – 390 p.
Mirabeau H.-G. Des lettres de cachet et des prisons d'état. – Hambourg, [6/и], 1782. – Vol. 1. – 366 p.
Murat-Montferrand, conte. Qu'est-ce que l'Assemblée nationale? – [Б/М], 1791. – 294 p.
Oster P. Citations françaises. – Paris: Le Robert, 1993. – 934 p.
Pouqueville F. Voyage de la Grèce. – Paris: F. Didot, 1827. – Т. 6. – 481 p.
Remontrances du Parlement de Nancy, arrêtées le 12 janvier 1788. – [Нанси, 1788.] – 8 p.
Rey-Dussueil A. Résumé de l'histoire d'Égypte. – Paris: Lecoq et Durey, 1826. – 504 p.
Smith H.P. A Dictionary of Terms, Phrases, and Quotations. – New York: D. Appleton, 1895. – 724 p.
Sullivan A. Utopia limited: or, The flowers of progress. – London: Chappell, 1893. – 155 p.
Voltaire. Œuvres complètes. – Paris: La société littéraire-typographique, 1785. – Т. 17. – 569 p.

«ДА ВОЗВЕЛИЧИТСЯ РОССИЯ, ДА СГИНУТ НАШИ ИМЕНА!»

Это двестише на протяжении полутора веков служило девизом и политическим лозунгом. С 1990-х годов оно особенно популярно у патриотов-державников, хотя они редко могут назвать автора. Чаще всего возникает имя Тютчева, но нередко – и Пикуля.

Действительно, авторское послесловие к роману Пикуля «Пером и шпагой» (1972) заканчивается стихами:

Мы говорили в дни Батяя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!

[Пикуль, т. 8, с. 427].

Последние две строки приведены также в повести Пикуля «Мальчики с бантиками» (1974) и романе «Честь имею» (1986).

Тютчев этих стихов не писал, хотя их автора знал хорошо. Летом 1854 г. все сильнее разгоралась война, ныне известная под названием Крымской, и поэтесса Каролина Павлова откликнулась на это событие назидательно-патриотическим стихотворением «Разговор в Кремле». Впервые она прочла его на литературном вечере у великой княгини Елены Павловны. 17 июля Тютчев писал жене: «Несколько дней назад мы были у вел. кн. Елены – г-жа Павлова, о которой ты наверно слышала, читала свою поэму, написанную с большим талантом; я хотел бы, чтобы ты ее прочла» [Летопись..., с. 213].

Из довольно длинного «Разговора...» современникам запомнилось лишь четверостишие «Мы говорили в дни Батяя...». Пикуль (который, вероятно, и сам не знал автора) цитировал не вполне точно: у Павловой было: «И гибнут наши имена!» [Павлова, с. 164].

Читатели более трезвого склада ума отнеслись к «Разговору...» критически. 30 октября 1854 г. цензор Александр Никитенко записал в своем дневнике:

«Павлова, написавшая “Разговор в Кремле”, ужасно хвастает фразой: “Пусть гибнут наши имена – да возвеличится Россия”. Любовь к отечеству – чувство похвальное, что и говорить. Но <...> сказать “пусть гибнут наши имена, лишь бы возвеличилось отечество”, значит сказать великолепную нелепость. Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнут без смысла, без достоинства и самоуважения. <...> То, что говорит Павлова, – гипербола и фальшь» [Никитенко, т. 1, с. 389].

Но фраза, которой хвасталась Павлова, в сущности, принадлежала не ей. Ее истинным автором был генерал Павел Христофорович Граббе (1789–1875), один из героев Кавказской войны. В своем дневнике от 20 мая 1851 г. он писал по поводу войны на Кавказе:

«Мы соглашались оставлять в тайне самые трудные и необыкновенные подвиги. Мне случилось выразить этот дух наших действий пред покойным великим князем Михаилом Павловичем следующим девизом, давно принятым мною:

Да возвеличится Россия,
И сгинут наши имена!

С блестящими от благородных слез глазами он кинулся обвинять меня» [Граббе, с. 509].

Этот эпизод относится ко времени не позднее августа 1849 г., когда умер вел. кн. Михаил Павлович.

То же двустишие Граббе привел в письме к генералу Ермолову от 31 марта 1846 года, т.е. за восемь лет до «Разговора в Кремле»:

«Мой девиз был:
да возвеличится Россия
и сгинут наши имена.

Этот девиз остался и теперь моим и останется, если бы случилось еще быть допущенным к общественной деятельности» [Переписка А.П. Ермолова., с. 556].

А что же Павлова? Она, вероятно, вставила в «Разговор...» услышанный ею девиз.

Алла Марченко в своем биографическом романе о Лермонтове замечает: «Граф [Граббе] недаром избрал своим девизом строчку из стихов Н. Языкова: “Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена”» [Марченко, с. 292]. Языков, конечно, этого не писал, да и Граббе тоже; в таком виде двустигшие введено в обиход В. Пикулем.

Любопытно, что и Павлова (урожденная Яниш), и Граббе по происхождению были обрусевшие немцы. Однако для нас важнее другое: в молодости Граббе разделял взгляды декабристов. Он участвовал в «Союзе Спасения» и «Союзе Благоденствия» (до 1821 г.), а в декабре 1825 г. был арестован, впрочем, без последствий для будущей карьеры.

Уже поэтому он должен был знать знаменитую фразу Пьера Верньо, одного из вождей жирондистов: «Пусть погибнет память о нас, лишь бы Франция была свободна!» (речь в Конвенте 17 сентября 1792 г. по поводу «сентябрьских убийств» в Париже). То же самое говорил Дантон по случаю учреждения Революционного трибунала: «Пусть будет забыто мое имя, лишь бы Франция была свободна!» (речь в Конвенте 10 марта 1793 г.) [Душенко, 2011, с. 145–146].

В январе 1793 г. депутат Конвента Жан Батист Мийо проголосовал за казнь Людовика XVI, заявив: «Пусть погибнут наши имена, лишь бы Франция была свободной и отмщенной!» [Le Procès de Louis XVI., t. 1, p. 429].

17 июня 1793 г. якобинец Бертран Барер де Вьёзак, выступая в Конвенте от имени Комитета общественного спасения, говорил: «Скажем, как говорил Вильгельм Телль: *Да сгинут наши имена, была бы Франция свободной!*» (Que la France soit libre, et que nos noms périssent) [Varèze de Vieuzac, p. 3].

Барер видоизменил строку Антуана Мари Лемьера. В его трагедии «Вильгельм Телль» (1766) Телль восклицает:

Да сгинут наши имена, была б Швейцария свободной!
(Que la Suisse soit libre, et que nos noms périssent)

[Guerlac, p. 268].

Именно к этой строке восходят и остальные высказывания о «гибели имен» ради свободы отечества.

Пушкинское: «И на обломках самовластья / Напишут наши имена!» («К Чадаеву», 1818) – можно считать возражением Пьеру Верньо и его соратникам.

Напротив, уже в совершенно минорном ключе звучит эта мысль в юношеской поэме Лермонтова «Последний сын вольности» (1831):

Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенью, может быть

[Лермонтов, т. 1, с. 193].

Как видим, девиз Граббе восходит к девизу французских революционеров, только «свобода», неуместная в николаевскую эпоху, уступила место «величию».

Важно отметить, что Ж.Б. Мийо, голосуя за казнь короля, говорил не о забвении имен «цареубийц», но о гибели их репутации в потомстве (причем уверял, что на самом деле это им не грозит: потомство, напротив, прославит их имена). В сходном смысле следует понимать высказывания Верньо и Дантона, ведь Дантон был уверен, что его имя не только не погибнет, но будет жить в «Пантеоне истории».

В том же смысле использует «формулу Верньо» И.С. Тургенев: «...На мое имя легла тень. Я себя не обманываю; я знаю, эта тень с моего имени не сойдет. Но могли же другие люди – люди, перед которыми я слишком глубоко чувствую свою незначительность, могли же они промолвить великие слова: “Perissent nos noms, pourvu que la chose publique soit sauvée!” [То есть: пускай погибнут наши имена, лишь бы общее дело было спасено! – *Примеч. автора.*] В подражание им и я могу себя утешить мыслью о принесенной пользе» [Тургенев, с. 93].

Сходным образом понимается лозунг вождей Французской революции в «Эпиплоге» романа Достоевского «Братьях Карамазовы» (1880):

«– О, если б и я мог хоть когда-нибудь принести себя в жертву за правду, – с энтузиазмом проговорил Коля.

– Но не в таком же деле, не с таким же позором, не с таким же ужасом! – сказал Алеша.

– Конечно... я желал бы умереть за все человечество, а что до позора, то все равно: да погибнут наши имена» [Достоевский, т. 15, с. 190].

В послереволюционной эмиграции двестишестидесяти Габбе–Павловой считалось лозунгом НТС – Народно-трудового союза, созданного в 1936 г. на базе Национального союза русской молодежи. Тогда же студент Павел Зеленский написал песню «Молодежная» («В былом источник вдохновенья...»). Заканчивалась она словами:

А путь осветят нам святые
Извечной доблести слова:
«Да возвеличится Россия,
Да гибнут наши имена!»

«Молодежная» стала своего рода гимном НТС; мемуары Виктора Байдалакова, основателя НТС, были опубликованы в 2002 г. под заглавием «Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...»

Здесь мы имеем дело уже не с гордыми заявлениями вождей революции, а с апологией анонимного героизма. Такая апология, не характерная ни для XVIII, ни для XIX века, оказалась востребованной радикальными течениями XX века.

Павел Коган, центральная фигура предвоенного поколения советской революционно-романтической молодежи, писал:

И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы.
И уж не встать, и не попасть
в анналы,
И даже близким славы не сыскать.
(«Нам лечь, где лечь...», апрель 1941) [Коган, с. 141].

О лозунге НТС диссидент-либерал Андрей Амальрик отзывался почти так же, как цензор Никитенко – о двестишестидесяти Каролины Павловой:

«Естественно, что наибольшее влияние должна была на них оказать самая динамичная тогда идеология в Европе – на-

ционал-социализм, и сквозь благородный лозунг НТС “Пусть погибнут наши имена, но возвеличится Россия!” просвечивает “Ты – ничто, твой народ – все!”» («Записки диссидента», 1978) [Амальрик, с. 53].

Амальрик, можно сказать, предвосхитил лозунг национал-большевистской партии «Россия – все, остальное – ничто!», появившийся в статье Эдуарда Лимонова «Опричники национальной революции» (1995) [Душенко, 2005, с. 185].

Что же до патриотов-державников, то они взяли двустипшие о России, конечно, не из песни Зеленского, а из романа Пикуля. НТС (немалая часть которого в годы войны пыталась сотрудничать с немцами) для них скорее пугало, чем образец.

Но тождество лозунгов налицо.

Список источников

- Амальрик А. Записки диссидента. – М.: Слово, 1991. – 431 с.
- Граббе П.Х. Из дневника и записной книжки графа П.Х. Граббе // Русский архив. – М., 1889. – Т. 27, ч. 1. – С. 466–584.
- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
- Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. – М.: ЭКСМО, 2011. – 1216 с.
- Душенко К.В. Цитаты из русской истории: Справочник. – М.: ЭКСМО, 2005. – 623 с.
- Коган П.Д. Гроза: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1989. – 176 с.
- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Худож. лит. – 1964–1965.
- Летопись жизни и творчества Ф.И. Гютчева. – М.: Литограф: Музей-усадьба «Мураново», 2003. – Кн. 2. – 408 с.
- Марченко А.М. С подорожной по казенной надобности: Лермонтов: роман в документах и письмах. – М.: Книга, 1984. – 328 с.
- Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. – Л.: Гослитиздат, 1955–1956.
- Павлова К. Полное собрание стихотворений. – М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – 616 с.
- Переписка А.П. Ермолова с П.Х. Граббе // Михайлов О.Н. Генерал Ермолов: исторический роман. – М.: ИТРК, 2002. – С. 517–572. – Приложение.
- Пикуль В. Полное собрание сочинений: В 30 т. – М.: Воен. изд-во: МАПБМ, 1992–1998. – Т. 1–28.
- Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 10 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 11. – С. 86–97.

* * *

Barère de Vieuzac B. Rapport sur la convocation des assemblées primaires... – [Paris]: L'Imprimerie Nationale, 1793. – 10 p.

Guerlac O. Les citations françaises: Recueil de passages célèbres, phrases familières, mot's historiques. – Paris: Armand Colin, 1954. – 459 p.

Le Procès de Louis XVI, ou, Collection complete des opinions, discours et mémoires des membres de la Convention nationale, sur les crimes de Louis XVI. – Paris: Debarle, 1795. – T. 1. – 480 p.

«ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН» И ЛЕГЕНДА «БЕЛОЙ ГВАРДИИ»

Цикл стихотворений Цветаевой «Лебединый стан» (в дальнейшем: ЛС) – не только поэтическое, но и политическое высказывание. Поэтому оно должно рассматриваться не только в контексте поэтического мира Цветаевой и современных ей русских поэтов, но также в контексте политического языка эпохи – в частности, в контексте «цветовой системы» этого языка. Только так можно по-настоящему оценить оригинальность и даже парадоксальность созданного Цветаевой образа Белого движения. Между тем представления как историков, так и филологов о политическом языке эпохи Гражданской войны весьма расплывчаты, а нередко даже превратны. Это прежде всего относится к семантике «белого» и производных от него выражений.

Три цвета времени

В работах филологов о ЛС отмечается, что цветовая система цикла строится вокруг трех основных цветов: белого, черного и красного. При этом с белым связаны положительные коннотации, а черный и красный выступают как антонимы белого и в этом плане как бы уравниваются между собой [см., напр.: Клинг, с. 92; Спесивцева, с. 66].

Среди множества прямых заимствований из политического языка эпохи в ЛС отметим «красную тряпку»: «Коли красною тряпкой затмили – Лик» [Цветаева, 1994, т. 1, с. 396. Далее ЛС ци-

тируется (в скобках после цитаты) по тому же изданию: номер тома – римскими цифрами, номер страницы – арабскими]. Наименование красного флага «красной тряпкой» появилось в монархической печати еще в годы Первой русской революции; после Октябрьского переворота оно стало обычным как в устной речи противников большевиков, так и в антибольшевистской печати.

Семантика цвета в ЛС не совпадает с личным, индивидуальным восприятием цвета у автора цикла. «Черное, – пишет Л.В. Зубова, – связано у Цветаевой прежде всего с высоко ценимым ею понятием страсти, <...> а белое – с бесстрашием». «Черный цвет связан обычно с миром ее лирического субъекта, а белый – с чуждым ей миром» [Зубова, с. 117–118]. Летом 1919 г. Цветаева записывает в записной книжке: «Моя простонародная нелюбовь к белому цвету (и марко, и пусто!)» [Цветаева, 2000, т. 1, с. 243]. «Нетипичная» для Цветаевой семантика цвета в ЛС как раз и обусловлена спецификой ЛС как актуального политического высказывания.

Те же три цвета, что и в ЛС – красный, черный и белый, – со времени Первой русской революции лежали в основе цветовой системы русского политического языка, хотя их семантика и их относительная значимость менялись со временем. Подробнее об этом рассказано в статье «Красное и белое...», открывающей настоящую книгу.

Повторю некоторые тезисы этой статьи.

1. С Февраля 1917-го «черное» в публицистике *всех направлений* становится универсальным символом реакции, насилия и контрреволюции, под каким бы флагом она ни совершалась – пусть даже под красным.

2. На основных фронтах антибольшевистской борьбы понятие «белые» и производные от него *не использовались* в качестве самоназвания вплоть до конца Гражданской войны. И только на Северо-Западе весной 1919 г. в армейской печати и официальных документах появляются самоназвания со словом «белый».

3. Выражение «белая гвардия» появилось в конце 1905 г. как самоназвание боевых дружин Союза русского народа (т.е. черносотенцев) в Одессе. Почти одновременно появляются упоминания о финляндской «белой гвардии», которая состояла преимущественно из либеральной студенческой молодежи и противостояла местной «красной гвардии». Вторично «белой гвардией» назвали

себя отряды учащейся молодежи во время Октябрьских боев в Москве 1917 г. Московская «белая гвардия» была не только безусловно республиканской, но и достаточно левой по духу. (Одним из участников московских боев был прапорщик Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой. Позднее начало своего «добровольчества» он считал с 26 октября 1917 г., но в его мемуарных очерках 1920-х годов с подробным рассказом о московских событиях «белая гвардия» не упомянута ни одним словом.)

4. С февраля 1918 г., в связи с гражданской войной в Финляндии между «красной» (коммунистической) и «белой» (буржуазно-республиканской) гвардией, в советской печати оборот «белая гвардия» из эпизодического становится обычным. И лишь к концу лета 1918 г. двухцветное деление воюющих сторон – «белые» против «красных» – окончательно утверждается по отношению к самой России.

5. В антибольшевистской печати (даже на Северо-Западе) термины «белая гвардия» и «белогвардейцы» оставались табуированными по крайней мере до середины 1920-х годов. Выражений «белая гвардия» и «белогвардейцы» нет ни в книге Шульгина «1920 год», ни у его ближайших продолжателей, развивавших идею «Белого дела». То же относится к сторонникам «белых» в Советской России.

Вопрос о датировке текстов ЛС

Как было показано выше, в 1917–1919 гг. семантика «белого» и слов, производных от него, менялась достаточно заметно. Поэтому для рассмотрения ЛС на фоне языка эпохи крайне важен вопрос о датировке отдельных текстов ЛС.

Все стихотворения цикла датированы автором, чаще всего – с точностью до дня или нескольких дней. Независимых датировок большинства текстов ЛС, по-видимому, не существует, так что обычно принимаются датировки авторского рукописного сборника 1938 г. Между тем по крайней мере в некоторых случаях их достоверность оказывается под серьезным сомнением. Так, стихотворение «Дорожкой простонародною...» в первых публикациях (1921,

1923) датировалось «1 октября 1918 года»; однако в 30-е годы, при составлении книги ЛС, Цветаева сдвигает датировку сразу на год вперед: «осень 1919» [Кудрявцева, с. 342].

Стихотворение «Царь и Бог! Простите малым...» датируется: «Москва, 1-ая годовщина Октября», т.е. концом октября 1918 г. Стихи ЛС, как правило, представляют собой непосредственный отклик на актуальные события, однако содержание этого стихотворения – призыв к милосердию в случае вступления в Москву «Белого полка» – не вяжется с военно-историческими реалиями. Основные бои велись тогда на Урале и на Дону, и о вступлении «белых» в Москву речь не шла.

Между прочим, именно этим объясняется абберация восприятия Е.Л. Кудрявцевой, исследователя цикла ЛС: «...как помечает Цветаева, в “1-ю годовщину Октября. Дни, когда Мамонтов подходил к Москве...”» [Кудрявцева, с. 366]. Тут неоправданно сконтраминированы датировка стихотворения и начало примечания к нему в поздней авторской рукописи ЛС: «Дни, когда Мамонтов подходил к Москве – и вся буржуазия меняла керенские на царские – а я <...> знала, что не войдет в Столицу – Белый Полк!» [Цветаева, 1990, т. 1, с. 385].

Мамонтов «подходил к Москве» в сентябре 1919-го, и по своему содержанию «Царь и Бог! Простите малым...» действительно гораздо легче связать с этой датой, чем с октябрём 1918-го.

Парадоксы «Лебединого стана» как политического высказывания

До мая 1919-го дихотомия «красное – белое» существует только в советской печати, и «белое» здесь, разумеется, полюс зла. И *только* у Цветаевой мы находим ту же оппозицию с противоположными знаками.

Противопоставление «белые – красные» в ЛС (как позднее у В. Шульгина, создателя эмигрантской легенды Белого движения) – прежде всего нравственное. «Белое» в ЛС возникает еще до Октября 1917-го, как антитеза – пока еще не политическая, а только метафорическая, – красному и черному. Роль черного как одного

из антонимов белого, не менее важного, чем красное, вполне соответствовала символике цвета у антибольшевистских публицистов, которая, однако, начала складываться лишь со второй половины 1919 г. в «белой» печати Северо-Запада, а окончательно закрепилась у Шульгина.

Зато в *высшей степени* необычно то, что Цветаева – если принять авторские датировки триптиха «Дон», – уже с начала апреля 1918 г. по н. ст. последовательно пользуется терминами «Белая гвардия», «белогвардейцы» и «белогвардейский», заимствованными из советской печати и строго табуированными у т.н. «белых» вплоть до начала 20-х годов. Формула «белогвардейская рать святая» из триптиха «Дон» (I, 390) была, в сущности, оксюморонной, равно неприемлемой как для «красных», так и для их противников.

Вторым после Цветаевой автором, преодолевшим табу на использование выражения «Белая гвардия» в позитивном контексте, был М. Булгаков. Его роман под этим названием вышел в 1925 г., а упоминание о нем в печати появилось двумя годами ранее. Однако «Белая гвардия» у Булгакова остается метафорой, а не термином летописца Белого движения, на звание которого претендовала Цветаева («Белый поход, ты нашел своего летописца...») (I, 572). Герои булгаковского романа, в полном соответствии с исторической реальностью, ни разу не называют себя и своих единомышленников на Дону и Кубани «белыми» или, тем более, «Белой гвардией».

Наименования, предложенные советской пропагандой, имели для Цветаевой достоинство краткости, а также образности; они позволяли оперировать цветовой дихотомией по историческим образцам, из которых наиболее очевидным был «Девяносто третий год» Гюго, где «белые» – вандейские повстанцы-роялисты, а «синие» – солдаты-республиканцы. (Весной 1919 г. Цветаева записывает в дневнике: «Перечитываю сейчас “Quatre-vingt-treize” [“Девяносто третий год”, *франц.*] <...> Каждая строка – формула <...> Да. – Нет. – Черное. – Белое. – Добродетель. – Порок <...> Роялист. – Республиканец») [Цветаева, 2000, т. 1, с. 201].

В названии формирований, именовавших себя «белой» или «красной» гвардией в 1905 и 1917–1918 гг., слово «гвардия» (как и *франц. garde*) означало не «отборные части войск», а «стражу» для охраны общественного порядка. Однако Цветаева, предвосхищая

позднейшую легенду «Белой гвардии», использует слово «гвардия» именно в первом смысле.

В наиболее сжатом виде цветаевская легенда «Белой гвардии» выражена в заключительном двустишии первого стихотворения триптиха «Дон»:

Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон (I, 390).

Здесь «молодость» неожиданно становится защитницей «старого мира», а добровольческий «Дон» отождествляется с «Вандеей» – оплотом монархизма и истовой религиозной веры.

«Молодость» – постоянная характеристика «Белой гвардии» в ЛС: «Волны и молодость – вне закона!»; «Долг и Верность спустив с цепи, / Человек молодой – не спи!», и уже в 1921 г., в обращении к «белой» эмиграции:

С Новым Годом, молодая Русь,
За морем за синим! (I, 391, 407; II, 9).

Другая постоянная характеристика «Белой гвардии» – ее рыцарственность: «белы-рыцари» (I, 384), те же «долг и верность» как рыцарские черты. Рыцарственность понимается в ЛС не только метафорически, но и в социально-сословном смысле («долг дворянский», «Дворянин, дорогу – дровосеку!») (I, 426, 465). Эта последняя особенность опять-таки совершенно нехарактерна ни для идеологии «белых» в годы Гражданской войны, ни для шульгинской «белой идеи».

Мотив «молодой гвардии» и ее рыцарского служения не был чужд антибольшевистской публицистике (см. раздел «Зачатки легенды “белой гвардии”» в статье «Красное и белое...»).

Уподобление Дона Вандее было общим местом тогдашнего политического языка. Однако М. Шкапская делает существенную оговорку: «Дон, эта своеобразная русская Вандея – Вандея без роялистов и без роялизма» [Шкапская, 1917]. Цветаева уподобляет Дон Вандее без оговорок, хотя она не могла не знать, что добровольческое движение, тем более на его раннем этапе, не было монархическим.

Цветами Корниловского полка, прихода которого так ждала Цветаева, были черный и красный, и этими цветами корни-

ловцы были обязаны Февральской революции. В 1917 г. красная полоса на нарукавных повязках новых ударных частей толковалась как «символ борьбы за свободу», а черная – как символ «нежелания жить, если погибнет Россия» [Колоницкий, с. 162]. Отметим, что это один из многочисленных случаев, когда визуальная семантика цвета (в данном случае черного) не совпадает с его вербальной семантикой, о которой идет речь в данной статье.

В начале 1918 г. был написан «Марш корниловцев» («Пусть вокруг одно глумление...»). Его главный лозунг выражен в первой строке последнего куплета: «За Россию и Свободу». А в первоначальном варианте второго куплета имелись строки: «Мы былого не жалеем, / Царь нам не кумир» [Полторацкий, 1991, с. 302].

Дон и Кубань первых месяцев 1918-го скорее можно было уподобить Жиронде, чем Вандее. В первые годы эмиграции это наименование неоднократно применялось и к Белому движению в целом. Стихотворный фельетон Дон-Аминадо о «белой» эмиграции (1920) назывался «Жиронда». Б.А. Энгельгардт, октябрист – т.е., по тогдашней мерке, консерватор, – беседуя с Керенским сразу после Февраля, говорил: «Победу-то я вижу, но невольно с грустью вспоминаю об участии жирондистов...» Встретившись с Керенским уже в эмиграции, Энгельгардт замечает: «...Теперь, в Париже, мы встретились оба в одинаковой роли жирондистов, благополучно ускользнувших от якобинцев...» [Поликарпов, с. 201]. В 1921 г. правомонархический (т.е. черносотенный) публицист именуется вождем Добровольческой армии «плеядой революционных генералов», предавших дело монархии [Передовая статья, 1921].

Стоит еще отметить, что «Белый поход» в ЛС – это поход Добровольческой армии, с которой и отождествляется Белое движение в целом. Тут Цветаева была не одинока: то же мы видим в 1921 г. у Шульгина. Добровольческое движение появилось раньше всего (если начинать отсчет с Корниловского выступления) и последним сошло со сцены. Только оно и в эмиграции сохраняло нить идейной, кадровой и организационной преемственности.

Нередко указывается, что в одном из заключительных стихотворений ЛС «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!...» «белое» и «красное» как бы уравниваются:

Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила (I, 576).

Близкую параллель можно найти в «Девяносто третьем годе» Гюго. Здесь маркитантка, которая поит всех раненых – «и синих и белых», объясняет: «Умирают все, без различия убеждений. Умирающим надо бы помириться» [Hugo, t. 1, p. 22].

Однако – и это принципиально важно – Гюго признает часть правоты за обеими сторонами и видит своих «рыцарей» как у близких ему «синих», так и у «белых». Цветаева в ЛС никакой правоты, а тем более рыцарства за «красными» не признает. «Красное» и «белое» уравниваются только в могиле.

Монархизм и «аристократизм» ЛС

Начиная с первых стихотворений цикла, написанных вскоре после крушения монархии, для ЛС характерен последовательный, едва ли не эпатажный монархизм. Белое движение понимается как реставраторское, как восстановление исторической, царской России. При этом монархические образы и символы черпаются одновременно из русской и французской истории, например: «Бледный праведник грозит войной Содому / Не мечом – а лилией в щите!» (I, 410). В контексте ЛС с его постоянным обращением к сюжетам Французской революции лилия воспринимается не просто как символ чистоты и непорочности, но также как символ традиционной французской монархии.

Религиозная линия, одна из центральных в ЛС, была заметна в идеологии «белого» движения, но последовательный, жертвенный монархизм в духе французских роялистов – не более чем «авторская» легенда Цветаевой. Борясь с восприятием триколора как «царского флага», т.н. «белые» даже ссылались на западные республиканские образцы, включая наследие Великой французской революции. Три цвета русского знамени, писала «колчаковская» газета, «взяты Петром у голландской республики. <...> У наших

верных друзей-французов на знаменах те же цвета, только в другом порядке, и <...> означают они у них: “Свобода, равенство, братство”» [Знамя, 1919].

Даже в конце 20-х годов Цветаева в поэме «Перекоп» приписывает врангелевским войскам лозунг «За Царя и Русь!» Под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество» выступала в июле 1918 г. правомонархическая и прогерманская Астраханская армия (существовавшая очень недолго), но для Добровольческой, а затем врангелевской армии этот лозунг был совершенно неприемлем, независимо от монархических симпатий части офицерства.

Д. Фельдман объясняет монархизм ЛС тем, что советским идеологам удалось навязать общественности – и Цветаевой в том числе – пропагандистскую схему: «Если “белый”, значит, монархист» [Фельдман, с. 11]. Но это объяснение не согласуется с семантикой «белого» в советской печати периода создания ЛС. Понятия «белогвардейцы», «белые», «белый террор» ассоциируются здесь с буржуазной контрреволюцией, а не с монархизмом. Постоянный эпитет «белой гвардии» – «буржуазная». Основное противопоставление шло не по линии «республика – монархия», а по линии «буржуазно-помещичья» – «рабочекрестьянская власть».

Обвинения противника в монархических замыслах обычно не связывались с французской символикой «белого» как монархического (см. раздел «Отторжение белого “белыми”» статьи «Красное и белое...»).

Разумеется, монархизм ЛС, так же как демонстративный аристократизм этого цикла, вплоть до восхваления понятий «раса» (в смысле «порода») и «белая кость», были насквозь романтическими, умозрительными, можно даже сказать – книжными. В статье «Бальмонт» (май 1920 г.) Цветаева «яростно рукоплещет» Сологубу, сказавшему на чествовании Бальмонта: «Демократические идеи для поэта – игра, как монархические идеи, поэт играет всем. Единственное, чем он не играет – слово» [Цветаева, 1994, т. 4, кн. 1, с. 9].

За видимой оппозицией «чернь – белая кость» скрывается гораздо более важная для Цветаевой оппозиция «культура – варварство». То же можно сказать о творчестве позднего Блока, но Блок делает выбор в пользу «нового варварства» против «старой

культуры», Цветаева же выбирает культуру и рыцарский этос. А рыцарский этос требует опоры в высших традиционных ценностях: Бог, Монарх, Честь – как личная, так и честь рода. (Тут Цветаева, как неоднократно было замечено, сближается с Гумилевым.) «Честь рода» в ЛС трансформируется в причастность к отечественной истории, начиная с «белого дела» князя Игоря Святославича (II, 7).

О французском девизе в ЛС

Частое в ЛС обращение к французским историческим образцам в немалой степени обусловлено тем, что традиция рыцарства, столь важная для цветаевского образа «Белой гвардии», была по преимуществу традицией западной. Одним из таких образцов был монархически-рыцарский эпитаф к включенному в ЛС минициклу «Памяти А. А. Стаховича» (весна 1919 г.).

Эпитаф представляет собой краткое четверостишие:

A Dieu – mon ame,
Mon corps – au Roy,
Mon coeur – aux Dames,
L'honneur – pour moi.
(Господу – мою душу,
Тело мое – королю,
Сердце мое – дамам,
Честь – себе самому)

(I, 464; авторский перевод).

Таким, или почти таким, мог бы быть девиз рыцарей «Белой гвардии», образ которой создан в ЛС.

Это четверостишие, по-видимому, возникло в среде монархической эмиграции на рубеже XVIII–XIX вв., после крушения «легитимной» монархии Бурбонов. На протяжении XIX в. оно цитировалось во французской печати в различных вариантах. Заметим, что вариант с «телом» (*mon corps*) вместо «жизни» (*ma vie*) крайне редок, а оригинальную пунктуацию Цветаева заменила своей собственной, используя четыре тире в четырех кратких строках.

Самое раннее из известных нам упоминаний этого девиза появилось в книге поэта и драматурга Огюста Крезе де Лессера «Путешествие в Италию и Сицилию в 1801 и 1802», опубликованной в 1806 г.: «На стенах гостиницы в Турине я нашел это четверостишие, не вполне правильное, но благородное по своему чувству и удивительно верное:

A Dieu mon ame,
Mon cœur aux dames,
Ma vie au roi,
L'honneur à moi.
(Богу – моя душа,
Сердце мое – дамам,
Жизнь моя – королю,
Честь – мне самому»)

[Creuzé de Lesser, p. 21].

То же четверостишие (с перестановкой строк) выбрал своим гербовым девизом немецкий поэт-романтик Фридрих де Ламот-Фуке (1777–1843) [Zoozman, S. 115]. Его стихотворную повесть «Ундина» Цветаева знала с детства в переводе Жуковского, а в дневнике Цветаевой Ламот-Фуке упоминается почти рядом с четверостишием «A Dieu – mon ame...»

К тому же девизу восходит девиз герба князей Васильчиковых, утвержденный в 1840 г.: «Жизнь – царю, честь – никому» [Корф, с. 109]. В «исправленном» виде девиз Васильчиковых был использован Добровольческой армией. В 1919 г. на Юге России был снят агитационный антибольшевистский фильм «Жизнь – родине, честь – никому». Как видим, место «царя» здесь заняла «родина», в полном согласии с официальной идеологией Белого движения.

Чуть раньше, чем в стихах памяти Стаховича, тот же эпитафия появился у Цветаевой в стихотворной пьесе «Фортуна» – на русском языке и с подписью: «Старинный девиз». Это лишнее свидетельство того, сколь важен он был для автора, притом что его отнесение к герою пьесы, герцогу Бирон-Гонто, выглядит парадоксом. Сразу после начала Французской революции Бирон-Гонто перешел на ее сторону, успешно сражался против роялистов в Вандее и был казнен якобинцами по ложному обвинению. Строка девиза «Тело мое – королю» никак не могла к нему относиться. В сущности, то же касается и

строки «Господу – мою душу»: аристократ, перешедший в стан революции, едва ли отличался глубокой религиозностью. Наконец, своей сословной честью герцог легко пожертвовал, соглашаясь служить под начальством цареубийц. Безусловно верно лишь то, что в сердце герцога нашлось место для множества «прекрасных дам».

* * *

При жизни Цветаевой лишь отдельные стихотворения из ЛС печатались в эмигрантской периодике. Отдельным изданием цикл был опубликован только в 1957 г., а в СССР – в 1990-м. В 1920–1930-е годы он не оказал сколько-нибудь заметного влияния на апологетов Белого движения, но в 1956 г. Глеб Струве уже называет его «поэтическим памятником добровольческому рыцарству», подобного которому «никто из самих участников Движения не создал» [Струве, с. 113].

Гораздо сильнее, чем на эмигрантов первой волны, знакомых с Белым движением не понаслышке, ЛС повлиял на позднесоветского читателя (задолго до 1990 г. цикл широко ходил в Самиздате), но особенно – на читателя постсоветского. В современной русской культуре, а пожалуй, и в массовом историческом сознании образ Белого движения сформирован в немалой степени именно «Лебединым станом».

Список источников

- Знамя // Отечество. – Пермь, 1919. – 30 июня. – С. 1.
Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
Клинг О. Поэтический мир Марины Цветаевой. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Самара: Учеб. лит., 2004. – 112 с.
Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. – 350 с.
Корф М.А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – 720 с.
Кудрявцева Е.Л. «Белая гвардия, белый сон...»: Архивные материалы как основа работы с поэтическим текстом // «Мой знак пред жизнью – вереск гор...»: Рус-

- ская эмиграция в архивах Швейцарии / Сост. Е.Л. Кудрявцева, Г. Риггенбах. – М.: Элит-Клуб, 2003. – С. 332–383.
- Передовая статья // Двуглавый орел: Орган монархической мысли. – Берлин, 1921. – № 3, 1/14 марта. – С. 2–3. – Автор, вероятно, Н. Е. Марков 2-й.
- Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России: 1905–1917. – М.: Наука, 1990. – 389 с.
- Полторацкий П.Н. «За Россию и Свободу...»: Идеино-политическая платформа Белого движения // Русское прошлое: историко-документальный альманах. – Л., 1991. – Кн. 1: Свелен. – С. 280–308.
- Спесивцева Л.В. Творчество М.И. Цветаевой 1910–1920-х годов: Традиции символизма и авангардизма. – Астрахань: Астраханск. ун-т, 2008. – 231 с.
- Струве Г. Русская литература в изгнании. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 1996. – 448 с. – 1-е изд.: Нью-Йорк, 1956.
- Фельдман Д. Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы. – М., 2006. – № 4. – С. 5–25.
- Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.
- Цветаева М.И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. – М.: Эллис Лак, 2000.
- Цветаева М.И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 т. – М.: Прометей, 1990.
- Шкапская М. На Дону // День. – М., 1917. – 8 дек. – С. 2.
- Эфрон С. Записки добровольца. – М.: Возвращение, 1998. – 239 с.
- * * *
- Creuzé de Lesser A. Voyage en Italie et en Sicile, fait en 1801 et 1802. – Paris: P. Didot, 1806. – 372 p.
- Hugo V. Quatrevingt-treize. – Paris: Michel Lévy frères, 1874. – Т. 1–3.
- Zoozman R. Zitatenschatz der Weltliteratur. – Berlin: Verlag praktisches Wissen, 1961. – 548 S.

«ОТТЕПЕЛЬ»: ПОВЕСТЬ-СИГНАЛ

В качестве слова-символа «оттепель» впервые появилась в 1855 г. 10 апреля, через полтора месяца после смерти Николая I, Вера Сергеевна Аксакова записала в своем дневнике: «Тютчев Ф. И. прекрасно назвал настоящее время *оттепелью*. Именно так. Но что последует за оттепелью?» [Тютчев, с. 358].

Год спустя тютчевскую метафору развернул Салтыков-Щедрин:

«Что такое оттепель? <...>

Оттепель – <...> возрождение природы; оттепель же – обнажение всех навозных куч.

Оттепель – с гор ручьи бегут; <...> оттепель же – стекаются с задних дворов все нечистоты, все гнусности, которые скрывала зима <...>, все миазмы, все гнилые испарения.

<...> Оттепель – полное томительной неги пение соловья <...>; оттепель же – карканье вороны, наравне с соловьем радующейся теплу.

Оттепель – пробуждение в самом человеке всех сладких тревог его сердца, всех лучших его побуждений; оттепель же – возбуждение всех животных его инстинктов».

(«Владимир Константинович Буеракин» из цикла «Губернские очерки», 1856) [Салтыков-Щедрин, т. 2, с. 306].

Почти в тех выражениях вспоминал о том времени историк Сергей Михайлович Соловьев:

«Но вот с 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свежий воздух производил головокружение у людей, к нему непривыкших, и в то же время замерзшие нечисто-

ты начали оттаивать, и понеслись миазмы» («Мои записки...», XXIII; опубл. в 1896 г.) [Соловьев, т. 1, с. 348].

В 1894 г. либеральный публицист Григорий Джаншиев ностальгически восклицал:

«Пусть в эту оттепель весеннего русского возрождения рядом с хорошими инстинктами выступили, как и вообще бывает в оттепель весной, и затаенные алчные вожеления, рядом с искренним порывом к свободе, равенству и братству, и окрашенное в модный либеральный цвет юркое, напускное и либеральное недомыслие, все-таки да будет благословенно это светлое время пробуждения!» [Джаншиев, с. 48].

Почти ровно век спустя началась «хрущевская оттепель» – эпоха послесталинской либерализации советского режима. Своё название она получила от заглавия повести Ильи Эренбурга.

«Тот апрель [1953 года] <...> был особенным, – вспоминал Эренбург. – <...> Вероятно, я думал об этом апреле, когда осенью решил написать маленькую повесть и на листе бумаги сразу же поставил заглавие “Оттепель”» («Люди, годы, жизнь», кн. 6) [Эренбург, 1965, т. 9, с. 751].

1-я часть повести была опубликована в майском номере журнала «Знамя» за 1954 г. и в том же году вышла книжным изданием. 2-я часть вышла в свет два года спустя, когда слово «оттепель» уже стало символом. Эту часть автор позднее признал «художественно ненужной» [Эренбург, 2005, т. 3, с. 248].

Действие начинается в последние месяцы жизни Сталина. По жанру это обычная, к тому же весьма небрежно написанная производственная повесть с дежурной любовной темой. Однако по всему тексту разбросаны сигналы, которые мгновенно улавливались тогдашним читателем (цитирую 1-ю часть повести):

«...Сърые, темные домишки, где ютились рабочие <...>. Обидно, что люди плохо живут» (ч. I, гл. 1) [Эренбург, 1965, т. 6, с. 21; далее повесть цитируется по тому же изданию с указанием цитируемой главы].

«Осенью 1936 года его отчима арестовали. Утром он встретил возле дома своего лучшего друга Мишу Грибова. Коротеев его окликнул – хотел поделиться горем, спросить, как ему быть. Но Миша насупился и, ничего не сказав, перешел на другую сторону улицы» (I, 1) [С. 10].

«...В газетах появилось сообщение о реабилитации группы врачей» (I, 2) [С. 22].

«Савченко куда цельнее, он не пережил ни тридцатых годов, ни войны, он большего требует, и он прав...» (I, 11) [С. 89]. Помещение «тридцатых годов» в одном ряду с войной было чем-то неслыханным для тогдашней (да, собственно говоря, и позднейшей) советской печати.

«Помню, подростком я читал статью Горького, он писал, что нам нужен наш, советский гуманизм. Слово как-то исчезло, а задача осталась. Пора за это взяться...» (I, 11) [С. 89].

Вкладывая эти слова в уста своего героя, Эренбург, конечно, лукавил. Понятие «советский гуманизм» появилось в 30-е годы как синоним понятия «пролетарский гуманизм». Оно служило антонимом «буржуазного» или «абстрактного гуманизма», т.е. внеклассового гуманизма. И оно никуда не исчезло в позднесталинскую эпоху. За три года до публикации «Оттепели» литературный обозреватель «Нового мира» указывал: «Советский гуманизм включает в себя любовь к трудящемуся человеку *и ненависть к тем, кто хочет его поработить или уничтожить*» (курсив мой. — К. Д.) [Козьмин, с. 261].

Между тем в повести говорится о гуманизме как о нерешенной задаче, стало быть, имелось в виду вовсе не то, о чем писал Горький и позднейшие идеологи сталинской эпохи.

В областном театре ставят «Гамлета», и одна из героинь повести, актриса, замечает: «...Изумрудов играет невростеника, Гамлет, по-моему, сильная натура» (I, 10) [С. 81].

Между тем во время написания повести «Гамлет» практически не ставился на советской сцене, а «гамлетизм» был ругательным словом. После войны трагедия о принце Датском была поставлена лишь трижды, в 1945–1949 гг., да и то «на окраинах империи» (Таллин, Витебск, Ташкент). Первая постановка «Гамлета» после смерти Сталина состоялась в ленинградском Театре им. Пушкина 20 апреля 1954 г., т.е. практически одновременно с публикацией «Оттепели», и стала общественным событием. Еще более заметным событием стала московская премьера «Гамлета», состоявшаяся в декабре того же года в театре им. Маяковского. До этого «Гамлет» в Москве не ставился 22 года.

На этом фоне совершенно невинные, казалось бы, пейзажные зарисовки воспринимались как символ. Оттепельные метафоры проходят через всю книгу:

«На одной стороне улицы еще мороз (сегодня минус двенадцать), а на другой с сосулек падают громкие капли. Соколовский в первый раз встал с кровати, дошел до мутного, неумытого окна, поглядел на серый, рыхлый снег и подумал: а до весны уж рукой подать...» (I, 14) [С. 109].

«Зима наконец-то дрогнула. На мостовой снег растаял, все течет. Только вон там, в палисаднике, еще немного снега. <...>

Все сразу стало живым и громким.

Смешно! Сейчас Вера придет, а я даже не думаю, что я ей скажу. Ничего не скажу. Или скажу: “Вера, вот и оттепель”...» (I, 16) [С. 121].

Сам Эренбург вспоминал: «Хотя я и написал “Оттепель”, я сам еще не успел по-настоящему оттаять» [Эренбург, 2005, т. 3, с. 267].

Повесть фиксировала начало перемен, отчасти опережала их и помогала обществу осознать, что старая эпоха кончается и наступает новая. Ее название очень скоро обрело переносный смысл. Вера Панова, поздравляя в письме Эренбурга с новым 1955 годом, добавила: «...для всех нас желаю, чтобы и у нас, в нашем ремесле, наконец, наступила оттепель» [Эренбург, 2005, т. 3, с. 270].

Почти тогда же это выражение стало известно на Западе. В 1956 г. в США вышла книга американского журналиста Сайруса Лео Сульцбергера «Большая оттепель: Личные впечатления о новой России и ее сателлитах» («The Big Thaw»).

В печати и на писательских собраниях повесть Эренбурга критиковали, иногда – очень резко. Но ее читательский успех был огромным. Писатель «получил тысячи писем в защиту “Оттепели”» [Эренбург, 2005, т. 3, с. 248].

В начале лета 1955 г. Эренбург участвовал в читательской конференции по «Оттепели» в одной из московских районных библиотек. «Люди, не попавшие в зал, толпились на улице возле раскрытых окон. Выступавшие рассказывали о том, что пережили, говорили о больших переменах и об еще больших надеждах» [Эренбург, 2005, т. 3, с. 270].

В октябре 1955 г. Эренбург побывал в Будапеште. «...Один из венгерских писателей спросил меня, можно ли купить в Москве

мою “Оттепель”. Я ответил, что повесть была напечатана в журнале “Знамя”, а потом вышла отдельным изданием; тираж был небольшой – сорок пять тысяч, книгу быстро распродали, и теперь ее можно найти только в букинистических магазинах. Тогда другой писатель спросил меня: “А почему в Венгрии ваша “Оттепель” издана в количестве ста экземпляров для партийного руководства?”» [Эренбург, 2005, т. 3, с. 285].

За полгода до этого, в мае 55-го, Хрущев впервые беседовал с Эренбургом в качестве главы партии. «Он, – вспоминает Эренбург, – сказал, что случайно прочитал мою повесть, не со всем со мной согласен, а потом добавил: “Не знаю, почему они на вас накинлись?.. Вероятно, из-за заглавия. А заглавие хорошее...”» [Эренбург, 2005, т. 1, с. 302].

Неизвестно, знал ли Эренбург об «оттепели» 1855 года; во всяком случае, свидетельств об этом он не оставил. А вскоре и само понятие «оттепель» оказалось под подозрением. На заседании Президиума ЦК 25 апреля 1963 г. Хрущев заявил: «Сложилось и такое понятие о какой-то “оттепели” – это ловко этот жулик подбросил, Эренбург» [Президиум ЦК КПСС, с. 724].

Уже на пенсии Хрущев пересмотрел эту оценку. В своих записанных на магнитофон мемуарах он говорил:

«Среди нас имелись лица, которые вовсе не хотели оттепели и упрекали: если бы Сталин был жив, он бы ничего такого не позволил. <...> А Эренбург в своих произведениях очень метко умел подмечать тенденции дня, давать характеристику бегущего времени. Считаю, что пущенное им слово отражало действительность <...>. Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться <...>» [Хрущев, т. 4, с. 283].

В 1970 г., когда хрущевская «оттепель» была уже позади, в закордонном журнале появилось эссе «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура», подписанное: «О. Алтаев». Псевдоним принадлежал философу и писателю Владимиру Кормеру (1939–1986).

Кормер говорил о шести соблазнах российской интеллигенции. Нас интересует пункт пятый:

«Соблазн оттепельный. Как и революционный соблазн, он живет в тайниках интеллигентского сознания всегда, в виде на-

дежд на перемены. По сравнению с революционным соблазном, он боязливее. Сентиментальнее. Крушение все же пугает теперешнего интеллигента, но перемен он ждет с нетерпением, и, затаив дыхание, ревностно высматривает все, что будто бы предвещает эти долгожданные перемены» [Кормер, 1970, с. 31].

В 1986 г. стали заметны первые веяния горбачевской либерализации. Главный вопрос, волновавший общественность, можно выразить так: это оттепель или уже весна? (Хотя не всегда это именно так формулировалось.) Но после 1987 г. «процесс пошел» так стремительно, что об оттепели говорить уже не приходилось.

Тогда едва ли кто думал, что четверть века спустя слова об «оттепельном соблазне» будут актуальны не менее, чем в 1970 г.

Список источников

- Джаншиев Г.А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. – М.: Тов. типографии А.И. Мамонтова, 1894. – 243 с.
- Козьмин Н. Поэты мира в брьобе за мир // Новый мир. – М., 1951. – № 10. – С. 260–264.
- Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж; Нью-Йорк, 1970. – № 3 (97). – С. 8–31. – Подпись: О. Алтаев.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. – 3-е изд. – М.: РОССПЭН, 2015. – Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – 1376 с.
- Соловьев С.М. Сочинения: В 3 т. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
- Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М.: Правда, 1988. – 481 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1965–1977.
- Хрущев Н.С. Время, люди, власть. – М., 1999. – Т. 1–4.
- Эренбург И. Люди, годы, жизнь: В 3 т. – М.: Текст, 2005. – Т. 3, кн. 6–7. – 624 с.
- Эренбург И. Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. 6. – 688 с.

«СКАЗКА О ТРОЙКЕ» КАК ЗЕРКАЛО ПАРТИЙНОГО ЯЗЫКА¹

«Сказка о Тройке» была написана Аркадием и Борисом Стругацкими в 1967 г. Она задумывалась как продолжение книги «Понедельник начинается в субботу», опубликованной в 1965 г. с подзаголовком: «Повесть-сказка для научных работников младшего возраста».

Новая повесть писалась для «Детгиза», но, как замечает Борис Стругацкий, «то, что у нас получилось, “Детгиз” вряд ли рискнул бы напечатать даже и в лучшие времена, а уж теперь о публикации и речи быть не могло» [Стругацкий, 2003, с. 169].

Издательство «Молодая гвардия» также отвергло повесть: «Не те времена, ребята, не те времена!» (запись в рабочем дневнике братьев Стругацких от 12 июня 1967 г.) [там же, с. 177]. Далее последовал отказ из журнала «Смена».

В октябре 1967 г. авторы написали новый вариант повести для «Альманаха научной фантастики» издательства «Знание» – более короткий и более приемлемый с точки зрения цензурных требований. Его-то и удалось напечатать, однако не в «Альманахе НФ», а в иркутском двухмесячнике «Ангара» за 1968 г. К редактору «Ангара» повесть попала по рекомендации Ариадны Громовой,

¹ Некоторые из наблюдений, содержащихся в данной статье, были ранее изложены автором в письмах к Виктору Курильскому, одному из составителей комментария к произведениям братьев Стругацких, и частично использованы им в комментарии. В свою очередь, я воспользовался его замечаниями при написании этой статьи.

возглавлявшей секцию научной фантастики при Московском отделении Союза писателей. Этот вариант «Сказки о Тройке» принято называть «ангарским», или «Сказкой о Тройке-2».

Тираж тогдашней «Ангары» составлял жалкие по советским меркам 3 тыс. экз., к тому же журнал (формально именовавшийся альманахом) не был включен во всесоюзный каталог подписки.

Через полгода после публикации, в феврале 1969 г., Иркутский обком КПСС принял постановление, в котором «Сказка о Тройке» была названа «идейно порочной, аполитичной повестью». Здесь любопытно использование слова «аполитичный» не в его словарном значении («безразличный к вопросам политики»), а в значении «политически ошибочный», как следует из дальнейшего текста постановления:

«Под предлогом фантастического сюжета, широко используя средства иносказания (аллегии), авторы повести в нарочито искаженном виде, субъективно и тенденциозно представляют советское общество, охаивают историю развития Советского государства, деятельность его учреждений, жизнь советских людей, строящих коммунизм. <...> Костяк сюжета повести, ее художественный строй, *особенно язык и стиль* направлены на охаивание научно обоснованных методов руководства в нашем государстве...» (курсив мой. – К. Д.) [Самсонов, 1990].

Именно таким языком изъясняются члены Тройки в самой повести.

В результате главный редактор «Ангары» Юрий Самсонов был уволен, а номера журнала с повестью Стругацких изъяты из публичных библиотек.

В 1970 г. «ангарский» вариант «Сказки о Тройке» был перепечатан в закордонном журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне, № 78), а в 1972 г. вышел книжным изданием в эмигрантском издательстве «Посев» вместе с повестью «Улитка на склоне».

В СССР Тамиздат был мало кому доступен, зато повесть широко распространялась в светокопиях с журнального текста. Позднее в еще большем количестве изготавливались машинные распечатки повести на ЭВМ – на больших листах с перфорацией. Занимались этим прежде всего участники Клубов любителей фантастики, которые к началу 80-х стали, вероятно, вторым по значимости самодеятельным движением в стране после Клубов

любителей авторской песни. Именно в таком виде прочел «Сказку о Тройке» автор этой книги.

По сообщению Виктора Курильского, в Самиздате ходила и машинопись одной из редакций первого, более пространного варианта (условно именуемого «Сказка о Тройке-1»). Это т.н. «лемхинский» вариант, по имени Михаила Лемхина, знакомого Бориса Стругацкого. Лемхин имел экземпляр повести и в ноябре 67-го пустил его в Самиздат. В печати «Сказка о Тройке-1» появилась лишь с наступлением перестройки, в 1987 г.

Для двухтомника «Избранных сочинений» Стругацких 1989 г. был подготовлен еще один вариант – «ангарская» редакция, дополненная главой о спруте Спиридоне и Жидком пришельце – персонажей 1-й редакции. Этот вариант публиковался несколько раз, но сейчас уже не печатается. В настоящее время «Сказка о Тройке-1» и «Сказка о Тройке-2» публикуются в качестве самостоятельных произведений.

Мы будем рассматривать прежде всего второй, «ангарский» вариант. Он был опубликован в СССР и активно распространялся в Самиздате, став заметным, хотя и замалчиваемым фактом литературной жизни. Примеры из «Сказки о Тройке-1» приводятся в качестве дополнения. В 1-й редакции повести главы обозначены номерами, во 2-й имеют названия.

«Сказка о Тройке» – это одновременно гротескная «философская повесть» в вольтеровском духе и острая политическая сатира на методы советского партийного руководства. Буквально «в лоб» сталкиваются совершенно разные стили речи и стили мышления – научно-философский (прежде всего при обсуждении «проблемы контакта» с другими формами разума) и партийно-бюрократический.

Самая характерная и для того времени совершенно оригинальная художественная особенность «Сказки...» – последовательная контаминация лозунгов и языка сталинской, хрущевской и только что начавшейся брежневской эпохи.

Как уже говорилось, формально «Сказка о Тройке» была продолжением «Понедельника...». Действие обеих повестей (или, точнее, «Понедельника...» и «Сказки о Тройке-2») происходит в институте НИИЧАВО (Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства), а ряд персонажей «Понедельника...» дей-

ствуют и в «Сказке о Тройке», в т. ч. повествователь, сотрудник НИИЧАВО Привалов. Привалов и его друзья-ученые должны получить необходимые им для исследований чудесные («необъясненные») предметы и существа.

Выдачей «необъясненных объектов» ведаёт некая «Тройка по Рационализации и Утилизации Необъясненных Явлений». Главный атрибут и главное орудие Тройки – Большая Круглая Печать, воплощение бюрократической магии: только она придаёт явлениям, существам и предметам силу неоспоримой реальности.

По сюжету Тройка – научно-бюрократическое учреждение, однако авторы наделяют её ясно читаемыми приметам партийной власти. Члены Тройки изъясняются не просто бюрократическим, но партийно-лозунговым языком.

Тройку составляют: 1) председатель – Лавр Федотович Вунюков; 2) Рудольф Архипович Хлебовводов; 3) Фарфуркис, не имеющий ни имени-отчества, ни собственного мнения. За консультациями Тройка обращается к научному консультанту – лжеученому профессору Выбегалло, одному из главных персонажей «Понедельника...».

В 1-й редакции Тройка состоит из четырёх человек (подобно тому как «Три мушкетера» Дюма в действительности составляют четверку); четвёртый – это безымянный «полковник мотокавалерии», заставляющий вспомнить прежде всего о маршале Ворошилове.

Хотя формально Тройка – коллегиальное учреждение, в действительности вся власть принадлежит председателю. Председатель курит папиросы «Герцеговина Флор», табаком которых Сталин набивал свою трубку, и порой говорит почти прямыми цитатами из Сталина. В 1-й редакции (гл. 8) полковник мотокавалерии спросонья восклицает, обращаясь к председателю: «Так точно, товарищ генералиссимус!» [Стругацкий, 2008, с. 276; далее «Сказка о Тройке» цитируется по тому же изданию].

В то же время отчество Лавр Федотович ассоциируется с отчеством Берии Лаврентий Павлович, так что в образе Вунюкова совмещены приметы партийного вождя и главы карательных органов.

Само название Тройка отсылает прежде всего к понятию «тройка» эпохи Большого террора. В те годы «тройка» как орган внесудебной расправы состояла (на уровне области) из секретаря обкома, начальника местного управления НКВД и областного прокурора.

О зловещей генеалогии Тройки говорит, между прочим, эпизод в гл. «Дело № 15...», где члены Тройки, искусанные комарами, обвиняют коменданта Колонии «в подготовке и осуществлении террористического акта». «Слегка повредившийся от треволнений Хлебовводов внес предложение приговорить коменданта Зубо к расстрелу с конфискацией имущества» (с. 358).

В 1-й редакции (гл. 6) добавлено: «...с поражением родственников в правах на двенадцать лет». «Поражение родственников в правах» – намек на репрессивные меры, применявшиеся с 1930-х гг. к «членам семьи изменника Родины». Здесь же Фарфуркис «слабым голосом» возражает, «что такой меры социальной защиты Тройка применить не вправе» (с. 243).

Всяческие судебные кары с 20-х годов официально именовались «мерами социальной защиты», и уже тогда в советской печати, в т.ч. юридической, широко употреблялось выражение «высшая мера социальной защиты» как синоним смертной казни. В печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1938 г. предусматривался и расстрел как «мера социальной защиты».

Постановление Тройки об исключении болота Коровье Вязло «из памяти народа, т.е. из географических и топографических карт», именуется «актом о высшей мере» («Дело № 15...», с. 357).

В то же время Тройка ассоциируется с учрежденческим «треугольником» (партком, профком, администрация), который собирался для решения «комплексных» вопросов. «Тройка» (орган внесудебных репрессий) и «треугольник» («нормальная» форма учрежденческой власти) оказываются двумя сторонами одной медали.

Вуноков обычно немногословен; тем весомее каждое его слово. В 1-й редакции (гл. 4) он демонстрирует то, что можно назвать «сталинской паузой», неоднократно описанной мемуаристами:

«Лавр Федотович долго молчал, опустив веки, и дымил “Герцеговиной Флор”. Затем он произнес:

– Народ...

<...> Он поднес к глазам бинокль и несколько минут рассматривал по очереди коменданта и Выбегаллу. Спокойствие, с которым оба они ожидали начальственного решения, видимо, удовлетворило его.

– Народ ждет от нас подвига, – произнес он наконец, опуская бинокль» (с. 207).

Вунюков также использует обычный сталинский прием нагнетания повторов:

«Народ нам скажет спасибо, если эти задачи мы станем выполнять еще более активно, чем раньше. Народ нам не простит, если эти задачи мы не станем выполнять еще более активно, чем раньше» («Дело № 72...», с. 344).

Множественное число местоимения «я» – еще одна примета партийного языка. Вот характерный пример переделки Сталиным старинного изречения с заменой «я» на «мы»:

«В старину говорили про философа Платона: Платона мы любим, но истину – еще больше. То же самое можно было бы сказать о Бухарине: Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим мы еще больше» («О правом уклоне в ВКП (б)», речь на пленуме ЦК в апреле 1929 г.) [Душенко, 2005, с. 309].

О чем бы ни говорил Вунюков, он постоянно ссылается на «народ»: «Мы... здесь... посоветовались с народом, и есть... мнение, что идти следует... прямо» («Пролог», с. 301).

«Мы тут посоветовались и решили» – обычный оборот партийного языка, где «мы» означает узкое партийное руководство. Добавление: «с народом» – фикция демократизма принятого решения. То же относится к обороту «есть мнение» – эвфемизм для обозначения мнения высшего начальства.

Под «народом» председатель Тройки чаще всего имеет в виду себя самого:

«Народ любит хорошее мясо... например, бифштекс...» («Дело № 72...», с. 345).

«Комендант кивнул и почтительно-деловито осведомился:

– Народ любит ходить пешком или ездить на машине?

– Народ... – провозгласил Лавр Федотович, – народ предпочитает ездить в открытом автомобиле» («Дело № 15...», с. 351).

Еще одна излюбленная формула членов Тройки: «народу нужны / народу не нужны», например:

«← Народ не любит замыкаться в четырех стенах. Народу нужен простор. Народу нужны поля и реки. Народу нужны ветер и солнце... <...> Здоровье народа надо беречь, оно принадлежит народу. Народу нужна работа на открытом воздухе. Народу душно без открытого воздуха...» (Вунюков в гл. «Дело № 15...», с. 351).

В повести упоминается лозунг: «Народу не нужны нездоровые сенсации. Народу нужны здоровые сенсации» («Дело № 42...», с. 302).

Также в 1-й редакции (гл. 6):

«– Такие вот плезиозавры народу...

– Не нужны! – выпалил Хлебовводов...» («Дело № 15...», с. 355).

Это оборот скорее хрущевский, чем сталинский. Хрущев любил ссылаться на «народ», особенно когда речь шла о художественных вкусах, напр.: «Нашему народу нужны произведения литературы, живописи, музыки, отражающие пафос труда, понятные народу» [Хрущев, с. 30].

С 1920-х годов постоянным оборотом официального языка было: «нам нужны / нам не нужны», где «мы» подразумевало партию и советский народ. Михаил Ардов вспоминает:

«Как-то Борис Леонидович [Пастернак] рассмешил Анну Андреевну [Ахматову] и всех нас такой фразой: – Я знаю, я – нам не нужен» [Ардов, 1995, с. 58].

Можно вспомнить также маленковскую (а по сути сталинскую) формулировку: «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины» [подробнее см.: Душенко, 2011, с. 427].

Есть в повести и прямая отсылка к сталинским высказываниям о народе:

«– Народ... – пророкотал Лавр Федотович. – Народ вечен. Пришельцы приходят и уходят, а народ наш, великий народ, пребывает вовеки» («Дело № 72», с. 330).

Эта конструкция, восходящая к Книге Екклесиаста («Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки»), встречалась у Сталина многократно с 1917 г., в т. ч. в следующем виде:

«Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен». (Выступление на приеме руководителей металлургической и угольной промышленности в Кремле 29 окт. 1937 г.) [Душенко, 2005, с. 319, 323].

Еще ближе фраза Лавра Федотовича к другой сталинской формуле: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается» (Приказ Народного комиссара обороны 7 ноября 1942 г.) [Душенко, 2005, с. 323]. «Пришельцы» ассоциируются не только с инопланетянами, но и с чужеземными

завоевателями; а «наш великий народ» – отсылка к формуле «великий русский народ», которая у поколения Стругацких однозначно ассоциировалась с «поздним» Сталиным.

Еще одна фраза председателя Тройки любопытна как сплав трех лозунгов, принадлежащих сталинской, хрущевской и брежневской эпохе:

«Никто не забыт и ничто не забыто, – произнес он. <...> Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет» («Дело № 42...», с. 305).

«Никто не забыт, и ничто не забыто» – надпись на центральной стеле Пискаревского кладбища, открытой 9 мая 1960 г. Это строка из эпитафии Ольги Берггольц «Здесь лежат ленинградцы...»

«Страна должна знать своих героев» – шапка 5-й полосы «Правды» от 6 марта 1931 г. Это цитата из опубликованной в том же номере редакционной статьи «Лучшие из лучших», где говорилось о награждении орденами 15 передовиков. Затем она стала плакатным текстом [Душенко, 2005, с. 424].

Однако формулировка «безымянные герои», которых «у нас нет», отсылает к лозунгу движения по увековечению памяти павших в Великой Отечественной войне: «Нет безымянных солдат!» Под таким заголовком 6 июля 1966 г. «Комсомольская правда» опубликовала письмо московского инженера Н. Синельникова.

В гл. «Дело № 72» (с. 344) Лавр Федотович «предложил присутствующим развернуть еще более непримиримую борьбу за повышение трудовой дисциплины, против бюрократизма, за высокий моральный уровень всех и каждого, за *здоровую критику и здоровую самокритику, против обезлички*, за укрепление противопожарной безопасности, против зазнайства, за личную ответственность каждого, за образцовое содержание отчетности и *против недооценки собственных сил*» (курсив мой. – К. Д.).

Первые два оборота, выделенные курсивом, введены Сталиным до войны. «Партия провозглашает лозунг критики и самокритики», – заявил Сталин в докладе «О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК» 13 апреля 1928 г. Под этим лозунгом шла чистка ВКП (б) на рубеже 1920–30-х гг. [Душенко, 2005, с. 306].

Выражение «обезличка» Сталин употребил на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.: «...Вместо ответственности за работу царит полная безответственность и обезличка. Что такое обезличка? Обезличка есть отсутствие всякой ответственности за пору-

ченную работу...» и т.д. [Сталин, т. 13, с. 61]. Хотя читатели 60-х годов уже не ощущали «обезличку», а также «критику и самокритику» как сталинские лозунги, их авторство важно ввиду множества аллюзий в тексте именно на сталинские лозунги и сталинскую речь.

Формула «недооценка собственных сил», возможно, отсылает к кампании против «низкопоклонства перед иностранщиной»:

«Большим и, к сожалению, традиционным недостатком некоторых наших ученых, оставшимся нам в наследство от старой России, была как раз недооценка собственных сил, преклонение перед заграничными авторитетами» (вступительное слово президента АН СССР С.И. Вавилова на годичном собрании АН 10 февраля 1948 г.) [Вавилов, с. 17]. Здесь речь шла о полной самостоятельности (фактически – самоизоляции) советской науки.

Однако этот оборот встречался и в более широком контексте, в т. ч. в хрущевскую эпоху: «Недооценка собственных сил сочеталась с переоценкой сил империализма, и все это вместе приводило к ложным выводам и ошибкам. Члены антипартийной группы хотели столкнуть партию с правильного пути <...>» [Александров, Накропин, с. 33]. Напомню, что «антипартийная группа» – наименование членов высшего руководства партии (Маленков, Каганович, Молотов), снятых со своих должностей в июле 1957 г.

Член Тройки Фарфуркис спрашивает: «Не проявляем ли мы здесь мягкотелость, беззубость, либерализм буржуазный и гуманизм абстрактный?» («Дело № 15...», с. 349). Выражение «абстрактный гуманизм» появилось не позднее 1930-х годов как антоним «реального», т.е. «пролетарского» гуманизма. По сути это было отрицание самостоятельной ценности человеческой личности и даже человеческой жизни. Что же касается «буржуазного либерализма», то в сочетании с «мягкотелостью» и «беззубостью» он выступает в качестве синонима «гнилого либерализма».

«...Гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение», осудил Сталин в статье «О некоторых вопросах истории большевизма» («Пролетарская революция», 1931, № 6). Здесь под «либерализмом» имелось в виду терпимое отношение к взглядам, отличающимся от официальных [Душенко, 2011, с. 454].

Привалов, имитируя стиль партийного языка, вопрошает: «...Ощущая за собой поддержку всего прогрессивного человечест-

ва, разве не станет он [клоп Говорун] архимедовым рычагом, с помощью коего мы окажемся способны повернуть историю клопов вспясть, к лесам и травам <...>?» («Дело № 15...», с. 350).

«Прогрессивное человечество» в языке советской идеологии – синоним общественных сил, дружественных Советскому Союзу. Передовая статья «Правды» от 7 ноября 1937 г. была озаглавлена: «Советский Союз – надежда всего передового и прогрессивного человечества».

Фарфуркис говорит о клопе Говоруне: «...Мы имеем дело с типичным говорящим паразитом, т.е. с праздношатающимся туняядцем, добывающим средства к жизни предосудительными путями»; «типичное туняядство, место которому за решеткой» («Дело № 15...», с. 348).

Здесь пародируется указ Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г., озаглавленный: «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, туняядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

Неоднократно возникает в повести большая для советских граждан тема официальных анкет.

Хлебовводов заявляет, обращаясь к пришельцу-инопланетянину Константину:

«– Да это навет! Лавр Федотович! Товарищи!.. Много на себя берете, гражданин Константинов! Мы еще посмотрим, чем ваша сотня родителей занималась, что это были за родители...» («Дело № 72...», с. 332).

Тут мы видим аллюзию на стихотворение Маяковского «Юбилейное» (1924):

Мы б его спросили:

– А ваши *кто* родители?

Чем вы занимались

до 17-го года?

– Только этого Дантеса бы и видели

[Маяковский, т. 6, с. 55].

Анкетный вопрос о родителях, как и о прочих родственниках, содержал в себе пункты о том, не привлекались ли они к суду и не пребывали ли на оккупированной территории, т.е. представ-

лял потенциальную опасность для анкетизируемого. Поэтому идеальный ответ на пункт о родственниках выглядит так:

«Ближайшие родственники: сирота, братьев и сестер нет» (1-я редакция, гл. 2) (с. 305).

В гл. 7 1-й редакции читаем: «...Товарищ Голый, администратор опытный, искушенный в принципе “доверяй, но проверяй”, навел справки о гражданине Ойре-Ойре Р.П.» (с. 250).

Формула «доверяй и проверяй» появилась весной 1938 г., на исходе Большого террора, когда руководящие кадры катастрофически поредели. Таким был принцип новой кадровой политики. Форма «Доверяй, но проверяй» утвердилась к началу 1940-х годов.

В англоязычных справочниках выражение «Доверять, но проверять» обычно приписывается Ленину.

В 1968 г. это выражение цитировалось в американской печати как «хрущевский девиз» (в форме: «доверять, но проверять» – «dovierat no provierat»). Два десятилетия спустя, 8 декабря 1987 г., при подписании в Белом доме Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Рональд Рейган заметил М. Горбачеву: «Мы должны следовать старой русской пословице <...>: “доверяй, но проверяй” – “trust, but verify”». «Доверяй, но проверяй» было произнесено по-русски [Душенко, 2011, с. 649].

В конце повести Привалов, переходя на язык Тройки, восклицает: «Не позволим! Не позволим <...> вводить здесь и применять методы грубо-административные вместо методов административно-научных. Не позволим вновь торжествовать волюнтаризму и субъективизму!» («Дело № 15...», с. 350).

Тут собран полный набор обвинений, предьявлявшихся в советской пропаганде Хрущеву после его снятия, например: «...После октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, осудившего субъективизм, волюнтаризм в решении хозяйственных вопросов, увлечение административными методами управления» [Берхин, с. 572]. В действительности «волюнтаризм» на самом пленуме, по видимому, не упоминался.

В конце 1-й редакции (гл. 9) читаем: «...залепил мне уста Печатью Молчания Эйхмана-Ежова» (с. 288). Такое уравнивание карательных органов двух тоталитарных систем было, разумеется, совершенно невозможно в подцензурной советской печати.

* * *

Итак, «Сказка о Тройке» подталкивала читателя к выводу (хотя едва ли это было сознательной целью авторов), что советский партийный язык по крайней мере с 30-х годов в своей сущности остается одним и тем же. И отрицается он – вместе с методами партийного руководства – как целое, без различения плохого (сталинского) и хорошего («либерально-оттепельного») этапа.

Список источников

- Александров Д., Накропин О. Мирное сосуществование и современность // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1961. – № 12. – С. 26–37.
- Ардов М., Ардов Б., Баталов А. Легендарная Ордынка: Сб. воспоминаний. – СПб.: Инапресс, 1995. – 385 с.
- Берхин И.Б. История СССР: 1917–1964 гг.: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высшая школа, 1966. – 652 с.
- Вавилов С.И. Вступительное слово на годовичном собрании АН СССР 10 февраля 1948 г. // Вестник АН СССР. – 1948. – Т. 18, № 3. – С. 16–19.
- Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. – М.: ЭКСМО, 2011. – 1216 с.
- Душенко К.В. Цитаты из русской истории: Справочник. – М.: ЭКСМО, 2005. – 623 с.
- Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961.
- Самсонов Ю. Как перекрыли «Ангару», или Иркутская глава «Сказки о Тройке» братьев Стругацких // Голос. – Иркутск, 1990. – № 1. – С. 70–79. – Режим доступа: http://www.fandom.ru/inter/samsonov_2.htm
- Сталин И.В. Сочинения. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946–1951. – Т. 1–13.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. – М.: Эксмо, 2008. – 717 с.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Сказка о Тройке // Ангара. – Иркутск, 1968. – № 4 (июль–авг.). – С. 3–16; № 5 (сент.–окт.). – С. 47–66.
- Стругацкий Б.А. Комментарии к пройденному. – СПб.: Амфора, 2003. – 311 с.
- Хрущев Н.С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа: [Сокр. изложение выступлений на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г., на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 г., на партийном активе в июле 1957 г.]. – М.: Искусство, 1958. – 72 с.

«СТО МИЛЛИОНОВ ГОЛОВ», ИЛИ ЦЕНА РЕВОЛЮЦИИ

Тема цены «большевистского эксперимента» – центральная в «Архипелаге ГУЛАГ».

В I томе «Архипелага», законченном в 1968 г. и опубликованном в 1973-м, читаем: «По подсчетам эмигрировавшего профессора статистики И. А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, – оно [внутреннее подавление] обошлось нам в... 66,7 миллиона человек (без этого дефицита – 55 миллионов). <...> Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных» (ч. 3, гл. 1) [Солженицын. Полное собрание..., т. 6, с. 12].

Имелась в виду статья И. Курганова (наст. фамилия Кошкин) «Три цифры», впервые опубликованная в «Новом русском слове» (Нью-Йорк) 12 апреля 1964 г. Впоследствии эта статья неоднократно перепечатывалась и цитировалась.

«Ф. Достоевский, – писал Курганов, – еще в 1871 г. высказал предположение, что социальное переустройство общества может обойтись народу в сто миллионов голов». Собственные подсчеты Курганова превысили эту цифру: «...Население СССР потеряло в связи с событиями 1917–1959 гг. сто десять миллионов человеческих жизней», причем «в невоенное время, во время революции и революционного преобразования России народ потерял шестьдесят шесть миллионов семьсот тысяч человек» [Курганов, с. 54, 57].

Эту цифру повторил Солженицын в интервью испанскому ТВ 20 марта 1976 г.: «Итак, всего мы потеряли от социалистического строя – 110 миллионов человек!» [Солженицын. Публицистика, т. 2, с. 451].

Несколько дней спустя автор «Архипелага...» еще раз высказался на эту тему: «...Достоевский предсказывал, что социализм обойдется России в 100 миллионов жертв. Цифра казалась невероятной». Но «мы узнаем, что Достоевский если ошибся, то в меньшую сторону. Социализм обошелся нынешнему Советскому Союзу с 1917 по 1959 – в 110 миллионов человек». (Лекция для радио Би-би-си; передавалась по внутреннему британскому радиовещанию 24 марта 1976 г. Английский текст опубликован в «Times» от 2 апреля, русский текст – в «Вестнике РХД», 1976, № 117.) [Солженицын. Публицистика, т. 2, с. 287].

Месяц спустя Анатолий Кузнецов на радио «Свобода» развил тему пророчества:

«Но откуда взялась у Достоевского эта поистине апокалипсическая цифра в сто миллионов голов? Просто так, первое, что к слову пришлось? Да нет, не думаю... Он глубоко понимал сущность грозящей катастрофы, много думал, прикидывал и эти “сто миллионов” написал либо совершенно трезво-обдуманно, серьезно, либо, если (как это у настоящего писателя часто бывает) оно как бы “само собой написалось”, это был голос интуиции художника, а это еще серьезнее. Интуиция художника может открывать или предугадывать такие вещи, которые наука, скажем, лишь через сотню лет по всем правилам откроет, докажет». («Сто десять миллионов», передача из цикла «Писатель у микрофона», 23 апреля 1976 г.) [Кузнецов, с. 456–457].

В годы «перестройки» о «100 миллионах жертв» коммунистического строя писали многие авторы; вспоминали при этом и о «пророчестве» Достоевского.

Подсчеты Курганова были подвергнуты критике уже в эмигрантской печати; в настоящее время историки считают их безусловно завышенными.

Цифра, которая задним числом была сочтена «предсказанием» Достоевского, содержалась в романе «Бесы» (1871). Преподаватель гимназии Липутин говорит Верховенскому: «Они <...> держатся новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых

окончательных целей. Они уже больше чем сто миллионов голов требуют, для водворения здравого рассудка в Европе...» («Бесы», I, 3, 4) [Достоевский, т. 10, с. 77].

Позднее тот же Липутин повторяет: «Нам вот предлагают, чрез разные подкидные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки с единственною целию всеобщего разрушения, под тем предлогом, что как мир ни лечи, все не вылечишь, а срезав радикально сто миллионов голов и тем облегчив себя, можно вернее перескочить через канавку» («Бесы», II, 7, 2) [Там же, с. 314].

Верховенский по этому поводу замечает: «“Сто миллионов голов”, это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?» [Там же, с. 315].

Именно эта логика оправдания массового террора использовалась сперва якобинцами, а затем их последователями, включая большевиков.

Заметим, что в первом случае Липутин излагает мысли Кириллова, а во втором ссылается на «листки иностранной фактуры». Тем не менее обычно мысль о «ста миллионах голов» приписывают Шигалеву – главному теоретику среди «бесов» Достоевского.

Очевидно, что в «Бесах» «сто миллионов голов» не предсказание, а заведомая гипербола, или, как говорит Верховенский, «метафора». Смысл ее в том, что никакая цена, измеряемая в человеческих жизнях, не может быть слишком велика для построения нового общества – общества, в котором от «Свободы, равенства и братства» оставлено только равенство.

Ближайший источник «метафоры» указан комментаторами «Бесов». Это фрагмент «Былого и дум» Герцена (ч. V, гл. 37; опубл. в 1859 г.). Герцен своими словами излагает мысль немецкого республиканца Карла Гейнцена (1809–1880): «Достаточно избить два миллиона человек на земном шаре – и дело революции пойдет как по маслу» [Герцен, т. 10, с. 60].

Здесь же, беседуя с другом Гейнцена, Герцен замечает:

«– Зачем же <...> ваш приятель пишет такой вредный вздор? Реакция кричит, да и имеет право – что за Мара [т.е. Марат], переложенный на немецкие нравы, да и как требовать два миллиона голов?» [Там же, с. 61.]

Ф. Энгельс еще в 1847 г. говорил о переходе Гейнцена «от либерализма к кроваваждному радикализму» [Маркс, Энгельс, т. 4, с. 303 (статья «Коммунисты и Карл Гейнцен»)]. После поражения революции 1848–1849 гг. Гейнцен эмигрировал в Лондон. Здесь в немецкоязычной «Deutsche Londoner Zeitung» от 9 и 16 ноября 1849 г. появилась его статья «Уроки революции» («Lehren der Revolution»), изданная также в виде брошюры.

23 ноября в лондонской «Таймс» было опубликовано письмо за подписью «Антисоциалист», автор которого, объявив Гейнцена «светочем немецкой социал-демократической партии», призывал министра внутренних дел «в 24 часа выслать из Англии лиц, проповедующих эти дьявольские доктрины». В письме, в частности, говорилось, что Гейнцен предлагает убить «два миллиона реакционеров» в ходе близящейся революции на континенте Европы. [Маркс, Энгельс, т. 7, с. 3]. Автор письма добавлял: «Реакционер – это, надо думать, любой, со взглядами которого г-н Гейнцен не согласен» [цит. по: Neuestes, 1849].

3 декабря в «Таймс» появилась статья, в которой «Уроки революции» цитировались по письму «Антисоциалиста» [Heinzen, 1850, № 3, р. 23]. Заметки в «Таймс» привлекли внимание французской и немецкой печати. В частности, христианский социалист Ф. Ламенне резко осудил Гейнцена в газете «Реформа» (Париж).

4 декабря Гейнцен послал в редакцию «Таймс» (а затем и в редакцию «Реформы») письмо с ответом на обвинения. Однако по-английски напечатать это письмо удалось только во второстепенном лондонском еженедельнике «The Reasoner» и одновременно, уже по-немецки, в эмигрантском журнале «Völkerbund» (Женева). Выдержки из «Уроков революции» цитируются далее по этому письму.

«Возможно, – писал Гейнцен, – что предстоящее Европе великое революционное излечение (die große Revolutionskur) обойдется в несколько миллионов голов. Но стоит ли принимать в расчет жизнь двух миллионов негодяев [Schurken¹] там, где речь идет о счастье двухсот миллионов людей?» [Heinzen, 1849, S. 72].

¹ В комментариях к советскому собранию сочинений Маркса-Энгельса цитируется неточно: следовало бы убить «два миллиона реакционеров» [Маркс,

«Великое революционное излечение» приводит на мысль формулу из «Бесов»: «Мир как ни лечи, все не вылечишь», – хотя Достоевский не был знаком с оригинальным текстом брошюры Гейнца.

Фраза о «жизни двух миллионов негодяев» приведена и в оправдательном письме Гейнца. Тем не менее здесь же он вопреки очевидности утверждал: «...Я нигде не выдвигал требования, что должны пасть 2 000 000 голов. <...> Я лишь допустил “возможность”, что предстоящая европейская революция может стоить 2 000 000 голов, и присовокупил к этой возможности мнение, что даже столь великая жертва не будет слишком высокой ценой, *если так, и только так* может быть куплено счастье 200 000 000 людей» [Heinzen, 1849; Heinzen, 1850, p. 28].

В подтверждение правомочности такого подхода Гейнец цитировал высказывание знаменитого историка Томаса Маколея по поводу английской колонизации Ирландии:

«...Поистине, более милосердно изгнать сотню тысяч человек сразу и заполнить образовавшуюся пустоту хорошо управляемым населением, нежели плохо управлять миллионами на протяжении множества поколений. Нам гораздо легче простить огромные тяготы, причиненные ради великой цели, чем бесконечный ряд мелких стеснений и притеснений, лишенных какой-либо разумной цели» (эссе «Сэр Уильям Темпл», 1838) [Heinzen, 1850, p. 28].

В наше время именно это высказывание Маколея приводится в доказательство того, что английский историк доходил до оправдания геноцида.

В приведенных выше словах Герцена имя Марата появилось недаром. Именно он был прародителем «метафоры» о «миллионах голов». Поначалу «друг народа» называл сравнительно умеренную цену за всеобщее благоденствие: «Пятьсот-шестьсот отрубленных голов обеспечили бы вам покой, свободу и счастье» (памфлет «С нами покончено», 26 июля 1790 г.) [Марат, т. 2, с. 185].

Вскоре цена возросла: «Возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но, если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты» («Чудовищные

Энгельс, т. 7, с. 3]. В английском авторском переводе: «scoundrels» [Heinzen, 1850, № 4, p. 28].

недостатки конституции...», опублик. в газ. «Друг народа» от 16 декабря 1790 г.) [Марат, т. 2, с. 235].

Затем счет пошел на сотни тысяч голов: «...Свобода не восторжествует, пока не отрубят преступные головы двухсот тысяч этих злодеев» (речь в Конвенте 6 августа 1792 г. о создании Комитета общественного спасения) [Марат, т. 3, с. 292].

В конце 1795 г. той же риторикой воспользовался ультра-роялист граф Луи де Антрег (1753–1812). В разгар полемики с умеренным монархистом, графом Франсуа Монлозье, он заявил: «Монлозье находит меня неумолимым; он прав; я буду Маратом контрреволюции, я отрублю сто тысяч голов, и первой – его собственную» [Montlosier, p. 297].

В позднейшей публицистике и исторической литературе число голов, которые требовал отрубить Марат и его сторонники, доходило до 300, 500 и даже 600 тысяч [напр.: Noël, p. 288; Рапон, p. 336]. Но, по-видимому, именно Гейнцен первым повел счет на миллионы.

Правда, Гейнцен был готов заплатить жизнями двух миллионов за «счастье 200 000 000 людей», т.е. Европы без России и Османской империи, тогда как Марат требовал 200 тысяч голов в одной только Франции, насчитывавшей тогда ок. 28 млн человек. «100 миллионов голов», которых требуют «нигилисты» у Достоевского «для водворения здравого рассудка в Европе», намного превышали тогдашнее население Российской империи.

Едва ли не ближе всех к «метафоре» Достоевского подошел В. Белинский в один из моментов своих революционно-социалистических увлечений: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (письмо к В.П. Боткину от 28 июня 1841 г.) [Белинский, т. 12, с. 52]. Разница только в том, что целью «истребления» у Белинского, как и у прочих последователей Марата, является «счастье», тогда как в «Бесах» истребление имеет целью исключительно равенство, причем «равенство в рабстве», по формуле Верховенского.

Через несколько лет после «Бесов» к той же теме, но в совершенно другом ключе, обратился Салтыков-Щедрин. В цикле очерков «Помпадурши и помпадурши» читаем:

«– <...> Вспомни этих двух нигилисток, которых мы возили по городу!

– Но они были миленькие, Theodore!

– Миленькие! <...> D'un seul coup elles vous demandent cent milles têtes à couper! Excusez du peu! [Они сразу требуют ста тысяч голов! Ни больше, ни меньше!]> («Помпадур борьбы...», 1873) [Салтыков-Щедрин, т. 8, с. 180].

«– <...> Но ведь они сто тысяч голов требуют... ah! c'est très grave ça! [ах, это так ужасно!]

– Сплетни, мой друг. У меня один нигилист поташным заводом заведовал (mais un nigiliste pur sang, mon cher!) [нигилист чистых кровей, мой дорогой!], так я с ним откровенно об этом говорил: “Правда ли, спрашиваю, господин Благосклонов, что вы сто тысяч голов требуете?” – “Никогда, говорит, ваше сиятельство, этого не бывало!...”» («Зиждитель», 1874) [Там же, с. 208].

Очерк «Помпадур борьбы» полон аллюзий на события, связанные с Парижской коммуной. В комментарии к этому очерку упоминается о требовании, которое приписывалось коммунарам в буржуазной прессе: «гильотинировать “сто тысяч голов” буржуазии» [Там же, с. 518]. Однако нам не удалось отыскать обвинений подобного рода. Более вероятно, что щедринские «сто тысяч голов», которых требуют «нигилисты», были ироническим откликом на «сто миллионов голов» Достоевского.

Казалось бы, Щедрин слишком легко отмахнулся от темы, поднятой нелюбимым им Достоевским. Но можно сказать и так, что он подошел к ней с другой стороны – в «Истории одного города». Этот исторический памфлет оказался, как мы полагаем, ничуть не менее пророческим, чем антиреволюционный памфлет Достоевского, хотя исходил из совершенно других предпосылок. В откликах современников на большевистскую революцию щедринские образы возникают едва ли не чаще, чем образы «бесов» Достоевского. Вот один из примеров: 30 декабря 1920 г. Николай Окунев, до революции умеренный либерал и сторонник конституционной монархии, записывает в своем дневнике: «Обращаю читателя к подлиннику и прошу его, не смущаясь тем, что Угрюм-Бурчеев гениально выдуман Щедриным как образец зарвавшегося реакционера, – проверить меня: правда ли, что Советизацию устраивали не кто иные, как Угрюм-Бурчеевы? Почитайте эту главу (13)

[«Истории одного города»], да повнимательнее. Она стоит 13-й главы Откровения Иоанна Богослова» [Окунев, кн. 2, с. 100].

Ранее цифра «сто тысяч» – как возможное и допустимое число жертв русской революции – встречалась в прокламации «К молодому поколению», написанной Н. В. Шелгуновым и М.Л. Михайловым весной 1862 г.: «Если <...> пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого» [Шелгунов, т. 1, с. 339].

С формулой «100 миллионов голов» перекликается высказывание, приписанное Ленину во второй половине XX века: «Совершенно неважно, если три четверти человечества будут уничтожены; важно лишь то, чтобы оставшаяся четверть была коммунистами».

Оно было приведено эмигрантом «второй волны» Николаем Трофимовичем Гончаровым на слушаниях в подкомитете Сената США по внутренней безопасности 14 июля 1954 г. и опубликовано в официальном издании «Congressional Record» под заглавием «Стратегия и тактика мирового коммунизма». Рональд Рейган цитировал это апокрифическое высказывание Ленина тридцать с лишним лет спустя, осенью 1985 г. [Boller, p. 70].

XX век, можно сказать, приучил нас к цифре «100 миллионов жертв» как своего рода символической цифре.

Советский пропагандист 1960-х годов приводил эту цифру для обличения преступлений капитализма: «В мире сказок нет ни одного чудовища, которое уносило бы столько человеческих жизней, выпивало бы такое количество крови, <...> как капитализм. <...> За три с половиной столетия господства буржуазии человечество положило на алтарь войны более 100 миллионов жертв. Из них 85 миллионов приходится на XX век, т.е. на период империализма» [Глаголев, с. 36].

Согласно американскому историку Дэвиду Станнardu, автору книги «Американский холокост» (1992), в 100 миллионов жертв обошлась европейская колонизация Америки [Stannard, p. 268]. Эта малодостоверная цифра была принята рядом исследователей и получила известность в широкой печати.

В 1993 г. единогласным решением Конгресса США был создан Фонд памяти жертв коммунизма. В законе о его создании говорилось:

«С 1917 года правители [коммунистических] империй и вожди международного коммунизма во главе с Владимиром И. Лениным и

Мао Цзэдуном были ответственны за гибель более 100 000 000 жертв беспрецедентного имперского коммунистического холокоста посредством завоеваний, революций, гражданских войн, [этнических] чисток, войн “чужими руками” [wars by proxy] и других насильственных методов» [Legislation..., p. 58].

Вероятно, и здесь цифра «100 миллионов» появилась не без идейного влияния автора «Архипелага ГУЛАГ», а стало быть, косвенно – и Достоевского с его «Бесами».

Список источников

- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Академия наук СССР, 1953–1959.
- Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Академия наук СССР, 1954–1966.
- Глаголев В.Ф. Почему обостряется борьба двух идеологий. – М.: Политиздат, 1964. – 46 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
- Кузнецов А.В. На Свободе. Беседы у микрофона, 1972–1979. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 639 с.
- Курганов И. Три цифры // Посев. – Франкфурт н/М., 1977. – № 12. – С. 54–57.
- Марат Ж.П. Избранные произведения: В 3 т. – М.: Академия наук СССР, 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1956–1981. – Т. 1–50.
- Окунев Н.П. Дневник москвича: В 2 кн. – М.: Воениздат, 1997.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1965–1977.
- Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. – Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997.
- Солженицын А.И. Собрание сочинений: [В 20 т.]. – Вермонт; Париж: YMCA Press, 1983–1991.
- Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. – М.: Гослитиздат, 1967. – Т. 1. – 636 с.

* * *

- Boller P.F. Jr, Boller J.G. They Never Said It: A Book of Fake Quotes, Misquotes, and Misleading Attributions. – New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. – 159 p.
- Heinzen K. An den Herausgeber der Times. (Zugleich der „Reform“ gewidmet) // Der Völkerbund. – Genf, 1849. – № 1 (Probennummer), 1. Dezember. – S. 70–76.
- Heinzen K. Letter by m. Charles Heinzen, to the editor of the «Times» // The Reasoner and Theological Examiner. – London, 1850. – № 3, jan. 23. – P. 22–23; № 4, jan. 23. – P. 27–31.
- Legislation on Foreign Relations Through 2002. October 2003. – Vol. 1 B. – Washington: U.S. Government Printing Office, 2003. – 1597 p.

II. Отражение политического языка в литературе

- Montlosier F. de. Souvenirs d'un émigré (1791–1798). – Paris: Hachette, 1951. – 302 p.
- Noël F.-J.-M. Ephémérides politiques, littéraires et religieuses. – Paris: Le Normant, 1812. – Т. 7. – 320 p.
- Neuestes // Allgemeine Zeitung. – München, 1849. – № 333, 29 November. – P. 5190. –
Перепечатано в ряде других немецких газет.
- Papon J.-P. Histoire de la Révolution de France... – Paris: Poulet, 1815. – Vol. 3. – 495 p.
- Stannard D.E. American Holocaust: The Conquest of the New World. – New York;
Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. – 358 p.

ПРОДАЖНАЯ ДЕВКА ИМПЕРИАЛИЗМА

В 1984 г. ученый-эмигрант Давид Толмазин писал: «Формальная генетика, эта “продажная девка империализма” (см. “Философский словарь” 1950 года) превратилась в 60-е – 70-е годы в почетную леди советской науки» [Толмазин, с. 272].

В 1987 г. «продажная девка империализма» появилась в советской печати как пример политического языка конца 1940-х годов. Это выражение приводили современники разгрома генетики, учиненного народным академиком Лысенко.

В нашумевшей документальной повести «Зубр» (1987) Даниил Гранин говорит об ученом-генетике Н.В. Тимофеев-Ресовском: «В 1948 году с ним бы расправились быстро, но времена пришли другие, удавку не накинешь. “Буржуазная наука”, “мухолюбы-человеконенавистники”, “генетика – продажная девка империализма” и тому подобные приемы не проходили, шел все же 1957 год» [Гранин, с. 69].

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал о ярлыках типа «кибернетика – продажная девка империализма» («Наука без морали погибнет», «Известия», 25 марта 1989 г.) [Лихачев, с. 173].

Владимир Александрович Струнников (1914–2004) вспоминал о годах разгрома генетики: «Особенно расхожей была фраза о генетике – “продажная девка империализма”, а о генетиках – “пятая колонна”. Мы стали печально знаменитыми личностями» [Струнников, с. 153].

В 1990-е годы филолог Евгений Ширяев привел выражение «продажная девка империализма» среди штампов советского политического языка, с пояснением: «о кибернетике» [Ширяев, с. 19].

Между тем это выражение никогда не существовало в советском политическом языке. Оно появилось на исходе хрущевской оттепели, в начале 1964 г., – в спектакле Ленинградского театра миниатюр «Волшебники живут рядом».

Автором пьесы был сатирик Александр Хазин – тот самый, которого в 1946 г. заклеил, вместе с Зоценко и Ахматовой, Жданов в докладе «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Стихотворная сатира Хазина «Возвращение Евгения Онегина» была объявлена «клеветой на современный Ленинград», печатать сатирика перестали, но Аркадий Райкин взял его в Ленинградский театр миниатюр заведующим литературной частью.

В интермедии «Юбилей» из спектакля «Волшебники живут рядом» Райкин предстал в облике номенклатурного начальника Пантюхова. Райкинский Пантюхов, одетый во френч, напоминавший о сталинском френче, был, согласно Марку Розовскому, «угрюм и страшен» [Розовский, 1964]. Вспоминая свои различные назначения, он говорил:

«– Потом на биологическом фронте я написал статью “Генетика – продажная девка империализма”. Потом две недели в банно-прачечном комбинате, а оттуда меня прямо в искусство».

В печатном тексте пьесы (1967) эта фраза выкинута. Выкинуто и другое пантюховское изречение: «Наши слабые токи с каждым годом становятся все сильнее и сильнее». Из научных открытий Пантюхова в печать пропустили лишь фразу «Партия учит нас, что газы при нагревании расширяются» [Хазин, с. 108].

Спектакль лег в основу документального фильма «Аркадий Райкин» (1967), имевшего немалый успех.

В беседе с историком эстрады Е. Уваровой Райкин говорил: «Хрущев со свойственной ему энергией вмешивался во все: в грамматику, школьное образование, кибернетику, генетику (до сих пор вспоминается “продажная девка империализма”) <...>. Обо всем этом и многом другом я думал, когда играл Пантюхова» [Уварова, с. 242].

Похоже, и сам Райкин на склоне лет считал этот оборот не выдуманным, только относил его не к позднесталинскому времени, а к хрущевскому.

Формула «продажная девка империализма» действительно воскрешала в памяти зрителей годы борьбы с генетикой. Можно

сказать точнее: она пародировала высказывания профессора А.Н. Студитского (1908–1991), доктора биологических наук, лауреата Сталинской премии 1951 года, а по совместительству – научного фантаста. В его романе «Разум Вселенной» (1966) правоту Лысенко в споре о генетике доказывают инопланетяне, представители Высшего Разума.

В 1949 г. Студитский прочитал в московском Центральном лектории лекцию «Менделеевско-моргановская генетика на службе американской реакции». Ее краткое изложение появилось в мартовском номере журнала «Наука и жизнь». Та же лекция легла в основу печально известной статьи «Мухолубы – человеконенавистники», опубликованной в «Огоньке». Студитский писал о «связи моргановской генетики с идеологией империализма» [Студитский, с. 16]. На помещенных здесь же карикатурах Бор. Ефимова «менделевцы» изображались как прислужники фашистов и куклукс-клановцев.

В том же году советские люди могли прочитать, что «представление о генах является плодом метафизики и идеализма» [Словарь иностранных..., с. 149].

В «Кратком философском словаре» (1954) указывалось: «Кибернетика – *реакционная лженаука*, возникшая в США после Второй мировой войны <...>. Кибернетика является <...> не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления ее агрессивных *военных планов*» [Краткий философский..., с. 236].

Этим объясняется позднейшая контаминация: «Кибернетика – продажная девка империализма», а также ссылка Толмазина на «Философский словарь».

В 1987 г. художник-концептуалист Александр Косолапов выставил картину «Генетика – продажная девка империализма»: обнаженная девица в эротической позе глядит в микроскоп на фоне высотки МГУ.

Однако теперь «продажной девкой империализма» скорее назовут какую-нибудь общественную науку – социологию, статистику или историю.

Список источников

- Гранин Д. Зубр: Повесть [Окончание] // Новый мир. – М., 1987. – № 2. – С. 7–92.
- Краткий философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – 4 изд. – М., 1954. – 704 с.
- Лихачев Д.С. Я вспоминаю. – М.: Прогресс, 1991. – 253 с.
- Розовский М. Волшебник живет рядом // Комсомольская правда. – М., 1964. – 9 окт. – С. 3.
- Словарь иностранных слов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. – 801 с.
- Струнников В.С. Шелковый путь. – М.: Наука, 2004. – 275 с.
- Студитский А.Н. Мухомобы – человеконенавистники // Огонек. – 1949. – № 11, 12 марта. – С. 14–16.
- Толмазин Д. Письмо ученому коллеге // Грани. – Франкфурт н/М., 1984. – № 134. – С. 269–291.
- Ширяев Е.Н. Общие процессы в развитии русского языка в 1945–1995 гг. // Русский язык / Под ред. Е.Н. Ширяева. – Ополе: Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej, 1997. – С. 15–26.
- Хазин А.А. Волшебники живут рядом. – Л.: Искусство, 1967. – 155 с.
- Уварова Е.Д. Аркадий Райкин. – М.: Искусство, 1992. – 334 с.

III. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМУЛ И ЛОЗУНГОВ

АБСОЛЮТНАЯ ВЛАСТЬ РАЗВРАЩАЕТ АБСОЛЮТНО

«Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» – «Power corrupts; absolute power corrupts absolutely».

Так обычно цитируется это изречение, хотя у его автора, лорда Актона, оно выглядело несколько иначе: «Power tends to corrupt...» – «Власть имеет свойство (*букв.* тенденцию) развращать...».

Джон Актон (1834–1902) – британский политик-либерал и видный историк. Еще он известен тем, что, будучи католиком, выступал против учения о папской непогрешимости. Его знаменитая цитата содержалась в письме от 3 апреля 1887 г., опубликованном в 1904 г.

Адресат письма, Манделл Крейтон (1843–1901), англиканский священник и профессор Кембриджского университета, к тому времени опубликовал ряд трудов о елизаветинской Англии и истории папства. Позднее он был рукоположен в епископы и лишь преждевременная смерть помешала ему стать архиепископом Кентерберийским.

В письме к коллеге-историку Актон ставит проблему моральной оценки исторических деятелей:

«Я не могу принять ваш взгляд, что пап и королей следует оценивать иначе, чем прочих людей <...>. Власть имеет свойство развращать, а абсолютная власть развращает абсолютно. Великие люди почти всегда дурные люди, даже если они используют толь-

ко свое влияние, а не власть; и уж тем более, если учесть, что власть обычно или даже всегда развращает (the tendency or the certainty of corruption by authority). Поэтому нет горшей ереси, чем утверждение, будто высокое положение освящает тех, кто его занимает. <...> Самые великие имена повинны в самых больших преступлениях» [Creighton, p. 372].

Если бы Актон упомянул здесь Наполеона, можно было бы решить, что он только что прочел IV том «Войны и мира», перевод которого вышел в Англии годом ранее. Именно здесь содержится хрестоматийное рассуждение Толстого о величии:

«...Когда действие уже явно противно тому, что все человечество называет добром и даже справедливостью, является у историков спасительное понятие о величии. Величие как будто исключает возможность меры хорошего и дурного. Для великого – нет дурного» [Толстой, т. 12, с. 165].

А 26 июня 1899 г. Толстой записывает в своем дневнике: «...Власть имеющие развратились, потому что имеют власть...» [Толстой, т. 53, с. 221].

Первая часть высказывания Актона, в сущности, представляла собой цитату из речи Уильяма Питта-старшего. Выступая в Палате лордов 9 января 1770 г., он заявил: «Власть имеет свойство развращать умы тех, кто ею обладает» [Knowles, p. 576].

Эта мысль, разумеется, не нова. Уже Плутарх писал:

«[Сулла] по справедливости навлек на великую власть обвинение в том, что она не дает человеку сохранить свой прежний нрав, но делает его непостоянным, высокомерным и бесчеловечным» («Сулла», 30; пер. В. Смирин) [Плутарх, т. 1, с. 526].

Притчу о том, что власть не в ладах с моралью, можно найти в сборнике «Гюлистан» (1258) персидского поэта Саади:

«Нам необходим достойный разумный муж, способный управлять государственными делами!» – «Признак достойного и разумного заключается в том, что он не занимается такими делами!» (кн. I, рассказ 15; пер. Р. Алиева) [Саади, с. 79].

Изречение Актона породило множество вариаций; вот некоторые из них:

«Если власть развращает, то поэзия очищает» (Джон Кеннеди, речь 26 октября 1963 г. в Амхерсте, штат Массачусетс.) [Kennedy, p. 47].

«Если абсолютная власть развращает абсолютно, то как же быть с Господом Богом?» (Ок. 1991 г.; автор неизвестен.) [Brandreth, p. 137].

«Абсолютная вера развращает абсолютно, как и абсолютная власть». (Американский философ Эрик Хоффер, согласно «New York Times Magazine» от 25 апреля 1971 г.) [Billington, p. 271].

«Абсолютная секретность развращает абсолютно». (Генеральный инспектор ЦРУ Фред Хиц, интервью в «Нью-Йорк таймс» от 30 июля 1995 г.) [Rawson, p. 611].

«Свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно». (Автор неизвестен.) [John, p. 276].

Список источников

- Ключевский В.О. Сочинения: [В 9 т.]. – М.: Мысль, 1987–1990.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. – М.: Наука, 1994.
Саади. Гулистан. – М.: Изд-во восточной лит., 1959. – 716 с.
Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1928–1958.

* * *

- Billington J.H. Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. – Mineola (New York): Dover Publications, 2010. – 520 p.
Brandreth G. Oxford Dictionary of Humorous Quotations. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – 496 p.
Creighton L. Life and Letters of Mandell Creighton. – London; New York; Bombay: Longmans, Green, and Co, 1904. – Vol. 1. – 415 p.
John R. Cook. Dennis Potter: A Life on Screen. – Manchester: Manchester univ. press, 1998. – 389 p.
Kennedy J.F. The Wisdom of JFK. – New Hardcoverp: E.P. Dutton & Co, 1965. – 128 p.
Knowles E. The Oxford Dictionary of Quotations. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. – 1136 p.
Rawson H., Miner M. The Oxford Dictionary of American Quotations. – [Без м. и.]: Oxford Univ. Press, 2006. – 898 p.

ВЕЛИКОЕ МОЛЧАЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО

Во время избирательной кампании 1968 г. Ричард Никсон пообещал вывести войска из Вьетнама. Когда он занял президентское кресло, война шла уже пятый год. Число убитых американцев дошло до 31 тыс., а численность воюющего американского корпуса превысила полмиллиона.

15 октября 1969 г. 200 тысяч демонстрантов со всех концов страны собрались в Вашингтоне, протестуя против войны.

Вечером 3 ноября Никсон выступил с программной речью по телевидению. Он изложил план «вьетнамизации» войны и переговоров с позиции силы. Не обошел он и тему антивоенных протестов: «В течение почти 200 лет политика нашей страны определялась, в соответствии с нашей Конституцией, лидерами в Конгрессе и Белом доме, избранными всем народом. Если громкогласное меньшинство, сколь бы жгучим ни был вопрос, возобладает над разумом и волей меньшинства, наша страна не имеет будущего как свободное государство».

И далее: «Поэтому сегодня вечером я обращаюсь к вам, великое молчащее большинство моих соотечественников-американцев, – я прошу вашей поддержки» [United States foreign policy..., p. 376].

Благодаря Никсону формула «великое молчащее большинство» («The Great Silent Majority») вошла в интернациональный политический язык.

15 ноября в Вашингтоне собралось уже 600 тысяч противников войны, и все же Никсон был прав: «молчащее большинство» его поддержало. Рейтинг популярности президента подскочил с 50 до 81%, а на следующих выборах Никсон победил в 49 штатах из 50.

О «молчащем большинстве» американские политики говорили и раньше. 9 мая 1969 г. вице-президент Спиро Агню заявил: «Молчащему большинству Америки пора начать отстаивать свои права и напомнить нам, что американское большинство, включающее любые меньшинства, с недоумением смотрит на иррациональный протест» [Safire, p. 660].

Мало того: противопоставление «громкоголосого меньшинства» (*vocal minority*) «молчащему большинству» встречалось в книге Джона Кеннеди «Профили мужества» (1955), которую Кеннеди подарил Никсону со своим автографом.

О выдающихся американских конгрессменах здесь говорилось: «Эти люди не были целиком на одной стороне. Они не были целиком правыми, или целиком консерваторами, или целиком либералами. Кто-то из них, возможно, представлял реальные настроения молчащего большинства своих избирателей, противостоящие крикам громкоголосого большинства; но это не была преобладающая их часть» [Kennedy, p. 261¹].

И даже «великое молчащее большинство» не было изобретением Никсона. В 1919 г. в еженедельнике «*Collier's*» появилась статья Брюса Бартона в поддержку президентской кампании Калвина Кулиджа. Бартон писал:

«Иногда кажется, что у великого *молчащего большинства* нет своего представителя. Но Кулидж принадлежит к этой массе людей, он живет с ней, он трудится, как она, и он понимает ее» [Dennis, p. 15].

Это выражение встречалось в политическом языке США уже в 1-й половине XIX в., однако в другом значении: речь шла о парламентском большинстве, которое не прислушивается к голосу меньшинства. В мае 1831 г. Черчилль Камбреленг, конгрессмен-демократ от штата Нью-Йорк, выступил на собрании Общества Таммани – своего рода клуба, который фактически контролировал политическую жизнь штата. Камбреленг подверг критике практику обсуждения законопроектов в Палате представителей: «...Большинство попирает права меньшинств, <...> людям отказывают даже в праве рассмот-

¹ В русском переводе книги Кеннеди этот фрагмент передан неполно и неточно: «Кто-то из них, возможно, представлял взгляды громкоголосого меньшинства, но этого нельзя сказать о большинстве из них» [Кеннеди, с. 258].

реть причины их жалоб, <...> меры, которые, как они полагают, облегчат их участь, отвергаются деспотизмом молчащего большинства во втором чтении...» [Politics of the Day, p. 231].

Во Франции выражение «молчащее большинство» (*majorité silencieuse*) встречалось в политической публицистике уже с конца XVIII в. Л.Ф. Чераль де Монреаль, приверженец политической доктрины Ж.Ж. Руссо, писал, что «голос суверена», т.е. народа, не может быть услышан, если одна партия монополизирует право на выражение воли «молчащего большинства» («Правление свободных людей, или Республиканская конституция», 1796) [Mont-Réal de Cherhal, p. 27–28].

В эпоху Реставрации либеральный идеолог Бенжамен Констан применил выражение «молчащее большинство» к парламентариям, и отнюдь не в критическом контексте – напротив: «Изгнав заранее написанные речи, мы создадим в наших собраниях то, чего им всегда недоставало – то молчащее большинство, которое, если можно так выразиться, подчиняясь превосходству людей с дарованиями, ограничивается тем, что слушает их, не обладая достаточным красноречием, чтобы говорить самим» («Размышления о конституциях...», 1814) [Constant, p. 65].

Позднее выражением «молчащее большинство» нередко пользовались силы, стоящие у власти. В феврале 1819 г. маркиз Франсуа Бартеlemi, член Палаты пэров, предложил проект ограничения избирательного права. Проект вызвал бурю негодования в обществе, однако другой ультрароялист, граф Амбруаз Поликарп де Ларошфуко-Дудовиль, заявил:

«Петиции, даже подписанные сотней тысяч граждан, показывают лишь, что недовольные составляют меньшинство по сравнению с молчащим большинством тридцати миллионов французов» (согласно закордонной газете «Le véridique de Gand» от 16 марта 1819 г.) [Gand, p. 4].

Ларошфуко-Дудовиль вовсе и не желал, чтобы «молчащее большинство» заговорило: граф был ярким противником свободы печати. Пять лет спустя, при Карле X, он стал министром королевского двора, т.е. премьер-министром.

Положительная оценка феномена «молчащего большинства» у Констан осталась едва ли не единичной. Обычно о таком большинстве писали с осуждением. 25 апреля депутат-либерал Огю-

стен Мари Дево (Devaux) говорил в Палате депутатов: «Когда <...> для молчащего большинства наступает момент голосования по наиболее важным для страны вопросам, опять ощущается присутствие невидимой силы, враждебной дискуссиям» [Chambre des députés, p. 552].

Весной 1846 г. либерал Леон де Мальвий на заседании Палаты депутатов обвинил в продажности правительство Франсуа Гизо. Министр внутренних дел Дюшатель возразил: «Факты! приведите же факты!», а правительственное большинство депутатов начало ему аплодировать. Как сообщает его биограф, де Мальвий, воскликнул «перед лицом молчащего большинства» депутатов: «Да разве нам не известен ценник на ваши совести, который недавно на вас нацепили?» [Varegeau, p. 1191].

В 1888 г. Анри Фулье, обозреватель парижской газеты «Жиль Блаз», писал, что во французской политике «активное меньшинство узурпирует мнение молчащего большинства» [Fouquier, p. 1]. Это весьма напоминает противопоставление «молчащего большинства» «громкоголосому меньшинству» у Р. Никсона. Однако Фулье по своим политическим взглядам был скорее либералом, чем консерватором; между тем в США «молчащее большинство» считалось опорой консервативной политики.

Во время майских событий 1968 г. во Франции о «молчащем большинстве» заговорили голлисты. 19 мая депутат Валери Жискард д'Эстен, будущий президент, заявил: «До сих пор наибольшее число французов, чтущих порядок, свободу и прогресс и отрицающих произвол и анархию, хранили молчание. Если понадобится, они должны быть готовы высказаться» [Artières, Zancarini-Fournel, p. 363].

Год спустя о том же говорил президент Жорж Помпиду: «Правительство должно выполнять свои обязанности, а страна должна его поддержать, и то, что называют модным термином “молчащее большинство”, как раз не должно оставаться молчащим, но высказывать свое мнение, уметь его высказывать и заставить себя услышать» (речь в колледже городка Мюра 17 мая 1970 г.) [fr.wikipedia, со ссылкой на видеозапись выступления Помпиду: Institut National de l'Audiovisuel – Ina.fr, «M. Pompidou dans le Cantal» [archive], sur Ina.fr, 1 er janvier 1970 (consulté le 9 octobre 2016)].

Однако в странах английского языка выражения «великое большинство» и «молчащее большинство» имели еще и другое

значение: так называли умерших. В трагедии Эдуарда Юнга «Мечь» (1721) читаем:

Жизнь есть пустыня, жизнь есть одиночество;

Смерть присоединяет нас к преобладающему (великому) большинству.

(...Death joins us to the great majority) [Knowles, с. 839].

Выражение «присоединиться к великому большинству» в значении «умереть» восходит к роману Петрония «Сатирикон»: «Наконец он отошел к большинству» (*лат.* ...abiit ad plures) [Ratcliffe, p. 287]. Позднее «Abiit ad plures» использовалось как надгробная надпись.

О различных погребальных обычаях рассказывалось в статье «Молчащее большинство» американского журнала «Harper's New Monthly Magazine» за сентябрь 1874 г. В начале XX в. член Верховного суда США Джон Маршалл Харлан заявил, что «великие военачальники по обе стороны нашей Гражданской войны давно уже отошли к молчащему большинству, оставив память о своем поразительном мужестве» (речь 9 декабря 1902 г.) [Safire, p. 660].

Противники войны во Вьетнаме ответили Никсону плакатом с изображением Арлингтонского военного кладбища, усеянного крестами, и подписью: «МОЛЧАЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО» [Америка, с. 875].

Список источников

Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.

Кеннеди Д. Профили мужества / Пер. Э.А. Иваняна. – М: Международные отношения, 2013. – 328 с.

* * *

Artières P., Zancarini-Fournel M. 68: une histoire collective. 1962–1981. – Paris: La Découverte, 2008. – 847 p.

Chambre des députés. Séance du mardi 25 avril // Le Moniteur. – Paris, 1820. – № 117, 26 avril. – P. 549–552.

Constant B. Réflexions sur les constitutions, la distribution des pouvoirs et les garanties, dans une monarchie constitutionnelle. – Paris: H. Nicolle, 1814. – 168 p.

- Dennis W.J. *Democracy for Hire: A History of American Political Consulting*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. – 591 p.
- Fouquier H. [псевд.: Nestor]. *La rentrée // Gil Blas*. – Paris, 1888. – 11 janvier. – P. 1.
- Gand [Корреспонденция из Гента] // *Le véridique de Gand: journal politique, littéraire et commercial*. – Gand, 1819. – 16 mars. – P. 4.
- Kennedy J.F. *Profiles in Courage*. – London: Hamish Hamilton, 1965. – 287 p.
- Knowles E. *The Oxford Dictionary of Quotations*. – 5-th ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. – 1136 p.
- Mont-Réal de Cherhal L.-F. *Gouvernement des hommes libres, ou Constitution républicaine*. – Paris: Desenne, 1796. – 398 p.
- Politics of the Day // Niles' weekly register*. – Baltimore, 1831. – May 28. – P. 229–232. – Перепечатка из «New York Standard» от 12 мая 1831 г.
- Ratcliffe S. *Concise Oxford Dictionary of Quotations*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. – 584 p.
- Safire W. *Safire's Political Dictionary*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. – 862 p.
- United States foreign policy 1969–70: A report of the Secretary of State*. – Washington, D.C.: U.S. Govt. Print. Off., 1971. – 617 p.
- Vapereau L.-G. *Dictionnaire universel des contemporains*. – 4 éd. – Paris: Hachette, 1870. – 1803 p.

ВЛАСТЬ ЛЕЖИТ НА УЛИЦЕ

«Революционеры не делают революций! Революционеры – это те, кто знает, когда власть лежит на улице и можно поднять ее», – писала Ханна Арендт, немецко-американский философ и политолог («Мысли о политике и революции», в кн. «Кризис республики», 1972) [The Quotable Rebel, p. 128].

В такой форме это выражение получило распространение в России с 1917 г. Нередко оно приписывается Ленину. Однако Ленин, хотя и подобрал бесхозную власть, выражением этим не пользовался. Зато к нему неоднократно прибегали эсеры. 26 мая 1917 г. на III съезде эсеров Илья Коварский говорил: «...Политическая власть валяется буквально на улице и рабочий класс приходит и берет ее в свои руки <...>» [Партия социалистов-революционеров, т. 3, ч. 1, с. 217].

А лидер эсеров Виктор Чернов вспоминал: «Очень часто даже от министров [Временного правительства] приходилось слышать: “если власть не валяется на улице, то она будет валяться, что всякий, кому не лень, может нагнуться и эту власть подобрать и ею овладеть”» («Предпоследние ошибки», статья в альманахе «Мысль», 1918, № 1) [Партия социалистов-революционеров, т. 3, ч. 1, с. 339].

Это выражение восходит к французскому политическому языку. В XVIII–XIX вв. власть не раз и не два лежала на улицах Парижа – перед переворотом 18 брюмера (1799), в июле 1830-го, в феврале и июне 1848-го, осенью 1870-го. Последний раз это случилось – так, во всяком случае, казалось участникам событий, – в 1968 г., когда парижская «Фигаро» от 15 мая вышла под шапкой «ВЛАСТЬ ЛЕЖИТ НА УЛИЦЕ».

В декабре 1804 г. Бонапарт возложил на себя императорскую корону. Наследственные монархи объявили его узурпатором, однако сам он считал иначе: «Я нашел корону Франции на земле и поднял ее». Так передает слова нового императора мадам де Сталь в «Размышлениях о Французской революции», III, 29 (опубл. по-смертно в 1818 г.) [Staël, p. 345].

Г-жа Клэр де Ремюза в своих «Мемуарах» (кн. 1, гл. 7) дополняет эту фразу: «...и поднял ее острием своей шпаги» [Remusat, p. 380].

В беседе с Арманом де Коленкур в 1812 г. Наполеон говорил: «Я подобрал корону Франции, которая валялась в луже (dans le guisseau). Я поднял ее на вершину славы <...>» [Коленкур, с. 303]. (Этот фрагмент «Мемуаров» Коленкура был опубликован в 1928 г. в журн. «Revue des deux mondes»).

В изгнании, на о-ве Св. Елены, Наполеон повторял: «Я не узурпировал корону: я поднял ее из сточной канавы (le giseau)» (запись Э. Лас Казеса 14–18 сентября 1815 г.) [Las Cases, p. 304].

Несколько иную версию приводит адъютант Наполеона Шарль Монтолон: «Я не узурпировал корону: я нашел ее в сточной канаве и поднял. Народ возложил ее на мою голову» («Рассказы о Наполеоне в плену» («Повествование об изгнании») (1847), запись 3 сентября 1816 г.) [Napoléon: Pensées..., p. 187].

С 1840-х годов речь идет уже не о «короне», но о «власти». Феликс Боннер, политический обозреватель журнала «Revue de Paris», писал в 1840 г. об испанском генерале Бальдомеро Эспартеро, который после победы над карлистами в гражданской войне 1833–1839 гг. фактически управлял Испанией: «Он бросил власть на улицу, не решаясь подобрать ее» («Il a jeté le pouvoir dans la rue sans oser le ramasser») [Bonnaire, p. 70]. (Заметим, что такое положение продолжалось недолго, и Эспартеро вскоре был назначен регентом.)

В 1848 г., после Февральской революции в Париже, участник этих событий Шарль Ришомм писал о «тех, у кого хватило смелости подобрать власть на улице (de ramasser le pouvoir dans la rue)» [Richomme, p. 222].

Еще раньше, 12 января 1848 г., началась революция в Неаполитанском королевстве; власть перешла в руки Временного правительства. 14 января 1848 г. во французской Палате пэров выступил

граф Шарль де Монталамбер – писатель, член Французской академии и ревностный католик. Он заявил:

«Необходимо, чтобы сторонники прогресса в Италии наконец целиком и полностью размежевались со сторонниками беспорядка; ради чести Италии необходимо, чтобы правительство перестало находиться на улице (*d'être dans la rue*), а иначе знаете ли вы, куда оно движется в атмосфере, царящей на улицах? Оно совершенно естественно переходит в казармы, и необязательно в национальные, но гораздо чаще – в иностранные казармы» [*Des derniers discours...*, p. 168].

Родион Раскольников, русский студент 1860-х годов, восклицал: «Власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь!» («Преступление и наказание», 1866) [Достоевский, т. 6, с. 321].

Раскольников, как известно, равнялся на Наполеона: «Я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [Там же, с. 318].

В 1888 г. наполеоновской метафорой воспользовался Фридрих Энгельс в своем знаменитом прогнозе хода будущей мировой войны. В предисловии к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806–1807 годов» он предсказывал «крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, – крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны» [Маркс, Энгельс, т. 21, с. 361]. Энгельс, можно сказать, перекидывал мостик от 1800-х годов к 1917-му и 1918-му.

Но и метафора Наполеона принадлежит ему лишь отчасти. В поисках ее истоков мы – как это часто бывает – приходим к античности.

Полководец Александра Македонского Селевк, который в 321 г. до н.э. стал царем Сирии, согласно Плутарху, говорил, что, если бы люди знали, сколь хлопотно дело правления, «никто бы не стал поднимать диадему [т.е. царский венец], валяющуюся на земле» («Стоит ли старцу заниматься государственными делами», 11) [цит. по: Монтень, т. 1, с. 238].

Список источников

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.

- Коленкур А. де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. – Смоленск: Смядынь, 1991. – 367 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1956–1981. – Т. 1–50.
- Монтень М. Опыты. – М.: Наука, 1979. – Кн. 1–3: В 2 т.
- Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1925 гг.: В 3-х т. – М.: РОССПЭН, 1996–2001.
- Чернов В. Предпоследние ошибки // Мысль: Альманах. – Пг., 1918. – № 1. – С. 262–268.

* * *

- Bonnaire F. Bulletin // Revue de Paris. – Paris, 1840. – Т. 20. – P. 64–72.
- Des derniers discours de m. le comte de Montalembert // Le Correspondant. – Paris, 1848. – 25 jan., t. 21. – P. 161–184.
- Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène. – Paris: Le Seuil, 1968. – 733 p.
- Napoléon: Pensées pour l'action. – Paris: P.U.F, 1943. – 221 p.
- Staël A.-L.-G. Considérations sur les principaux événements de la révolution française. – Paris: Charpentier, 1845. – 684 p.
- Remusat C.-E. Mémoires. – Paris: Calmann Lévy, 1880. – Vol. 1. – 413 p.
- Richomme C.-E.-H. Journées de la Révolution de 1848: par un garde national. – Paris: L. Janet, 1848. – 224 p.
- The Quotable Rebel. – Monroe (Me.): Common Courage Press, 2005. – 378 p.

ГРАБЬ НАГРАБЛЕННОЕ!

23 января 1918 г., через три месяца после Октябрьского переворота, Ленин выступил в Петрограде перед агитаторами, посылаемыми в провинцию. Он объяснил им, что «война внешняя кончилась» и наступило время «внутренней войны»:

«Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: “Ничего, – мы отсидимся”. Народ должен вытащить этого “хапалу” и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить – полиция убита и похоронена, – сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними. Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? – старик ответил: да, мы грабим награбленное» [Ленин, т. 35, с. 327].

Ленин имел в виду историю, которую неделей раньше, 16 января, рассказал донской казак Шамов на III Всероссийском съезде Советов. Старик-станичник расспрашивал большевика Минина, как бы крестьянству получить землю, а выслушав его программу, воскликнул: «Значит, ты грабитель!» Минин ответил: «Да, мы грабители, но мы грабим грабителей». «Это, – заключил Шамов, – так понравилось старому казаку, что он стал самым деятельным большевиком» [Третий Всероссийский съезд Советов, с. 84].

Отметим немаловажную разницу между разъяснением Минина и призывом Ленина. Минин говорил станичнику о передаче помещичьих земель крестьянам (лозунг, перехваченный большевиками у эсеров). Ленин же говорил о «сундуках буржуазии», т.е. об изъятии любого имущества, которое изымающие сочтут награбленным, – что уже попахивало уголовщиной.

В 1924 г. Троцкий вспоминал:

«Газеты особенно ухватились за слова “грабь награбленное” и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

– И далось им это “грабь награбленное”, – с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

– Да чьи это слова? – спросил я. – Или это выдумка?

– Да нет же, я как-то действительно это сказал, – ответил Ленин, – сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. – И он юмористически замахал рукой» [Троцкий, с. 102].

Трудно поверить, что Троцкий не знал, чьи это слова, а также в столь удивительную забывчивость его собеседника.

На заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. Ленин заявил:

«Попало здесь особенно лозунгу: “грабь награбленное”, – лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то – почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов?» [Ленин, т. 36, с. 269].

Но, поскольку к тому времени скандальный лозунг уже сыграл свою роль, Ленин объявил о переходе к следующему этапу – расстрелу тех, кто грабит награбленное у грабителей:

«...Награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...»

Как видим, Ленин, защищая свой лозунг, ссылаясь на Маркса, у которого сказано: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I, 24, 6) [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 773].

Но он умолчал о лозунге «Собственность – это кража», входящем к трактату Прудона «Что такое собственность» (1840), гл. 1: «Что такое собственность? <...> Это кража!» («...La propriété <...> c'est le vol») [Oster, p. 543].

Между тем его вариации были нередки в анархистской печати конца 1917 г. «Вор крадет краденое», – писали видные идеологи русского анархизма братья Гордины в статье «Долой анархию!» (газ. «Буревестник» (Петроград), 29 ноября 1917 г.).

Еще более близкий источник печально знаменитого лозунга отыскивается не у Маркса и не у Прудона, а в Книге пророка Ие-

зекилия: «Тогда жители городов Израилевых выйдут <...>; и ограбят грабителей своих, и оберут обирателей своих, говорит Господь Бог»; «ограбил награбленное ею»; «грабителей твоих предам грабежу» (гл. 29, 30, 39) [Николаюк, с. 116].

Список источников

- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 1–55.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1956–1981. – Т. 1–50.
- Николаюк Н.Г. Библейское слово в нашей речи: Словарь-справочник. – СПб.: Светлячок, 1998. – 448 с.
- Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов / Рос. социал.-демократ. рабочая партия. – Пб., 1918. – 99 с.
- Троцкий Л. О Ленине: Материалы для биографа. – М.: Госиздат, 1924. – 168 с.

* * *

Oster P. Citations françaises. – Paris: Le Robert, 1993. – 934 p.

ДУНАДЕСЯТЬ ЯЗЫКОВ, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДЕРЖАВ

В словаре Даля читаем: «*Нашествие дванадцяти языков*, отечественная война, наступление Наполеона на Русь, в 1812 году» [Даль, т. 2, с. 498]. Откуда взялись эти «дванадцать языков» и почему именно «дванадцать», т.е. двенадцать?

Выражение это появилось уже после изгнания Великой Армии из России, причем в несколько иной форме. 25 декабря 1812 г. был обнародован Высочайший манифест «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского». Здесь говорилось:

«Да представят себе *собрание с двадцати царств и народов*, под единое знамя соединенные, с какими властолюбивый, надменный победами, свирепый неприятель вошел в Нашу землю» (курсив здесь и далее мой. – К. Д.) [Полное собрание..., т. 32, кн. 3, с. 487].

Указом Александра I от 30 августа 1814 г. предписывалось ежегодно, в день Рождества Христова (т.е. 25 января), праздновать «избавление Церкви и державы Российския от *нашествия галлов и с ними двудесяти язык*». Этот Указ, как и Манифест 25 декабря 1812 г., был составлен, как сказали бы теперь, спичрайтером государя – статс-секретарем А.С. Шишковым [Полное собрание..., т. 32, кн. 3, с. 906].

С тех пор в церковных рождественских проповедях неизменно упоминалось о нашествии «двудесяти язык».

Наконец, 1 января 1816 г. вышел Манифест (написанный также Шишковым) «О благополучном окончании войны с французами», где говорилось об «ужасном, *из двадцати царств составленном ополчении*» [Шишков, т. 1, с. 474].

Итак, в указах и манифестах говорилось сначала о «царствах и народах», потом о «языках» (народах), потом только о «царствах» (государствах). Число вражеских то ли царств, то ли языков составляет двадцать. Разумеется, это не точная цифра, а числовая метафора, означающая «очень много».

В 1812 г. России объявила войну Франция, а также ее союзники и вассальные государства: Австрия, Пруссия, Швейцария, Герцогство Варшавское, Испания, Королевство Италия, Неаполитанское королевство и Рейнский союз, включавший 37 немецких государств. Таким образом, «царств» (государств, хотя бы и зависимых) было $8+37$, итого 45; если же считать Рейнский союз за одно «царство», то «царств» оказывается девять. Собственно же языков (т.е. народов, говорящих на одном языке) насчитывалась дюжина с лишним, так как в одной Австрийской империи их было не менее десятка.

Очень скоро наряду с «двудесятью языками» появились «двунадесят язык» или «языков». Вероятно, сказалось влияние широко распространенных оборотов «двунадесятые праздники», «двунадесят апостолов» и т.д. К тому же цифра 12 лучше подходит для роли символического числа.

В пушкинской «Истории села Горюхино» (1830) повествователь пишет: «По изгнании двухнадесяти языков, хотели меня снова везти в Москву...» [Пушкин, т. 8, ч. 1, с. 128].

В 1827–1834 гг. в Москве была сооружена Триумфальная арка в честь победы в Отечественной войне. Один из двух ее рельефов изображал «Побиение двухнадесяти языков» (согласно пояснительной надписи на особой бронзовой доске) [Кожевников, с. 59]. Тем самым формула «двунадесят язык» была узаконена официально наряду с прежней.

Впоследствии обе формулы нередко обыгрывались иронически. Формула нередко использовалась в переносном значении, например в повести М. Н. Загоскина «Москва и москвичи» (1848): «Я ужаснулся, когда окинул взглядом бесконечный список этих исковерканных и перекроенных на русский лад иностранных слов <...>. Господи, Боже мой!.. Да это второе нашествие галлов и с ними двадцати язык!» [Загоскин, т. 2, с. 421].

Ленин писал о «“нашествие двухнадесяти языков” оппортунизма на нашу марксистскую программу», имея в виду критику

национальной программы РСДРП со стороны бундовцев и украинских социал-демократов («О праве наций на самоопределение», 1914) [Ленин, т. 25, с. 257].

В XX веке старая формула возродилась в новом обличье. 30 августа 1919 г. в «Известиях» появилось сообщение о том, что Черчилль заявил о плане «концентрированного наступления армий 14 государств против Москвы» [Стеклов, 1919; также: Вардин, 1919]. Это сообщение было взято из шведской «Фолькетс дагблат политикен» от 25 августа. Сотрудник «Известий» Ю.М. Стеклов счел все же нужным уточнить: «Мы не знаем, действительно ли произносил Черчилль ту речь, о которой сообщает скандинавская газета, или же этот спич принадлежит к разряду апокрифов».

Здесь же Стеклов не без доли иронии замечает: «Четырнадцати? Это звучит довольно гордо, но не совсем ясно. Кто же эти таинственные четырнадцать? Ну, допустим, Финляндия, Латвия, Польша, Литва, “Украина” (т.е. Петлюра), Румыния, “государство” Колчака с Деникиным, – всего выходит восемь. Прибавим Чехо-Словакию и Сербию – выйдет десять. Кто же еще четыре? Очевидно, еще Англия, Франция, Япония, – ну, а четырнадцатая держава? На эту почетную роль претендуют несколько государств: Америка, Италия, может быть, и Германия, подобно тому как в древности семь городов спорили о чести считаться родиной Гомера» [Стеклов, 1919].

На другой день военный обозреватель «Известий» уже совершенно серьезно обсуждал план «похода 14 держав», включая стратегию их совместных действий и возможные зоны влияния [Немиров, с. 2].

Согласно Ленину, «Черчилль потом опровергал это известие. <...> Но если бы даже <...> источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы» (доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря 1919 г.) [Ленин, т. 39, с. 393].

Цифра 14 применительно к Гражданской войне получила то же значение числового символа, что и цифра 12 по отношению к войне 1812 года. В речи на открытии IX съезда РКП (б) 29 марта 1920 г. Ленин заявил: «...Несмотря на двукратный, трехкратный и четырнадцатикратный поход империалистов Антанты, <...> мы оказались в состоянии победить» [Ленин, т. 40, с. 240].

Мифический «поход четырнадцати держав», он же «Второй поход Антанты», прочно вошел в советские учебники как обозначение плана военной интервенции, якобы разработанного летом 1919 года. В действительности – к великому сожалению Черчилля – никакого общего плана у держав Антанты не было.

В 1919 г. Стеклов давал перечень «четырнадцати держав» не без некоторой иронии. Зато уже совершенно всерьез эти «державы» перечислены в пьесе Всеволода Вишневского «Незабываемый 1919-й» (1949). Пьеса была удостоена Сталинской премии и в 1951 г. экранизирована. В одном из первых эпизодов фильма показан первомайский субботник в Кремле. Цитирую сценарий:

«Ленин и пожилой рабочий с трудом несут на плечах тяжелое бревно. У пьедестала Царь-колокола свалили его на груды таких же бревен; с трудом переводят дыхание. <...>

– Я уверен, что этой весной Антанта опять начнет натиск. Уж распространяются слухи о походе четырнадцати держав.

– Это каких же четырнадцати, Владимир Ильич?

– Четырнадцати? Гм... подсчитаем. Англия – раз, США, Франция, Италия, Япония, Греция, Югославия, Польша, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и прибавьте Колчака и Деникина. Да, подсчет точный.

Рабочий даже привстает от волнения» [Вишневский, 1951, с. 36].

В прологе пьесы «Незабываемый 1919-й» Ленин говорил о походе 14 держав не рабочему, а Сталину, и тоже в мае 1919-го [Вишневский, 1950, с. 10.] Таким образом, он предвосхищает план Антанты, который даже по советским учебникам появился не раньше июля.

Список источников

- Вардин И. Отклики. Нашествие четырнадцати // Правда. – М., 1919. – 30 авг. – С. 1. – Подпись: Ил. В-ин.
- Вишневский В.В. Незабываемый 1919-й. – М.: Искусство, 1950. – 174 с.
- Вишневский В., Чиаурели М., Филимонов А. Незабываемый 1919-й: (Литературный сценарий по мотивам одноименной пьесы...) [Ч. 1.] // Искусство кино. – 1951. – № 5. – С. 31–42.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989–1991.

- Загоскин М.Н. Соч. в 2 т.: Комедии. Проза. Стихотворения. Письма. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 1–2.
- Кожевников Р. Памятники и монументы Москвы. – М: Моск. рабочий, 1976. – 167 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 1–55.
- Немиров. 14 держав (Военный обзор) // Известия. – М., 1919. – 31 авг. – С. 2.
- Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. 1–45.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений [в 17 т.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
- Стеклов Ю.М. Единственный исход // Известия. – М., 1919. – 30 авг. – С. 1.
- Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... – Берлин: типогр. Скрейшовского в Праге, 1870. – Т. 1–2.

ДЕТИ, КУХНЯ, ЦЕРКОВЬ

Выражение «дети, кухня, церковь» цитировалось у нас как «старая немецкая поговорка» или (в советское время) как «старый реакционный лозунг». Максим Горький в статье «О женщине» (1930) указывал и конкретного автора: «Вильгельм Второй должен был напомнить с высоты своего трона, что у немецкой женщины только три обязанности пред ее страной: дети, кухня, церковь» [Горький, т. 6, с. 521]. Напомним, что Вильгельм II, император Германской империи, правил с 1888 по 1918 год.

Этот оборот хорошо известен и в других странах, причем чаще всего он приводится по-немецки: «Kinder, Küche, Kirche». В «Оксфордский словарь английского языка» эта немецкая формула попала уже в 1901 г. [Paletschek, S. 419]. Обычно она приписывалась Вильгельму II или его жене Августе Виктории. Однако – странное дело – это выражение отсутствовало в немецких словарях крылатых слов вплоть до конца XX века.

Первое известное мне упоминание о нем появилось в заметке «Германская императрица», опубликованной осенью 1894 г. в английской печати, а затем перепечатанной в ряде американских печатных изданий под заглавием «Патрон трех “К”». Согласно этой заметке, император Вильгельм II будто бы говорил: «Все немецкие девушки должны последовать примеру императрицы и, как она, посвятить свою жизнь “трем ‘К’ ” – Kirche, Kinder и Küche» [The German Empress, p. 4].

Пять лет спустя, 17 августа 1899 г., в английской «Westminster Gazette» появилась заметка «Американские леди и император. Четыре “К” императрицы». Здесь рассказывалось, как Вильгельм II

встречался на своей яхте с американками – сторонницами гражданского равноправия женщин. Выслушав их, кайзер сказал:

«Я согласен со своей женой. И знаете, что она говорит? Что не женское дело заниматься чем-либо, кроме четырех “К” <...>. Эти четыре “К” – Kinder, Kirche, Küche, Kleider [дети, церковь, кухня, платье]» [Paletschek, S. 419–420].

Раннее упоминание о «трех “К”» в германской печати появилось в 1899 г., в сообщении немецкой феминистки Кэт Ширмахер о международном женском конгрессе в Лондоне. При этом Ширмахер ссыалась на английские источники [Paletschek, S. 419]. Вскоре появились иронические перефразировки этой формулы, например, «Konversation, Kleider, Küche, Kaiser» («разговоры, платье, кухня, кайзер»).

История, рассказанная в «Westminster Gazette», не более чем исторический анекдот, хотя императрица Августа Виктория действительно придерживалась крайне консервативных взглядов на женский вопрос. Вильгельм II разделял эти взгляды; главной задачей женщины он считал «незаметный домашний труд в кругу семьи» [Paletschek, S. 420].

Еще раньше в том же духе высказывались немецкие христианские моралисты. В трактате Герхарда Ульхорна «Христианское милосердие» (т. 1, 1882) читаем: «Воспитанная в христианском духе жена <...> работает по дому, шьет одежду для мужа и детей, трудится на кухне, чтобы доставлять радость мужу» (Г.) [Uhlhorn, S. 128]. У нас этот идеал называли бы домоостровским.

Тем не менее краткая формула «Kinder, Küche, Kirche» возникла не в Германии, а, по-видимому, в английской печати. Тем самым патриархальные представления о роли женщины связывались с немецкой национальной ограниченностью, хотя немецкие женщины в конце XIX в. были не более патриархальны, чем в других западноевропейских странах.

В 1930-е годы «три “К”» – как на Западе, так и в Советской России – стали цитироваться как лозунг национал-социализма в женском вопросе. Именно в этом качестве цитируются «три “К”» в романе английской писательницы Дороти Сейерз «Праздничный вечер» (1935).

В своем знаменитом трактате «Второй пол» (1949) Симона де Бовуар писала: «...Наполеоновский идеал “Küche, Kirche, Kinder” был снова навязан Гитлером уже эмансипированным женщинам» [Бовуар, с. 16].

Нацизм действительно ликвидировал независимое женское движение и в женском вопросе официально придерживался патриархально-почвеннической ориентации. Однако доля экономически активного женского населения в Германии в годы Второй мировой войны, а также доля женщин-депутатов в нацистском парламенте была выше, чем в народном хозяйстве и парламентах Великобритании и США, и лозунг “дети, кухня, церковь” нацистами никогда не использовался. Он не мог быть принят хотя бы ввиду не слишком дружественного отношения нацизма к церкви [Paletschek, S. 425].

В середине XX века встречался еще один вариант «четырёх “К”»: «Kinder, Küche, Kirche, Krankenstube» – «Дети, кухня, церковь, больничная палата».

Новая жизнь «трех “К”» началась в 1960-е годы, вместе с появлением радикального феминизма на Западе. «Три “К”» стали символом социального угнетения женщины в западном обществе, при этом сам лозунг часто приписывался Гитлеру [Paletschek, S. 426].

В самой Германии выражение «Kinder, Küche, Kirche» стало общеупотребительным лишь в последние десятилетия XX века. В немецкой печати возникли новые перефразировки старой формулы: «Karriere, Kinder, Kompetenz» («карьерера, дети, компетентность»), «Kinder, Kapital, Karriere» («дети, капитал, карьера»). И наконец, тогда же появились мужские «три “К”»: «Konkurrenz, Karriere, Kollaps» – «конкуренция, карьера, крах» [Paletschek, S. 419, 430].

Список источников

- Бовуар С. де. Второй пол. – М.; СПб.: Прогресс: Алетеия, 1997. – 832 с.
Горький М. Полное собрание сочинений: Худож. произв. в 25 т. – М.: Наука, 1968–1975.

* * *

The German Empress // Evening Express. – Cardiff, 1894. – September 22. – P. 4. –
Заметка опубликована в рубрике «Notes from London. All the Gossip of Town and
Clubs» – «Новости из Лондона. Все городские и клубные слухи».

Paletschek S. Kinder – Küche – Kirche // Deutsche Erinnerungsorte. – München: Beck,
2001. – Bd. 2. – S. 419–433.

Uhlhorn G. Die christliche Liebesthätigkeit. – 2. Aufl. – Stuttgart: D. Gundert, 1882. –
Bd. I. – 421 S.

«ДУБИНКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО» И «ДУБИНА ВЛАСТИ»

В мае 2014 г. филолог Елена Раскина риторически вопрошала: «Где же ты, дубинка Петра Алексеича, опускавшаяся на плечи не желавших учиться европейским языкам и политесу дворянских недорослей? Знал бы царь-преобразователь, царь-реформатор, прорубивший окно в Европу, что в 2014-м году это окно будут яростно заколачивать!» [Раскина, Размышления...].

Откуда у либерального автора такое почтение к петровской дубинке и откуда вообще эта дубинка взялась?

Первоначально речь шла о «палке» Петра. Иван Голиков в т. 6 «Деяний Петра Великого» (1788–1789) рассказывает, что Петр наказывал проворовавшихся вельмож без огласки, дабы народ «не потерял должного уважения к их достоинствам, которое возвратить им требовала польза отечества; а сие и исправил без свидетелей собственная его палка» [Голиков, т. 6, с. 403–404].

В 1812–1813 гг. в России вышел перевод с немецкого книги Герхарда Антона фон Галема «Жизнь Петра Великого» («Leben Peters des Großen», 1803–1804). Здесь говорилось, что виновных в мошенничестве при продаже хлеба Петр «приказывал немедленно брать под стражу и наказывать. Нередко в подобных случаях, так как и для наказания за неважные какие-либо проступки, происходящие от развратной жизни и легкомыслия, употреблял государь свою дубинку, которой страшились виновные» [Галем, с. 158]. В примечании к этому месту Галем пояснял: «Известная дубинка Петра Великого была толстая камышевая трость с набалдашником из слоновой кости. Выходя или выезжая куда-либо, имел он ее все-

гда при себе. Дубинка сия долгое время хранилась также в Академической Кунсткамере, но ныне ее там не видно» [Галем, с. 241].

В памфлете графа Федора Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце» (1807) читаем: «Жаль дубины Петра Великого! Взять бы ее хоть на недельку из Кунсткамеры, да выбить дурь из дураков и дур» [Ростопчин, с. 149].

Но, пожалуй, самым популярным источником сведений о «петровской дубинке» были «Рассказы Нартова о Петре Великом». Фрагменты из этого сборника публиковались в «Сыне Отечества» за 1819 год под заглавием «Достоверные повествования и речи Петра Великого». В 1842 г. «Достоверные повествования...» были напечатаны в гораздо более полном виде в журнале «Москвитянин», а в 1891 г. появилось научное издание «Рассказов Нартова», подготовленное академиком Л. Н. Майковым.

Майков пришел к выводу, что «Рассказы...» составил в 1770-е годы Андрей Андреевич Нартов, сын Андрея Константиновича Нартова, который с 1714 г. был токарем Петра Великого. Майков указал также, что по стилю «Рассказы...» относятся ко 2-й половине XVIII в., т.е. написаны Нартовым-младшим, и чуть ли не половина сборника заимствована из литературных источников; но все же, полагал Майков, многие рассказы основаны на записях Нартова-старшего [Майков, с. XIV–XVI].

Вот несколько примеров из «Рассказов Нартова»:

«Кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямец» (№ 41).

«...Я крылья обстригу им [царским денщикам] завтра дубиной» (№ 43).

«Государь, возвратясь из сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: “Когда б послушны были в добре так упрямыцы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною”» (№ 51).

«Когда о корыстолюбивых преступлениях князя Меншикова представляемо было его величеству докладом <...>, то сказал государь: “Вина немалая, да прежняя заслуги более”. Правда, вина была уголовная, однако государь наказал его только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одним выколотил его

дубиной и потом сказал: “Теперь в последний раз дубина; ей, впредь, Александра, берегись!”» (№ 74) [Майков, с. 35, 36, 43, 50].

Наконец, в публикации Майкова к рассказу № 113, в котором царь грозит дубиной английскому токарю – недоброжелателю Нартова-старшего, имеется позднейшее примечание: «Сколько б ныне было работы дубине Петра Великого <...>!» [Майков, с. 79].

В сущности, о том же говорила Елена Раскина в мае 2014-го.

Долгое время рассказы Нартова считались вполне достоверными, и даже современные историки нередко цитируют их без оговорок. Авторскую рукопись «Рассказов Нартова» обнаружил петербургский историк П.А. Кротов и в 2001 г. издал ее со своим комментарием [Нартов, 2001]. Согласно Кротову, почти весь сборник сочинен или скомпилирован из литературных источников Нартовым-младшим; это «художественное произведение в жанре исторического анекдота» [Кротов, с. 157]. Исторически достоверную часть сборника выделить практически невозможно; в любом случае она крайне мала.

Что же касается «дубинки Петра Великого», то это «литературный фантом послепетровских времен». «Петр Великий вообще никогда не ходил с дубинкой за отсутствием у него таковой. <...> В музеях наличествуют только небольшие легкие трости монарха, которые он использовал как линейки в своей созидательной деятельности. Бить кого-либо ими было бы совершенно не “эффективно”» [Кротов, с. 164].

На протяжении большей части XIX века «дубинка Петра Великого» не сходила со страниц газет, журналов и книг. Никто не славил петровский кнут, но петровская дубинка – дело другое. Ведь у Голикова и Нартова дубинка Петра работает избирательно – она опускается только на спины нерадивых или провинившихся царевых слуг и вельмож. «Дубинка Петра» стала метафорой благодетельного насилия, осуществляемого просвещенным правителем.

Попытки истолковать «дубинку» в смысле «крепкого кулака» решительно пресекались либеральными публицистами. Один из них, Григорий Градовский, писал в 1908 г.:

«Дубинка Петра очень ценится; но приверженцы диктатуры забывают, что эта дубинка, как и другие насилия Петра, направлялись против реакционеров» («Из воспоминаний. “Роковое пятилетие. 1878–1882 гг.”») [Градовский, с. 104].

Почти на 30 лет раньше о том же писал видный правовед и будущий председатель I Государственной думы Сергей Муромцев: «Если бы действительно могла воспрянуть дубинка Петра Великого, то от нее прежде всего не поздоровилось бы тем “охранителям”, которые в последнее время почему-то так любят вспоминать и сожалеть о ней» [Муромцев, с. 678].

В другом значении писал о «дубине Петра Великого» князь П.А. Вяземский в 1829 г.: «Надежнейшая порука наша есть дубина Петра Великого, которая выглядывает из-за голов наших у европейских политиков» («Записка о князе Вяземском, им самим составленная») [Вяземский, с. 322]. Здесь «дубина Петра Великого» – символ внешнего могущества Российской империи.

В романе Михаила Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) московский купец говорит дворянину Рославлеву: «Помните ль, батюшка, как Сила Андреевич Богатырев изволил говорить о наших модниках и модницах: их-де отечество на Кузнецком мосту, а царство небесное – Париж. И потом: “Ох, тяжело, – прибавляет он, – дай боже, сто лет царствовать государю нашему, а жаль дубинки Петра Великого – взять бы ее хоть на недельку из кунсткамеры да выбить дурь из дураков и дур...”» (ч. I, гл. 5) [Загоскин, т. 1, с. 340]. Здесь, как и в памфлете Ростопчина, петровская дубинка выступает отнюдь не как орудие европеизации России – скорее наоборот.

По воспоминаниям И.И. Панаева, Белинский зимой 1841 г. говорил: «Прежде нам была нужна палка Петра Великого, чтобы дать нам хоть подобие человеческого; теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова. Нашего брата славянина не скоро пробудишь к сознанию. Известное дело – покуда гром не грянет, мужик не перекрестится. Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина – хорошая вещь!» [Панаев, с. 280].

Как видим, и здесь «палка Петра Великого» выступает в качестве символа благодетельного насилия, в одном ряду с «матерью святой гильотиной».

Без особого восторга отзывался об этом предмете Филипп Филиппович Вигель, видный чиновник и близкий знакомый Пушкина: «Железная трость Петра Великого, переходя из рук в руки, обратилась в магический жезл, как скоро коснулась ее сия могу-

шественная очаровательница [Екатерина II]» («Записки», писавшиеся в 1850-е годы) [Вигель, с. 24].

Наконец, Александр Герцен увидел в «петровской дубинке» прообраз будущей чудовищной диктатуры. Обращаясь к дворянской интеллигенции, поддержавшей подавление Польского восстания, он предупреждал: «Вы не узнали Емельяна Пугачева, одетого не Петром III для службы народу, а кварталным надзирателем для царской службы... Вы еще не подумали, что значит голштино-аракчеевская, петербургски-царская демократия, скоро почувствуете вы, что значит красная шапка на петровской дубинке. Вы погибнете в пропасти, которую роете вместе с будочниками, и на вашей могиле <...> посмотрят друг другу в лицо – сверху лейб-гвардии император, облеченный всеми властями и всеми своевольями в мире, снизу закипающий, свирепеющий океан народа, в котором вы пропадете без вести» («VII лет», опублик. в «Колоколе» от 15 июля 1864 г.) [Герцен, т. 18, с. 242].

Красная (т.е. фригийская) шапка на петровской дубинке должна была напоминать о терроре по образцу якобинского – но не о благодетельном терроре, как это было у Белинского, а о терроре, гибельном для России.

Вторично «дубина» – уже не петровская – появилась в нашем политическом языке на исходе XX века.

26 октября 2000 г. парижская газета «Фигаро» опубликовала интервью с президентом РФ. На вопрос о свободе печати в России Путин ответил, что в 90-е годы «два или три человека, сколотив огромные состояния, завладели в непонятных условиях национальными СМИ. Они превратили их в инструменты своего могущества...» [Иванова, Горностаев].

«Я думаю скорее, – продолжал президент, – что государство держит в руках дубину, которая может ударить только один раз. Но по голове. Пока мы еще не использовали эту дубину. Мы ее только взяли в руки, и этого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание. Когда мы действительно рассердимся, мы без колебаний пустим ее в ход – недопустимо шантажировать государство. Если будет необходимо, мы уничтожим инструменты шантажа» [Путин, с. 14].

Непосредственными адресатами этого заявления были Борис Березовский и Владимир Гусинский, но многими оно было понято

как предупреждение любым независимым от государства СМИ. Позднейшие события лишь утвердили их в этом мнении. Интервью Путина способствовало распространению оборота «дубина (или: дубинка) власти».

Однако появился он еще до интервью Путина в «Фигаро», не позднее 1999 г.: «Дубинка власти (армия, внутренние войска, милиция) в руках главы государства, как показали события 3–4 октября 1993 г. и чеченская война (1995–1996 гг.), становится самым весомым аргументом» [Конституционное законодательство..., с. 147].

«Дубина власти» тоже действует избирательно, но с «дубинкой Петра Великого» общего у нее немного.

Список источников

- Вигель Ф.Ф. Записки. – М.: Университетская тип., 1891. – Ч. 1. – 240 с.
- Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 508 с.
- Галем Г.А., фон. Жизнь Петра Великого. – СПб.: Императорская тип., 1813. – Ч. 3. – 334 с.
- Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Академия наук СССР, 1954–1966.
- Голиков И.И. Деяния Петра Великого. – М.: Тип. Н. Степанова. – 1837–1843. – Т. 1–15.
- Градовский Г.К. Итоги. (1862–1907). – Киев: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1908. – 490 с.
- Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1987.
- Иванова Н., Горностаев Д. Власть взяла в руки дубину // Независимая газета. – М., 2000. – 27 окт. – С. 3.
- Конституционное законодательство России / Под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец, 1999. – 382 с.
- Кротов П.А. Рассказы Нартова о Петре Великом: (Русский исторический анекдот XVIII в.) // Вестник Росс. гуманит. науч. фонда. – 2014. – № 3. – С. 157–167.
- Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. – СПб.: Тип. Импер. Акад наук, 1891. – 138 с.
- Муромцев С.А. Разные заметки // Юридический вестник. – СПб., 1880. – № 3. – С. 675–678.
- Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). – СПб.: Ист. иллюстрация, 2001. – 160 с.
- Панаев И.И. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1988. – 442 с.
- Путин В.В. Президент о самом разном. – М.: Центрполиграф, 2017. – 144 с.

III. История политических формул и лозунгов

Раскина Е.Ю. Размышления у «непарадного подъезда» в День славянской письменности и культуры // Конгресс интеллигенции против войны, самоизоляции России, реставрации тоталитаризма [Сетевой ресурс]. – 2014. – 24 мая. – Режим доступа: <https://nowarcongress.com/blogs/149>

Ростопчин Ф.В. Ох, французы! – М.: Русская книга, 1992. – 334 с.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС: ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Фултонская речь

5 марта 1946 г. в городок Фултон (штат Миссури) прибыл президент США Гарри Трумэн вместе с Уинстоном Черчиллем, который менее года назад утратил пост премьер-министра Великобритании. Единственной достопримечательностью Фултона, не считая психиатрической больницы, был Уистминстерский колледж, присвоивший Черчиллю степень почетного доктора. По этому случаю он произнес речь, которую историки назвали Фултонской. Именно здесь прозвучала фраза:

«От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой» [Knowles, с. 216].

Эту речь Черчилль назвал «самой важной» в своей карьере [Wright, p. 45, со ссылкой на дневник пресс-секретаря Гарри Трумена Чарлза Росса].

В исторической литературе уже отмечалось, что в действительности крайней северо-западной точкой советской экспансии был тогда не Штеттин (Щецин), а полуостров Привалль близ Любека, в 250 км западнее Штеттина. Здесь находился контрольно-пропускной пункт между советской и западной зоной оккупации Германии. Как предположил британский исследователь Патрик

Райт, выбор Штеттина (Щецина) был обусловлен фонетическими соображениями: в зачине речи в четырех топонимах семикратно повторяется звук «т» («From Stettin in the Baltic to Trieste in the Adriatic...») [Wright, p. 43].

Черчилль действительно придавал огромное значение риторическому оформлению своих речей. Но любопытно, что формула «от Штеттина до Триеста» как обозначение западного рубежа российской экспансии встречалась столетием раньше. Мы находим ее у Фридриха Энгельса: «...оказалось бы, что естественная граница России идет от Данцига или Штеттина до Триеста» (из статьи «Британская политика...», опубликованной в «Нью-Йорк дейли трибюн» 12 апреля 1853 г.) [Маркс, Энгельс, т. 9, с. 15].

В книге основателя геополитики, британского политика-консерватора Холфорда Макиндера «Демократические идеалы и реальность» (1919) граница между Западной и Восточной Европой проходит от Адриатики к Северному морю, разделяя Германию надвое, причем Берлин и Вена оказываются в Восточной Европе [Wright, p. 155; Mackinder, 154–155].

Метафору «железный занавес», а также выражения, близкие к ней, Черчилль неоднократно использовал с марта 1945 г. 16 марта 1945 г. он пишет Франклину Рузвельту: «В настоящее время нашим представителям совершенно закрыт доступ в Польшу. Непроницаемая завеса [An impenetrable veil] опустилась над этой сценой» [Churchill, 1953, p. 429].

1 апреля 1945 г. Черчилль пишет Сталину: «Мы не понимаем, почему над польской сценой должна быть опущена такая завеса секретности (a veil of secrecy should thus be drawn over the Polish scene)». В сглаженном русском переводе: «Мы не понимаем, почему положение в Польше должно быть окутано такой тайной» [Переписка Председателя Совета Министров, т. 1, с. 314].

Уже после Фултонской речи, в телеграммах Черчилля Г. Трумэну от 12 мая и 4 июня 1945 г. читаем: «Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него»; «Между нами и всем тем, что находится восточнее, опустится железный занавес» [Черчилль, 1948–1955, т. 6, с. 542, 570].

16 августа 1945 г. Черчилль заявил в Палате общин: «Возможно, трагедия чудовищного масштаба разворачивается за железным занавесом, который в настоящий момент разделяет Европу

надвое». Речь шла о бегстве немецкого населения с территорий, включенных в состав СССР и Польши [Wright, p. 353].

Наконец, в речи 4 августа 1947 г., прочитанной в Блейнхемском дворце, Черчилль сказал: «Пусть солнце светит по обеим сторонам железного занавеса; и когда оно будет светить по обеим сторонам одинаково ярко, занавеса больше не будет. Он исчезнет, как утренний туман, и растает в теплом свете счастливых дней и безоблачной дружбы» [Churchill, 1950, p. 118].

Очень скоро историки и филологи занялись родословной «железного занавеса». В журнале «Notes and Queries» с января по август 1948 г. появились три заметки о более ранних случаях использования этого выражения [Wright, p. 60].

В мае 1951 г. Черчиллю было прислано новое издание «American College Dictionary». В сопроводительном письме главный редактор словаря Джесс Стейн замечал, что обычно выражение «железный занавес» приписывается Черчиллю, хотя существует «некоторое число других теорий о происхождении этого оборота». Поэтому Стейн спрашивал, встречалось ли это выражение Черчиллю до его Фултонской речи. В письме Стейну от 17 мая личный секретарь Черчилля передал его ответ: «Нет, я не слышал этого выражения раньше – хотя каждый слышал о “железном занавесе”, который опускают в театре» [Wright, p. 61].

Тем не менее, как будет показано ниже, есть серьезные основания полагать, что тут Черчиллю изменила память и выражение «железный занавес» было известно ему до Фултонской речи.

1915–1916: рождение метафоры

В театрах железный занавес появился с конца XVIII в., сначала во Франции. В 1794 г. железный занавес (iron curtain) был установлен в новом здании лондонского театра Друри-Лейн. Уже в 1819 г. это выражение встречалось в переносном смысле: «...Мы пересекли реку Бетва, и словно железный занавес опустился между нами и ангелом мщения; смертность [от холеры] пошла на убыль» (Джордж О. Фицкларенс, «Журнал путешествия через Индию и Египет в Англию») [Fitzclarence, p. 58].

Однако переносное значение вплоть до начала XX в. встречалось редко; следующий пример в английских словарях датируется 1904 годом: «...он отрезан от внешнего мира как бы железным занавесом» (роман Г. Уэллса «Пища богов», III, 4; пер. Н. Галь) [Уэллс, т. 3, с. 300].

Рождение «железного занавеса» как политической метафоры было связано с Первой мировой войной. Ее первое появление в печати обнаружил уже в XXI в. упоминавшийся выше Патрик Райт. Речь идет об эссе английской писательницы Вернон Ли «Рождественская музыка Баха в Англии и Германии», опубликованном в № 1 лондонского ежемесячника «Jus Suffragii» («Избирательное право», *лат.*) за 1915 г.; номер вышел с датой 1 января.

Вернон Ли (настоящее имя Вайолет Паже (V. Paget), 1856–1935) известна прежде всего своими эссе об искусстве. В числе ее друзей были Оскар Уайльд, Бернард Шоу и Генри Джеймс. Ли играла видную роль в движении суфражисток и придерживалась пацифистских взглядов. Журнал, в котором она напечатала свое эссе, был органом Международного альянса за избирательные права женщин.

В эссе Вернон Ли «железный занавес» понимается прежде всего как психологический барьер между населением воюющих блоков – барьер, созданный «пропагандой ненависти» с обеих сторон. Этой ненависти противостоит великая европейская культура, олицетворяемая музыкой Баха, которую автор статьи слушает в лондонской церкви Темпл: «Никогда еще мы и они не были так близки, так похожи и так сродни друг другу, как в эту минуту, когда военные жестокости и взаимные обвинения – этот ужасный железный занавес Войны (War's monstrous iron curtain) – так безнадежно отрезали нас друг от друга» [Wright, p. 390. В Приложении I к настоящей статье дается полный перевод этого эссе].

В том же году эссе было перепечатано в бостонском еженедельнике «Christian Register» – органе Американской ассоциации унитариев; с этим изданием Ли эпизодически сотрудничала. В 1917 г. пацифистская организация «Международная женская лига мира и свободы» опубликовала эссе Вернон Ли в Лондоне в виде листовки [Wright, p. 424].

Вскоре после окончания Первой мировой войны (ноябрь 1918) видные лейбористы – супруги Чарлз и Дороти Бакстон – еще

раз напечатали эту речь отдельным изданием [Wright, p. 153]. Бакстоны тесно дружили с супругами Филипом и Этел Сноуден, которые также были видными деятелями левого крыла лейбористов [Wright, p. 423]. Поэтому есть все основания полагать, что выражение «железный занавес», примененное Этел Сноуден в ее книге о Советской России 1920 г. (см. ниже), стало известно супругам Сноуден именно из эссе Вернон Ли.

В 1915–1916 гг. упоминания о «железном занавесе» появляются во Франции, США и Германии – вероятно, независимо друг от друга.

В марте 1915 г. французский романист Пьер Лоти (1850–1923), член Французской академии, посетил бельгийскую королевскую чету в приморском городке Де-Панн (Фландрия), который после оккупации немцами большей части Бельгии стал резиденцией короля Альберта. Его супруга Елизавета (1876–1965) по происхождению была баварской принцессой, однако пользовалась популярностью у бельгийцев и после начала войны. Сообщение Лотье об этом визите («Несколько слов, произнесенных Ее Величеством королевой Бельгии») появилось в парижском еженедельнике «L'Illustration» от 24 апреля 1915 г. и было перепечатано в ряде французских газет.

«Я, – пишет Лоти, – позволил себе напомнить, что баварцы в немецкой армии обеспокоены преследованиями бельгийской королевы»; они возмущены тем, что Чудовище (так Лоти именует кайзера) сделало детей королевы целью немецкой артиллерии. После паузы королева ответила: «Этому конец... Между ними и мною – железный занавес, который опустился навсегда (...rideau de fer qui est descendu pour jamais, *франц.*)» [Loti, p. 123].

Всего пять дней после публикации статьи Лоти метафора «железный занавес» появилась в американской печати, опять-таки в связи с мировой войной. 29 апреля 1915 г. чикагский журнал «The Dial» напечатал присланную из Нью-Йорка заметку «Литературные связи с Латинской Америкой», подписанную инициалами «С.Л.М.». Здесь говорилось: «Тропы интеллектуальной коммуникации ведут на Восток и на Запад. <...> Эта великая война, словно железный занавес, опущенный, чтобы отсечь охваченную пожаром сцену от публики в театральном зале (like an iron curtain dropping to cut off the conflagration on the stage from the audience in the

theatre), заметно нарушила наши связи с Европой...» [Litarey Reciprocity, p. 332].

В октябре того же 1915 г. в Нью-Йорке вышла книга Джорджа Уошингтона Крайла (1864–1943) «Механистический взгляд на войну и мир». Крайл был выдающимся хирургом и некоторое время заведовал хирургическим отделением Американского госпиталя в Нейи под Парижем. Именно здесь он написал основную часть своей книги.

В ее 4-й главе говорилось: «Сегодняшняя Германия представляет собой пример неизбежности следования устойчивым образцам поведения. Мы не можем обвинять ее, мы должны ее понять. Предположим, что в данный момент Канада обладает враждебным нам населением в двести миллионов человек, обученной шестимиллионной армией и цепью крепостей вдоль границы; предположим, что Мексика – богатое, культурное и воинственное государство с сорокаmillionным населением, глубоко укоренившейся обидой и железным занавесом на своих рубежах (an iron curtain as is frontier). Предположим, что Куба – богатейшая в мире страна, которая владеет пятой частью земной суши и является неоспоримой хозяйкой морей. Предположим далее, что эти условия существуют в течение сорока четырех лет» [Crile, p. 69].

Понятно, что речь шла о державах Антанты – России, Франции и Великобритании. Однако неясно, что, собственно, имелось в виду под «железным занавесом», будто бы существовавшим на рубежах Франции в течение 44 лет. До 1914 г. Европа не знала ничего похожего на непроницаемые барьеры между государствами, включая Францию и Германию.

Затем «железный занавес» появился в германском официальном документе, хотя и секретном (в печать он попал в 1921 г.). 19 февраля 1916 г. рейхсканцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег составил «Меморандум о подводной войне» («U-Boot-Denkschrift»). Здесь были подвергнуты критике ожидания, которые военное командование возлагало на «подводную войну». Рейхсканцлер считал необоснованным «предположение, что в результате подводной войны Англия будет отделена от остального мира словно бы железным занавесом (durch einen eisernen Vorhang)» [Bethmann Hollweg, S. 266].

Межвоенный период

В России метафора «железный занавес», вероятно, впервые появилась в миниатюре Василия Розанова «La Divina Commedia» («Божественная комедия»), опубликованной летом 1918 г. Здесь она связана не с мировой войной, а с большевистским переворотом:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историю железный занавес.

– Представление окончилось.

Публика встала.

– Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

(«Апокалипсис нашего времени», вып. 8–9) [Розанов, с. 522].

Легко заметить, что у Розанова «железный занавес» – не пространственная, а временная метафора: занавес символизирует не изоляцию России от остального мира, а непоправимый разрыв между двумя эпохами.

Литературовед П.В. Палиевский в авторитетной «Розановской энциклопедии» утверждал, что розановское выражение «железный занавес» вошло в обиход «через десятилетия, <...> с забвением источника и <...> подменой смысла» [Палиевский, стб. 1230].

Мнение об авторстве Розанова распространено весьма широко; его можно встретить даже во французской Википедии. Между тем, как было показано выше, уже в 1915–1916 гг. «железный занавес» появляется в качестве политической метафоры сразу в трех европейских языках. Справедливо лишь то, что Розанов, вероятно, первым применил эту метафору к Советской России. Случаи использования этой метафоры в Англии и США едва ли были ему известны. Однако нельзя совершенно исключить упоминания в русской печати 1915 г. о словах Елизаветы Баварской, приведенных Пьером Лоти: «Между ними и мною – железный занавес, который опустился навсегда».

Имя Розанова в соседстве с «железным занавесом» появляется в 1920-е годы у Зинаиды Гиппиус, правда, не в розановском значении: «Когда [ок. 1903 г. – К. Д.] приподнялся “железный занавес”, стали архиереи приезжать [из Александро-Невской Лавры]

“в Петербург”, на Собрание» (Эссе «Задумчивый странник. (О Розанове)» [Гиппиус, 1924, с. 36].

Вторым, вслед за Розановым, автором, применившим метафору «железный занавес» к Советской России, был немецкий журналист Карл Иоганн фон Восс, писавший под псевдонимом Ганс Ворст. С лета 1918 г. он был корреспондентом газеты «*Berliner Tageblatt*» в Москве.

4 января 1919 г. в американском еженедельнике «*Living Age*» под заглавием «Нынешняя Россия глазами немца» была опубликована (в переводе) статья Ворста, взятая из «*Berliner Tageblatt*». Дата оригинальной публикации нам неизвестна, но, вероятно, это был конец 1918 г. Здесь говорилось: «...мы должны постараться заглянуть за железный занавес, отделяющий нас от будущего [России]» [Vorst. *Russia As the Germans...*, p. 21]. Заметим, что в этом будущем, согласно Ворсту, нет места большевикам: их ждет скорый конец.

В том же 1919 г. в Лейпциге вышла книга Ворста «Большевистская Россия». Здесь мы читаем: «...Для Восточной Европы снова опустился железный занавес над тем, что происходит в России (*der eiserne Vorhang über die russischen Ereignisse herab*)» [Vorst. *Das bolschewistische Russland*, S. 229].

В позднейшей литературе высказывалось предположение, что Ворст мог позаимствовать эту метафору у Розанова. Однако значение «железного занавеса» у Ворста в обоих случаях сильно отличается от розановского: в первом случае речь идет о будущем России после неизбежного краха большевиков, во втором – о барьере между Советской Россией и Восточной Европой.

В мае 1919 г. Советскую Россию посетила английская рабочая делегация, в составе которой были Этел Сноуден и Ричард Бакстон. В 1920 г. в Лондоне вышла книга Этел Сноуден «Через большевистскую Россию». «В самом Петрограде, – вспоминала Сноуден, – нас встречала большая компания, хотя это было в три часа ночи, и нам сказали, что огромная толпа весь день слонялась по вокзалу в ожидании нашего приезда в надежде получить представление о чужестранцах из Англии. Нас сразу повезли на квартиру, приготовленную для нас в особняке русской принцессы, и там в четыре утра мы сели за простой, но сытный завтрак, и выслушали приветствие представителей профсоюзов, которые долж-

ны были опекать нас во время нашего пребывания. Наконец-то мы были за “железным занавесом”!» [Snowden, p. 31–32].

Здесь «железный занавес» означает блокаду Советской России со стороны держав Антанты и их союзников.

Семь лет спустя, 21 октября 1927 г., в еженедельнике «The New Leader», органе Независимой лейбористской партии, была опубликована статья Чарлза Бакстона, недавно вернувшегося из Советской России. Статья называлась «За российским занавесом» («Behind Russia's Curtain»), а в ее начале цитировался фрагмент о «железном занавесе» из эссе Вернон Ли – еще одно свидетельство того, что оно не было забыто в леволейбористских кругах [Wright, p. 17, 444].

После Версальского мирного договора (1919) выражение «железный занавес» и родственные ему обороты неоднократно применялись к послевоенной Германии, оказавшейся в политической и экономической изоляции. Американский финансист Бернанд Барух, участвовавший в работе Версальской мирной конференции, писал: «Франция твердо решила установить непроницаемую стену [an impregnable wall] – экономическую, географическую или то и другое вместе – против будущего германского вторжения» [Baruch, p. 2].

В близком смысловом ряду стояло выражение «санитарный кордон». Этот кордон должен был состоять прежде всего из новых государств, расположенных между Германией и Россией, изолируя большевистскую Россию с запада, а Германию с востока. В передаче Дороти Бакстон: «комбинированный антибошевский и антибольшевистский барьер» («a combined anti-Boch and Bolshevik Barrier») (обозрение «Иностранные мнения» в «Cambridge Magazine» от 4 января 1919 г.) [Wright, p. 181, 433].

21 января 1919 г. премьер-министр Италии Витторио Орландо заявил на Парижской мирной конференции: «Обычно, чтобы остановить распространение эпидемии, устанавливают санитарный кордон. Если принять подобные же меры против распространения большевизма, он мог бы быть побежден, ибо изолировать его – значит победить» [Черчилль, 1932, с. XVII].

Впервые «санитарный кордон» («un cordon sanitaire», *франц.*) как выражение политического языка появилось в 1820 г., когда на границе с Испанией, охваченной революцией, был раз-

мешен французский корпус под предлогом защиты от эпидемии желтой лихорадки. Позднее этот корпус был использован для подавления революции. В 1-й половине XIX в. выражение «санитарный кордон» использовалось в значении, близком к первоначальному значению «железного занавеса», – не как барьера между двумя системами, а как ограждения от революции в конкретной стране, например Бельгии или Польше.

В 1919 г. Ленин в том же значении использовал выражение «китайская стена». 7 марта 1919 г. он принял в Кремле британского журналиста Артура Рэнсома. «Я, – пишет Рэнсом, – заговорил об общем возмущении, с которым будет встречена попытка большевиков вести пропаганду за границей. – “Скажите им, – проговорил Ленин, – чтобы они выстроили китайскую стену вокруг своих государств. У них есть свои границы, свои таможенные досмотрщики, своя береговая стража. Они могут, если пожелают, изгнать из своей страны всех большевиков. Революция не зависит от пропаганды”» [Рэнсом, с. 107].

Вариацией оборота «санитарный кордон» можно считать выражение Франклина Рузвельта «карантин для агрессоров» (*quarantine the aggressors*). Выступая в Чикаго 5 октября 1937 г., Рузвельт заявил: «Эпидемия беззакония в международных отношениях ширится. Когда начинает распространяться эпидемия телесных болезней, общество санкционирует <...> карантин зараженных, чтобы уберечь себя от распространения заразы» [Bartlett, p. 698]. Имелась в виду международная изоляция «держав Оси» – Германии, Италии и Японии.

В 1923 г. Вальтер Николаи, возглавлявший германскую разведслужбу в годы мировой войны, издал мемуарную книгу «Тайные силы». Бросая ретроспективный взгляд на канун мировой войны, он утверждал: «Чем яснее знакомство с вражеским шпионажем обнаруживало планомерную подготовку к войне, тем яснее становилось и то, что в случае войны вражеское кольцо изолирует Германию от остального мира как бы железным занавесом» [Nicolai, S. 39]. Вероятней всего, это было пророчество задним числом, на самом же деле речь шла о международном положении послеверсальской Германии.

28 декабря 1923 г. правоцентрист Поль Рейно во французской Палате депутатов заявил, что невозможно вынуждать Герма-

нию платить репарации и в то же самое время «опускать железный занавес на границах неоккупированной зоны Германии». Это не только превращает оккупированную Рейнскую область в «порт, лишенный внутренних районов», но также чревато «вечной ненавистью» и, возможно, «реваншистской войной» [Wright, p. 222].

Выражение «железный занавес» неоднократно встречается в дипломатической переписке и дневнике британского посла в Германии Э.В. д'Абернона за 1923–1925 гг. В феврале 1923 г. он предложил только что созданному лейбористскому правительству Рамсея Макдональда создать в Рейнской области демилитаризованную зону, которая стала бы «железным занавесом между сценой и аудиторией», т.е. между Германией и Францией. В сентябре 1924 г. д'Абернон информировал Макдональда, что идея «обоюдного железного занавеса», по-видимому, приемлема для министра иностранных дел Германии Густава Штреземана. 10 декабря 1924 г., уже при новом, консервативном правительстве, д'Абернон возобновил идею «железного занавеса» в виде демилитаризованной зоны [Wright, p. 222–223, 225].

Попутно заметим, что У. Черчилль, пристально следивший за германской политикой, был знаком с д'Аберноном [Wright, p. 351]. Он также был знаком с Ч.Р. Бакстоном и Ф. Сноуденом, упоминавшимися выше в связи с рождением метафоры «железный занавес».

В 1933 г. оборот «железный занавес» был вынесен в колонтитул одной из страниц посмертного сборника работ Густава Штреземана; здесь речь шла о дипломатических событиях 1928 г. [Stresemann, S. 327].

В 1938 г. газета «Известия» сообщала: «Немецкий официальный журнал “Дейтше вер”, орган военного министерства, печатает статью некоего полковника Фридриха Свободы, в которой доказывается, что Чехословакия – это “мина, заложенная в сердце Европы”, Германия – “ядро кристаллизации”, а Польша – “железный занавес, отделяющий Европу от большевизма”» [По столбцам иностранной печати, 1938].

13 января 1930 г. в «Литературной газете» появилась крайне любопытная корреспонденция Льва Никулина из Парижа, озаглавленная «Железный занавес». К этому времени советские власти резко ограничили культурный обмен с Западом, который и ранее

был под жесточайшим контролем. Никулин – разумеется, в максимально осторожной форме – подверг сомнению этот курс:

«Когда на сцене пожар, сцену отделяют от зрительного зала железным занавесом. С точки зрения буржуазии в Советской России двенадцать лет длится пожар. Изю всех сил нажимая рычаги, там стараются постепенно опустить железный занавес, чтобы огонь не перекинулся в партер. С буржуазной точки зрения это понятно, но непонятно, когда с нашей стороны азартные и маломысленные люди пытаются также нажимать рычаги и опустить этот же занавес, железный занавес между Советским Союзом и Западной Европой». (Полный текст см. в Приложении II.)

Это, вероятно, единственный случай, когда в советской печати намекалось на сооружение советскими властями «железного занавеса» между СССР и Западом, пусть даже речь шла только о сфере культуры.

На статью Никулина откликнулась Ек. Кускова, сотрудница главной эмигрантской газеты «Последние новости», в заметке под тем же заглавием «Железный занавес». Особого интереса этот отклик не представлял: «железный занавес» Кускова рассматривает прежде всего как культурную изоляцию (а не самоизоляцию) Советской России, вызванную резко ослабевшим интересом Европы к советской культуре. Никулин упомянул о статье Кусковой пять лет спустя в журнале «Молодая гвардия» [Никулин, 1935, с. 94].

И все же первичное, неполитическое значение термина в межвоенные годы по-прежнему преобладало. Книга немецкого писателя Эриха Клаудиуса «Железный занавес» (1938) была не политическим трактатом, а романом из театральной жизни.

«Железный занавес» между Востоком и Западом

Высказывания о «железном занавесе» начиная с 1915 г. оставались лишь эпизодами, да и сам «занавес» означал в них не одно и то же. Положение изменилось в конце Второй мировой войны.

18 февраля 1945 г. в нацистском еженедельнике «Das Reich» («Рейх») была опубликована корреспонденция из Лиссабона, озаглавленная «За железным занавесом» и подписанная буквами «sl». Это был отклик на Московскую и Ялтинскую конференции держав-союзников:

«Железный занавес есть свершившийся большевистский факт; он опустился над Юго-Восточной Европой, несмотря на то что Черчилль перед выборами Рузвельта пошел на поклон в Москву. И, несмотря на конференцию трех держав, он неудержимо опускается над Восточной Европой за эйзенхауэровским фронтом. <...> Государственный департамент и Форин-офис состязаются в изыскании дипломатических трюков, чтобы создать у себя дома впечатление, будто железный занавес каким-то образом еще послужит западным державам, прежде чем вся Европа исчезнет за ним. <...> Однако за их спиной уже стоит московский режиссер следующего акта принуждения Англии и Америки к коммунизму» [Claus, 1945].

Именно здесь впервые появляется образ «железного занавеса» как барьера, которым СССР со своими сателлитами отгораживается от Запада. (Заметим, что следующая корреспонденция из Лиссабона называлась «Сталинский “новый порядок”».)

В 2015 г. в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» было названо – со слов военного историка Георга Мейера – имя лиссабонского корреспондента «Das Reich». Им оказался немецкий предприниматель Макс Вальтер Клаусс (1901–1988). В 1952 г. он опубликовал книгу «Путь к Ялте: Ответственность Рузвельта». Однако высказывалось предположение, что «железный занавес» появился в корреспонденции из Лиссабона не только с ведома Геббельса (иначе быть не могло), но и при его непосредственном участии.

Неделю спустя, 25 февраля, «Das Reich» опубликовал большую статью Геббельса «2000-й год» – печатный вариант его речи 22 февраля. Здесь министр пропаганды выступил в роли футуролога. Если Германия проиграет войну, утверждал он, СССР немедленно отгородит Восточную и Юго-Восточную Европу от остального мира «железным занавесом», «за которым начнется массовое избиевание народов, да еще, вероятно, под аплодисменты лондонской и нью-йоркской еврейской печати». Выживут лишь массы «рабочего скота», которые будут знать о западном мире лишь то,

что Кремль сочтет для себя полезным. В 1948 году, предрекает Геббельс, к власти в США придет республиканец-изоляционист. Он вернет американские войска домой, после чего СССР легко выиграет Третью мировую войну, подчинив себе всю Европу. «Железный занавес снова опустится над этой трагедией народов, масштабы которой будут еще более грандиозны» [Goebbels, 1945].

На другой день в лондонской «Таймс» (а также в «Манчестер гардиан») появилось подробное изложение этой статьи. Однако выражение «железный занавес» (eiserner Vorhang) было переведено как «железный экран» (iron screen) [Mieder, p. 56]. Сама возможность такой замены свидетельствует о том, что на этот момент политическая метафора «железный занавес» оставалось редкостью в английском языке.

14 марта 1945 г. Геббельс пишет в своем дневнике об «известной тактике Кремля» – «опускать железный занавес над страной в тот момент, когда Советы ее захватывают, чтобы иметь возможность вершить за этим занавесом свои страшные, кровавые дела» [Геббельс, 1978, с. 177].

30 апреля Гитлер покончил с собой. 1 мая его примеру последовал Геббельс, а 2 мая по радио выступил граф Шверин фон Крозиг – премьер-министр последнего правительства III рейха. В частности, он заявил: «На Востоке неумолимо продвигается вперед железный занавес, за которым мир не видит творящегося там опустошения» [Ham, S. 49]. В английской печати выражение «eiserner Vorhang» опять-таки было переведено как «железный экран».

Полгода спустя британский офицер и публицист Сент-Винсент Трабридж писал: «Но в настоящее время опустился железный занавес молчания, отрезав русскую зону от западных союзных держав» (статья «Занавес поперек Европы» в «Sunday Empire News» от 21 октября 1945 г.) [Ауто, p. 68].

3 декабря 1945 г. на заседании Совета по международным отношениям глава ЦРУ Аллен Даллес говорил: «Трудно сказать, что происходит [в советской зоне оккупации], но в целом русские ведут себя немногим лучше головорезов. Они уничтожили все ликвидное имущество. Немцам, которых полумертвыми гонят пешком в русскую зону, продуктовые карточки не выдаются. Железный занавес опустился над судьбами этих людей, и, по всей вероятности, их положение просто ужасно» [Wright, p. 352; Finkelman, vol. 2, p. 612].

До Фултонской речи оставалось три месяца.

14 марта 1945 г. «Правда» опубликовала интервью Сталина, посвященное Фултонской речи. Выражение «железный занавес» здесь не упоминалось. Однако Сталин не упустил случая уподобить Черчилля Гитлеру:

«По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. <...> ...Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира» [Сталин, 1945].

1 августа 1946 г. в «Правде» появился политический фельетон Давида Заславского «Лобызание Геббельса». Прочитывая слова Геббельса и Черчилля о «железном занавесе», Заславский резюмировал: «Совпадение полное: Черчилль повторил Геббельса. <...> Перед своим издыханием Геббельс словно напутствовал будущих антисоветских клеветников, дал им свой завет лжи, послал им последнее мерзостное лобызание. <...> И все, кто повторяет слова о “железном занавесе”, копируют гримасы гитлеровского кровавого шута» [Заславский, 1946].

Тезис о том, что «железный занавес» – изобретение Геббельса, стал общим местом советской контрпропаганды послевоенного десятилетия.

2 декабря 1946 г. А.Я. Вышинский, представитель СССР в ООН, выступил на митинге, организованном в Нью-Йорке Советом американо-советской дружбы. «“Железный занавес”, – заявил он, – это глупость, которую выдумал Геббельс, которую повторил Черчилль. Черчиллю, очевидно, не дают спать лавры Геббельса. Но действительно, о каком же железном занавесе можно говорить и какой же это может быть железный занавес, чтобы укрыть от взоров остального мира громадную страну, раскинувшуюся на 1/6 части земного шара, страну, насчитывающую почти 200 миллионов людей, страну, которую каждый год посещают тысячи и тысячи иностранцев. <...> Если уж на то пошло, то мы заинтересованы в том, чтобы не

опускались железные занавесы против правды о Советском Союзе в других странах» [Внешняя политика Советского Союза, с. 547].

Своего рода «нашим ответом Черчиллю» стало выражение «бархатный занавес» применительно к западным странам. 15 июля 1946 г. «Правда» напечатала статью своего международного обозревателя Бориса Изакова «За бархатным занавесом». В статье обличались «порочные порядки» «за британским бархатным занавесом». Заканчивалась она словами: «Тяжелые складки бархатного занавеса скрадывают звуки выстрелов, человеческие стоны, ропот недовольства, – скрадывают, но не могут заглушить» [Изаков, 1946].

В 1949 г. литературный обозреватель журнала «Звезда» писал: «За бархатным занавесом в кабинетах премьеров, министров, послов готовятся тайные заговоры против мира и человечества» [Петров, № 2, с. 137].

Советские пропагандисты, по-видимому, не обратили внимание на статью в «Boston Sunday Post» от 20 марта 1949 г., где речь также шла о «бархатном занавесе», причем в контексте, критическом по отношению к американским порядкам. Томас Джозеф Лэйн, конгрессмен-демократ от штата Массачусетс, поместил эту статью в письменном дополнении к своей речи в Палате представителей от 22 марта 1949 г.

Статья начиналась напоминанием о Фултонской речи Черчилля. «Железный занавес», поясняет автор, это «занавес, которым она [Россия] отгораживается от капитализма и который служит ей стеной на случай, если демократические государства не потерпят дальнейших провокаций»; а кроме того, это «завеса, за которой кроются происки против соседних стран». Далее автор переходит к теме расовой сегрегации в США на конкретном примере: раздельное питание пассажиров поездов, проходящих через южные штаты. Вагон-ресторан разделен на две части черным бархатным занавесом: по одну его сторону обедают белые, по другую – черные. Завершалась статья словами: «Мне не нравится железный занавес в Европе. Мне не нравится бархатный занавес на нашем Юге. <...> Нашему бархатному занавесу тоже придет конец».

Заметим еще, что с конца 1940-х годов в англоязычной печати нередко встречались выражения «кактусовый занавес» (по отношению к Мексике и коммунистической Кубе) и «бамбуковый занавес» (главным образом по отношению к коммунистическому Китаю).

18 октября 1988 г. Джордж Буш-старший в Вестминстерском колледже заявил: «Хотя железный занавес, возможно, все еще может простираться от Штеттина до Триеста, это ржавый занавес. Потоки света с нашей, западной стороны, свободной и процветающей, пронизывают мрак отчаяния и обнаруживают обрушение коммунизма на другой стороне» [Unger, p. 107].

6 мая 1992 г. экс-президент СССР Горбачев выступил в Фултоне. Эту речь Патрик Райт называет «формальным завершением» цикла, начатого Фултонской речью Черчилля [Wright, p. 54]. Горбачев, между прочим, заметил, что «именно здесь [в Фултоне] впервые были произнесены слова “железный занавес”» [Wright, p. 55]. Тут он разделял заблуждение, распространенное по сей день.

Бронзовая стена в роли железного занавеса

Среди отдаленных предшественников «железного занавеса» следует упомянуть о французском выражении «бронзовая стена» (*un mur d'airain*). В словаре Э. Литтре (1873) дается определение: «Бронзовая стена, непреодолимый барьер» [Littré, p. 97].

У этого выражения могли быть два источника – античный и библейский.

В «Посланиях» Горация, I, 1, 60 читаем: «*Nic murus aeneus esto*» – «Да будет здесь медная стена» (т.е. несокрушимая ограда) [Душенко, Багриновский, с. 254].

В Ветхом Завете (Иер., 1:18–19) Бог говорит пророку Иеремии:

И вот, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом и медною стеною [в Вульгате: *in murum aereum*] на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей.

Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя <...>.

В посмертно изданных «Размышлениях и афоризмах...» Антуана де Ривароля (1753–1801) читаем: «Основополагающая мысль иудаизма состоит в том, что Бог предпочел евреев остальным народам. С помощью одной этой идеи Моисей воздвиг бронзовую стену [*un mur d'airain*] между своей нацией и всеми другими» (пер. Ю. Корнеева и Э. Линецкой) [Rivarol, p. 44; Размышления и афоризмы..., с. 488].

Несколько позднее Бенжамен Констан писал: «Чтобы удушить свободу печати, Бонапарту потребовалось воздвигнуть бронзовую стену между нами и Англией» («О свободе брошюр, памфлетов и газет», 1814) [Constant, p. 71].

В обоих процитированных выше примерах значение «бронзовой стены» весьма близко к позднему значению «железного занавеса».

В книге Гуайе-Ленже «Дух французского языка» (1846) среди примеров употребления выражения «mur d'airain» дается: «Воздвигнуть бронзовую стену между прошлым и будущим» («Elever un mur d'airain entre le passé et le présent») [Goyer-Linguet, p. 26].

О «бронзовой стене между прошлым и будущим» писали различные авторы 1-й половины XIX в. Это значение появилось после Реставрации Бурбонов в 1814 г., и оно весьма близко к розановскому значению «железного занавеса», который «опускается над Русскою Историею».

Приложение I

Вернон Ли РОЖДЕСТВЕНСКАЯ МУЗЫКА БАХА В АНГЛИИ И ГЕРМАНИИ

(Опубл. в журн.: Jus Suffragii. – London, 1915. – № 1.

Перевод по тексту в книге: Patrick Wright. Iron Curtain: From Stage to Cold War. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – P. 389–390.)¹

Я пришла в церковь Темпл в канун Рождества ради музыки Баха. Двухнефный храм, залитый мерцающим светом, был заполнен старыми и пожилыми мужчинами и женщинами всех возрастов, с вкраплениями новобранцев, которых привели – быть может, на их последнее Рождество в этом мире, – их матери, сестры, возлюбленные. Все они (но, возможно, так видели мои собственные

¹ При переводе этой статьи я воспользовался советами сотрудницы Отдела культурологии ИНИОН РАН Т.А. Фетисовой, за что выражаю ей свою благодарность.

глаза и мое сердце) казались столь непохожими на себя самих из прежних, беззаботных времен – серьезные, искренние, осознающие значение совершающегося.

При первых же резких звуках органа, разорвавших завесу безмолвной молитвы, мне открылось – как разрыв в облаках вдруг открывает глубину торжественного лунного неба, – что и *Там*, за морем и бездной войны, в сотнях церквей страны Баха (я вижу лейпцигскую церковь Св. Фомы, где он служил кантором, и церковь его родного Эйзенаха), в эту же самую минуту такие же толпы, как в Темпле, слушают ту же Рождественскую Музыку. *Там* тоже пожилые мужчины, стоящие сзади, и множество женщин, старых и молодых, и вкрапления новобранцев, приведенных в церковь на Рождество – быть может, последнее у себя дома и на земле. Толпы молящихся, как те, что в молчании преклонили колени вокруг меня и молят об одной и той же милости: «Даруй нам, Господи, силу пережить эти горестные времена или, если так суждено, умереть ради чего-то. Боже, читающий в наших сердцах, не допусти, чтобы мы были раздавлены в этой войне, которую развязали не мы: научи нас прощать жестокий народ, ненавидящий нас; даруй нам мир, который останется навсегда нерушимым. Прости нам, даруй нам избавление; помни, Отец наш, о мире людям доброй воли, обещанном Твоим Сыном».

Нечто подобное, выраженное в словах или нет, находит исход в непролитых слезах и заглушенных рыданиях во всех этих коленопреклоненных толпах, за этими закрывающими лицо руками, по этой стороне и по той, там, где мелководные моря и бездонный океан страха и ненависти. Эти английские и эти немецкие толпы роднят одни и те же надежды, молитвы и слезы; даже не сознавая того, они объединены одной и той же мелодической секвенцией, тем же гармоническим узором, с помощью которого вот уже двести лет этот давно умерший, но бессмертный лейпцигский органист связывает, сближает и улавливает наши души, чтобы возвысить их, просветлить, заключить в объятия, слить воедино перед лицом нового рождения, вечного возрождения, Надежды Мира.

Они думали и чувствовали одно и то же, эти немецкие и эти английские толпы. Они были инструментом, на котором в полном согласии играли Бах с его мелодиями и контрапунктами и безжалостные руки нашего общего бедствия. Те же тональности – ге-

роические, покорные судьбе или полные отчаяния; пожалуй, печальней всего – краткие моменты будто бы бодрости; а над всем этим, выше любых индивидуальных, любых видимых различий, – ускользающие от анализа гармонии коллективной скорби.

Они, эти немецкие женщины, как и английские, пришли, чтобы найти покой в этой церкви и этой музыке после дня, проведенного в госпиталях, благотворительных учреждениях и комитетах. И они привели с собой новобранцев – своих детей или возлюбленных, которые, возможно, в последний раз у себя дома; привели их либо по старой привычке мирного времени, либо потому, что здесь, в церкви, люди могут быть ближе друг к другу без гнетущего страха перед словами и взглядами, бок о бок, в объятиях музыки и Бога. А когда служба кончится, многие из этих женщин, немецких или английских, вернутся в свои дома, зажгут рождественскую елку, достанут бумажные колпаки, вынут из хлопушек конфеты и будут смеяться и играть: пусть хоть дети забудут о войне и помнят лишь, что снова родился младенец Христос. Одни и те же бремена были принесены в церковь, выражены в молитве и музыке, на немецком или английском; одни и те же бремена были снова возложены на себя. Никогда еще мы и они не были так близки, так похожи и так сродни друг другу, как в эту минуту, когда военные жестокости и взаимные обвинения – этот ужасный железный занавес войны – так безнадежно отрезали нас друг от друга.

Сверх того, нас объединяло общее ощущение Рождества. Символично было уже то, что каждый из нас в отдельности знал, как бесконечно много на свете того, что мы можем чувствовать вместе. И младенец Христос, которому все мы, без различия веры, пришли поклониться, не родился однажды, но рождается вечно, все снова и снова. Он лежит в вечной колыбели – воплотившаяся, безгрешная надежда каждой страны и каждого поколения. И Он – наш Искупитель, потому что каждая новая жизнь, подобно каждому новому дню после зимнего солнцестояния или зерну, прорастающему в зимней борозде, есть искупление нашего Настоящего нашим Будущим, избавление от отчаяния, которое дарует Надежда. Вражда умирает и забывается, она случайна, непостоянна, бесплодна и противостоит зерну жизни. Но мир и добрая воля на земле ро-

ждаются вечно – они рождаются из неумирающих потребностей нашей общей человеческой природы.

Вот что возвещает рождественская музыка Баха, ее космические громовые раскаты, умиротворяемые пасторальными флейтами; вот о чем говорит давно умерший немецкий кантор нам, слушающим его англичанам; и его послание возвращается к его соотечественникам, объединенным с нами в слушании, печали и надежде.

Приложение II

Лев Никулин ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

(«Литературная газета», 13 января 1930 г., с. 1)

По разным обстоятельствам я нахожусь около года за границей. Я был за границей и три года назад, но в эту поездку для меня стало ясно, что реакционные силы на Западе достигают некоторых успехов в попытках изолировать Западную Европу от влияния советской культуры.

Был такой период времени, когда буржуазная печать кокетничала объективной точкой зрения в своих отзывах о советах. Это замечалось даже в эмигрантской печати. Эмигрантские критики как бы серьезно и объективно писали о пролетарских писателях и попутчиках. Борис Зайцев грустно жаловался на то, что надо притвориться молодым советским писателем и тогда тебя переведут на иностранные языки.

Сейчас с эпохой благожелательного внимания кончено. С одной стороны, в эмигрантской печати есть стремление втянуть в свою орбиту некоторых писателей, но те, кого они считают безвозвратно утерянными, разжалованы и подвергнуты жестокому обстрелу. Истерический Осоргин, с некоторого времени произведший себя из фельетонистов в писатели, в позе сходящего в гроб Державина благословляет некоего харбинского Всеволода Иванова (есть такой однофамилец у Вс. Иванова), выпустившего какой-то «Роман молодой души». Расхвалив молодую душу из Харбина,

Осоргин заодно низводит в «средние советские беллетристы» настоящего Всеволода Иванова. Нам собственно безразлично, что думают о советской литературе в салоне Марь-Ванны из Пассей, пусть читают Берберовых, Одоевцевых и Куприных, но замалчивание и низведение с завоеванных высот советской литературы и искусства – это общая линия всей буржуазной печати. Из переведенных на французский язык книг Бабеля, Иванова, Федина, Гладкова, Сейфуллиной, Катаева, Неверова сравнительно прилично приняли только «Ташкент город хлебный».

И некоторый успех имел юмористический роман «Двенадцать стульев». Наконец, недавно оракул эмиграции П.Н. Милоков на докладе в Праге изрек и припечатал как неоспоримый факт, что «советская литература и наука деградирует».

Буржуазная печать расходится в миллионах экземплярах. Одинокие попытки «Monde» Барбюса не могут разрушить этого быстро зреющего заговора молчания. И не всегда этот журнал обнаруживает правильную и здоровую точку зрения на вопросы, волнующие наших друзей и товарищей по эту сторону границы. История с книгами Истрати, его ответное письмо на заявление советских писателей – факт, о котором не может быть у честного человека двух точек зрения, чрезвычайно странно, мягко сказать, неясно освещена была в журнале «Monde».

На кого же может ориентироваться друг советской культуры здесь, за границей?

У пролетариата есть коммунистическая печать. Эта печать в силу своих боевых задач не может уделять много места советскому культурному фронту. Она может только коротко осведомлять и давать краткую информацию о том, что делается в области культуры в единственном пролетарском государстве. Таким образом наши друзья и, так сказать, попутчики советской культуры на Западе предоставлены сами себе.

Не только советская литература, но лучшие советские фильмы с трудом прокладывают себе дорогу среди уголовно-полицейской и эротической чепухи. Они имеют сравнительно небольшую прессу по сравнению хотя бы с каким-нибудь «Эротиконом» чешской продукции или антисоветским, псевдоисторическим польским фильмом «Маруся». Впрочем, с фильмами дело обстоит еще более или менее благополучно. Приезд Эйзенштейна, Александрова и Тиссе, приезд

Инкижинова в момент успеха в Париже «Потомка Чингиз-хана» сломали лед. Архибуржуазные, развязнейшие киноеженедельники, имеющие очень большой тираж, не смогли замолчать побед советского кинематографа. Сто человек, присутствовавших на просмотре «Генеральной линии», представляли действительно лучшее и передовое в литературе, живописи и кинематографии, что есть во Франции.

В области театра всегда вызывает особое внимание приезд Мейерхольда; Таирова и отдельных актеров, но в области литературы уже два-три года тянется полоса затишья. Между тем в свое время и здесь было проявлено особое внимание во время приезда Маяковского, Бабеля, Федина и др. Тот сравнительно небольшой интерес, который вызвали в латинских странах и в Англии книги советских писателей, надо связать именно с приездом некоторых советских писателей. В эти дни умолкали такие выдающие[ся] знатоки советской литературы, как Осоргин и Андрей Левинсон, и на страницах здешних литературных газет говорили советские и их интервьюеры. Например, даже то обстоятельство, что Эренбург живет в Париже и книги его переводят на европейские языки, облегчает проникновение советской литературы на Запад.

Но печальное обстоятельство заключается в том, что лучшие советские книги не имеют большой прессы, печатаются в ограниченном тираже, в пяти тысячах экземплярах, «жалкие пять тысяч», как выражаются французы. Нужно сказать прямо: то обстоятельство, что советские писатели в последнее время редко появляются или совсем не появляются за границей, вредит нашему делу на Западе. Дело не в том, к какому литературному крылу будет принадлежать писатель, дело в его присутствии. Наконец, надо опровергнуть ходячее, пущенное нашими врагами утверждение «не пускают». «Не пускают» потому, мол, что боятся «перебежчиков». Среди советских писателей не было и не будет перебежчиков.

Когда на сцене пожар, сцену отделяют от зрительного зала железным занавесом. С точки зрения буржуазии в Советской России двенадцать лет длится пожар. Из всех сил нажимая рычаги, там стараются постепенно опустить железный занавес, чтобы огонь не перекинулся в партер. С буржуазной точки зрения это понятно, но непонятно, когда с нашей стороны азартные и маломысленные люди пытаются также нажимать рычаги и опустить этот же

занавес, железный занавес между Советским Союзом и Западной Европой. Об этом я думал, когда в свое время прочел отрывки из статьи В.Д. Зозули, в которых говорится о заграничных поездках наших писателей и очерках. Я сам написал книгу таких очерков. В таких случаях пристало не ввязываться в полемику. По обычаю автору полагается скромно стоять в сторонке и благожелательно улыбаться критикам. Надо нарушить этот обычай, потому что в общем это литературный обычай «доброго старого времени», а мы живем в эпоху ломки старых и вообще вредных обычаев.

Прежде всего начнем с самой литературной формы. Очерк, художественный, путевой очерк, приобрел право на существование в русской и западной литературе. Нет никакого сомнения в том, что для нашего читателя требуются не лирические описания рейнского водопада в духе начала прошлого века. Но рядом с нормальными и понятными требованиями, предъявляемыми к такому очерку, нельзя требовать от писателя, чтобы в книге размером в шесть листов были целиком быт, экономика, история, социальные группировки, аграрный вопрос, вопросы здравоохранения и народного образования, и все это с диаграммами и цифрами. На это у некоторого сорта рецензентов на этот случай есть специальные штампованные реплики: «отразить как в фокусе», «сконцентрировать» и проч. Может быть, это все и правда, может быть, надо «отражать как в фокусе», но в конце концов надо же уметь отличать художественный очерк в журнале от подвала «нашего собственного корреспондента», который живет в стране годами и обязан точно и с цифрами в руках писать о всех этих вопросах. Правда, наступало время повышать требования, предъявляемые к писателю, но наступило и время повысить требования, предъявляемые к некоторого сорта критике.

Да, мы живем в суровое и ответственное время. Мы должны скупой и обдуманно расходовать слова, но повернитесь и посмотрите те кадры, которым отданы в руки не пять, десять, двадцать тысяч читателей только что изданной книги, а сто тысяч читателей библиографической заметки. Биография и работа каждого из нас известна каждому вне зависимости от того, напечатана ли она в книге «Писатели» или не вошла туда, но биография и лицо человека, псевдонимом или инициалами подписавшего заметку в сто строк, часто неизвестна даже редактору. Фадеев как-то сказал, что

теперь много смельчаков говорит от имени рабочего класса. Эти смельчаки, эти «неуловимые мальчики» в роговых очках, папаши которых часто оказываются в рядах лишенцев, имеют в руках власть над печатным словом, большую и настоящую власть. Это именно они пишут о заграничных очерках, что они «не отражают», «не нужны рабочему читателю», и это именно они пытаются уговорить массу, что девять из десяти книжек о Западе не нужны, в то время как о Западе советскими авторами написано до смешного мало и все, что написано своим человеком и советским человеком, полезно и нужно.

Какой-то псевдоним упрекал меня в том, что я изучил только быт шоферов в Европе. Да, я горжусь тем, что досконально знаю, как живут и чем дышат сто тысяч тружеников, кстати сказать, опора коммунистической партии. Не каждый советский журналист знает быт и жизнь ста тысяч французских или русских пролетариев.

Часто люди, не знающие языка и абсолютно не знающие быта страны, авторитетно поучают советского писателя, рассказывающего об Европе. И в то же время эти же очерки переводят и печатают коммунистические издания той страны, о которой писал автор.

До чего у нас мало знают о Европе и до чего иногда плохо хозяйничают, скажем, продавцы фильм. Товарищи из Украины тратят валюты на пересылку фильм, которые ни при каких обстоятельствах не будут разрешены здешней цензурой, или присылают, например, фильмы с точки зрения художественной совершенно ничтожные. Фильма «Третья Мещанская» во французской обработке называется «Трое в подвале» и идет под таким заголовком: «Вот, наконец, правда о Советской России!» Получается самая гнусная и похабная клевета, над которой игриво хихикают враги и которой возмущены друзья. А продавший эту фильму за границу, вероятно, доволен, что сделал дело и выручил валюту. Вряд ли это сознательное вредительство – это просто неграмотность, незнание условий, отсутствие книг и материалов о Западе и западных условиях, железный занавес, который бессознательно тянут вниз некоторые резвые «неуловимые мальчики» из библиографических отделов.

Я видел за границей пьесы, просто нужные и полезные нам, атеистические и пассивистские [т.е. пацифистские. – К. Д.] пьесы, от которых, конечно, впопыхах отмахнутся критики из театральных

журналов. Я видел фильм «Белые тени» против белых цивилизаторов на островах Таити, которая не менее убедительна, чем «Потомок Чингиз-хана». Я видел замечательные документальные фильмы и этнографические фильмы. Наконец, я видел непревзойденных киноактеров первоклассной величины Чаплина и Банкрофта, которых, кажется, до сих пор не видели у нас и этим снизили, лишили поступательного движения мастерство наших киноактеров. А сколько любопытных книг левых писателей...

Каждая поездка, каждый очерк приносит пользу хотя бы потому, что он задерживает медленное опускание железного занавеса. Не говорю уже о том значении, которое имеет появление первого советского человека в стране, с которой нет никаких сношений. Мне посчастливилось проникнуть в Испанию, куда русских вообще не пускают, никаких русских – ни красных, ни белых. Я чувствовал необыкновенное внимание и интерес к нашей стране и культуре, и эта поездка не пройдет бесследно. А с точки зрения осведомления наших читателей о прекрасной, романтической и угнетенной генеральской диктатурой стране можно было бы сделать много.

Испания – преддверие Южной Америки, семьдесят миллионов населения Испании и Латинской Америки говорят на испанском языке и находятся в зоне влияния испанской культуры, семьдесят миллионов не мелочь. И вот я прочитал книгу иностранного писателя об Испании и Африке и рецензию в одном нашем журнале на эту книгу. Я был, проезжал по тем местам, которые видел этот писатель. И мы, разумеется, видели по-разному эту страну. Но я был бы счастлив, если бы о том, что напишу я, отозвались также почтительно и нетребовательно, как написали о книге иностранца. Вы скажете: от своего больше требуют. Требуйте... но осторожнее с инициалами и псевдонимами, которые требуют от вас эрудиции инженера и агронома, и электротехника, способностей детектива, проникающего туда, куда человека с советским паспортом не пускают на порог и где его появление принесет явный вред, даст лишний повод для пороссячьего визга о вмешательстве во внутренние дела. Постараюсь резюмировать:

1. Буржуазия пытается опустить железный занавес между Западом и нами.

2. Нельзя отрешиваться от той западной культуры, которая близка нам по духу. Надо осведомлять о ее достижениях наших товарищей и читателей и надо неустанно говорить о нашем росте и напоминать о нашем существовании Западу.

Л. Никулин
Декабрь, 1929. Париж

Список источников

- Внешняя политика Советского Союза, 1946 год. Документы и материалы, январь–декабрь 1946 г. – М.: Госполитиздат, 1952. – 836 с.
- Гегбельс Й. Дневники 1945 года. – М.: Прогресс, 1978. – 359 с.
- Гиппиус З. Задумчивый странник. (О Розанове) // Окно: Трехмесячник литературы. – Париж, 1924. – № 3. – С. 271–336.
- Душенко К., Багриновский Г. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Заславский Д. Лобызание Гегбельса // Правда. – М., 1946. – 1 августа. – С. 4.
- Изаков Б. За бархатным занавесом // Правда. – М., 1946. – 15 июля. – С. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1956–1981. – Т. 1–50.
- Никулин Л. Опять в Париже // «Молодая гвардия. – М., 1935. – № 9. – С. 73–103.
- Палиевский П.В. «Апокалипсис нашего времени» // Розановская энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – Стб. 1224–1230.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 1–2.
- Петров Г. Те, кто готовит войну // Знамя. – М., 1949. – № 2. – С. 137–151; № 3. – С. 136–151.
- По столбцам иностранной печати // Известия. – М., 1938. – 26 янв. – С. 2.
- Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. – СПб.: Корвус, 1995. – 544 с.
- Розанов В.В. Опавшие листья. – М.: Современник, 1992. – 543 с.
- Ренсом [Рэнсом] А. Шесть недель в Советской России. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1924. – 110 с.
- Сталин И.В. Ответ корреспонденту «Правды» // Правда. – М., 1945. – 14 марта. – С. 1.
- Уэллс Г. Дж. Собр. соч. в 12 т. – М.: Терра, 2002.
- Черчилль У. Вторая мировая война. – М.: Воениздат, 1948–1955. – Т. 1–6.
- Черчилль У. Мировой кризис. – М.; Л.: Воениздат, 1932. – 328 с.

III. История политических формул и лозунгов

* * *

- Ayto J. *Movers and Shakers: A Chronology of Words that Shaped Our Age*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. – 250 p.
- Bartlett J. *Familiar Quotations*. – 17-th ed. – New York; Boston; London: Little, Brown & Company, 2002. – 784 p.
- Baruch B.M. *The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty*. – New York: Harper and Brothers, 1920. – 352 p.
- Bethmann Hollweg T. von. *Betrachtungen zum Weltkriege*. – Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1921. – 2. Teil: Während des Krieges. – 478 S.
- Churchill W. *Europe Unite: Speeches 1947 and 1948*. – Cambridge: Houghton Mifflin, 1950. – 506 p.
- Churchill W. *The Second World War*. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1953. – Vol. 6: *Triumph and Tragedy*. – 800 p.
- Clauss M. *Hinter dem Eisernen Vorhang // Das Reich*. – Berlin, 1945. – 18 фев. – S. 1. – Подпись: cl.
- Constant B. de. *De la liberté des brochures, des pamphlets et des journaux*. – Paris: H. Nicolle, 1814. – 75 p.
- Crile G.W. *A Mechanistic View of War and Peace*. – New York: Macmillan Co., 1915. – 104 p.
- Finkelman P., Percoco J.A. *Milestone Documents of American Leaders*. – [Без м. и.]: Salem Press, 2008. – Vol. 1–4. – 2300 p.
- Fitzclarence G. *Journal of a route across India, through Egypt, to England, in the latter end of the year 1817, and the beginning of 1818*. – London: T. Davison, 1819. – 502 p.
- Goebbels F. *Das Jahr 2000 // Das Reich*. – Berlin, 1945. – 25 фев. – S. 1–2.
- Goyer-Linguet. *Le génie de la Langue Française, ou dictionnaire du langage choisi...* – Paris: E. Desrez, 1846. – 876 p.
- Ham C. *Der Eiserne Vorhang*. – Wien: Heeresgeschichtliches Museum Arsenal, 2001. – 213 S.
- Knowles E. *The Oxford Dictionary of Quotations*. – 5-th ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. – 1136 p.
- Lane T.J. *A black velvet curtain // Congressional Record*. – Washington, 1949. – March 22, vol. 95, part 13. – P. A1645.
- Literary Reciprocity with the Latin Americas // *The Dial*. – Chicago, 1915. – April 29, vol. 58. – P. 332. – Подпись: C.L.M.
- Littre E. *Dictionnaire de la langue française*. – Paris: Hachette, 1873. – T. 1. – 1018 p.
- Loti P. *Quelques mots prononcés par S.M. La Reine de Belgique // Loti P. La hyène enragée*. – Paris: Calmann-Levy, 1916. – P. 112–123.
- Mackinder Halford J. *Democratic. Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. – London: Constable and Company, 1919. – 272 p.
- Mieder W. *The Politics of Proverbs: From Traditional Wisdom to Proverbial Stereotypes*. – Madison: Univ. of Wisconsin press, 1997. – 288 p.
- Nicolai W. *Geheime Mächte*. – Leipzig: Koehler, 1923. – 184 S.
- Rivarol A. de. *Pensées inédites*. – Paris: J.-A. Boudon, 1836. – 235 p.

*Железный занавес:
история политической метафоры*

- Snowden E. Through Bolshevik Russia. – London: Cassell, 1920. – 188 p.
- Stresemann G. Vermächtnis: Nachlass in drei Bänden. – Berlin: Verlag Ullstein, 1933. – Bd. 3: Von Thoiry bis zum Ausklang. – 608 S.
- Unger C. House of Bush, House of Saud: The Secret Relationship... – New York: Scribner, 2004. – 368 p.
- Vorst H. Das bolschewistische Russland. – Leipzig: Der neue Geist, 1919. – 264 S.
- Vorst H. Russia As the Germans See Her Now // Living Age. – Boston, 1919. – 4 January, vol. 300. – P. 21–24.
- Wright P. Iron Curtain: From Stage to Cold War. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – 488 p.

ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА!

В 1953 году, в год смерти вождя народов, вышло 1-е издание учебника А. Кайева для педвузов «Русская литература». Будущим словесникам сообщалось, что клич «За Родину, за Сталина!» является «продуктом народного творчества» и «вошел во многие песни, частушки, сказы» [Кайев, с. 232].

Автор учебника сильно отклонился от истины.

Хотя призыв «За Родину, за Сталина!» неразрывно связан с Великой Отечественной, появился он почти на четыре года раньше – как лозунг к выборам в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. Так, например, называлась редакционная статья ноябрьского номера журнала «Рабочий и театр». Позднее, в т.ч. в 1940-е и в 1950-е годы, этот лозунг изображался на предвыборных плакатах.

Не прошло и года, как этот продукт агитпропа был призван на военную службу. В сентябре 1938 г. в печати появились статьи о боях с японцами у озера Хасан, шедших с 29 июля по 8 августа. Здесь лозунг впервые получил значение боевого клича:

«“Вперед, за Родину, за Сталина!” – кричим мы с командиром во весь голос», – писал заместитель политрука Георгий Сазыкин в «Правде» от 1 сентября [Сазыкин, 1938].

Чуть раньше политрук Я. Бредкин в «Красной звезде» общал: «Мы шли в бой с именем Сталина на устах <...>» [Бредкин, 1938].

2 сентября в статье «Красной звезды» за подписью «Политрук А. Каширин» рассказывалось:

«Комсорг тов. Яковлев крикнул:

– За товарища Сталина вперед!

На левом фланге ему отозвался парторг тов. Ветров:

– Вперед, за родину!» [Каширин, 1938].

11 сентября в «Красной звезде» цитировалось «письмо бойца Ивана Некина» брату в госпиталь: «За родину, за Сталина не пожалею жизни» [Милецкий, 1938].

В заметках о боях на озере Хасан можно встретить и другие варианты этого лозунга, например: «С лозунгом – за Сталина, за Ворошилова, за счастливую социалистическую родину, мы бросались на врага»; «Вперед за родину, вперед за Сталинскую Конституцию» [Кравцов, 1938; Хирен, 1938]. Разумеется, столь пространные и заведомо книжные обороты едва ли могли служить боевым кличем.

Впрочем, уже в 1936 г. советским пограничникам приписывалась готовность, «если потребуется, пролить кровь до конца за нашу великую родину, за нашу партию, за Сталинскую Конституцию, за творца ее – великого, любимого, родного отца и учителя товарища Сталина» [Письмо раненых бойцов..., 1936].

6 августа 1939 г. «Правда» писала по поводу годовщины Хасанских событий: «В боях у Хасана тысячи людей стали героями. С победным кличем “За Родину! За Сталина!” они бросались на хорошо укрепившегося неприятеля <...>» [Честь и слава..., 1939].

Два дня спустя, 8 августа, на 1-й полосе «Правде» появилась статья «За Родину, за Сталина, за коммунизм!» Таким был лозунг демонстрации в Ворошилове (ныне Луганск), состоявшейся 6 августа; в газете он назван «хасанским».

Нередко лозунг приводился в советской печати с инверсией: «За Сталина, за родину!» Слово «родина» в лозунге поначалу писалось преимущественно со строчной буквы, позднее – уже с прописной.

Вскоре дошло и до песен. В июне 1939 г. была опубликована песня «Авиационная» на слова В. Лебедева-Кумача, с припевом:

Мы, соколы советские,
Готовы в час любой
За Родину! За Сталина!
В последний грозный бой!

Песня была написана для фильма «Эскадрилья № 5» («Война начинается»). В этом кинопроизведении советские ВВС, получив сообщение о готовящемся нападении Германии, уничтожают вражеский воздушный флот на его собственных аэродромах.

Тогда же Лев Троцкий из-за границы откликнулся на появление нового лозунга:

«[Наша] “защита СССР” будет, разумеется, как небо от земли, отличаться от официальной защиты, которая ведется ныне под лозунгом: “за родину, за Сталина!” Наша защита СССР ведется под лозунгом: “за социализм, за международную революцию, против Сталина!”» (статья «СССР в войне», датирована 25 сентября 1939 г.) [Троцкий, с. 9].

В 1941 г. «Воениздат» выпустил сборник «Бои в Финляндии» о советско-финской войне 1939–1940 гг. Сборник формально носил документальный характер, однако в предисловии честно указывалось, что «в собирании и литературной обработке материалов приняли участие писатели и журналисты», – т.е. мы имеем дело с творчеством все того же агитпропа. Здесь многократно упоминается, как командиры поднимают в атаку солдат призывом «За Родину! За Сталина!» [Бои в Финляндии, с. 64].

Итак, к июню 1941-го боевой лозунг «За Родину! За Сталина!» был уже готов и обкатан. Тем удивительнее, что в речи Вячеслава Молотова по радио 22 июня прозвучал лозунг, весьма от него отличающийся:

«Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну *за Родину, за честь, за свободу*» [курсив мой. – К. Д.] [Молотов, 1941].

Этот лозунг оказался, по-видимому, политически ошибочным. Правильную установку дал на другой день в «Правде» видный пропагандист Емельян Ярославский в статье «Великая отечественная война советского народа». (Заметим, что именно ему и принадлежит это наименование войны.) Ярославский указывал:

«С кличем “За родину, за Сталина!” *шли и пойдут* бойцы, командиры и политработники Красной Армии в бой <...>» (курсив мой. – К. Д.) [Ярославский, 1941].

Установка была выполнена. Лозунг «За Родину, за Сталина!» стал обычным в официальных приказах, в описаниях боевых подвигов представленных к награждению воинов и, разумеется, в широкой печати.

На сайте «Я помню» (iremember.ru), где собраны воспоминания ветеранов Великой Отечественной, клич «За Родину! За Сталина!» чаще всего вкладывается в уста комиссаров и политруков. Автоматчик Ипполит Гурьев, который пошел на фронт добровольцем и для которого «Родина и Сталин были одно понятие», вспоминает: «[В атаке] крик “Ура!” – это был очень мало присутствующий звук. В основном присутствовал звериный крик и мат. <...> “За Родину, за Сталина” чаще кричал кто-нибудь из политработников, кто-нибудь из бравых командиров».

Лозунг «За родину!» широко использовался в Гражданской войне, но это был лозунг «белых». Лозунг «За Родину, за Сталина!» ближе к монархическому лозунгу «За веру, царя и отечество», однако имя конкретного царя в XIX веке боевым лозунгом не служило.

В кличе «За Родину, за Сталина!» имя «Сталин», по сути, выступает в роли имени некоего божества – хранителя и олицетворения родины. Для многих людей военного поколения Сталин был и остался таким божеством.

Для многих, но не для всех. К 22 июня 2010 г. в Петербурге появились плакаты с лозунгом «За Родину! Без Сталина». На плакате была размещена фотография ветерана войны Аркадия Забежинского, утверждавшего: «Никогда, нигде в окопах не слышал, как солдаты кричали “За Сталина!”».

Список источников

- Бои в Финляндии: Воспоминания участников. – М.: Воениздат, 1941. – Ч.1. – 400 с.
Бредкин Я. Мужество и отвага // Красная звезда. – 1938. – 27 авг. – С. 3.
Кайев А.А. Русская литература: Учебник для учительских институтов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1953. – Ч. 1. – 600 с.
Каширин А. Вперед, за родину! // Красная звезда. – М., 1938. – 2 сент. – С. 3.
Кравцов Е. Боевое крещение // Красная звезда. – М., 1938. – 29 авг. – С. 3.
Милецкий А. Два брата на страже советских границ // Красная звезда. – М., 1938. – 11 сент. – С. 3.
Молотов В.М. Речь по радио 22 июня 1941 г. // Правда. – М., 1941. – 23 июня. – С. 1.

III. История политических формул и лозунгов

- Письмо раненых бойцов-пограничников Ханкайского пограничного отряда товарищу Сталину // Правда. – М., 1936. – 10 дек. – С. 1.
- Честь и слава героям Хасана. [Передовая статья] // Правда. – М., 1939. – 6 авг. – С. 1.
- Сазыкин Г. За родину! // Правда. – М., 1938. – 1 сент. – С. 3.
- Троцкий Л. СССР в войне // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). – Нью-Йорк, 1939. – № 79/80, 25 сент. – С. 1–9.
- Хирен З. В эти дни у озера Хасан // Красная звезда. – М., 1938. – 29 авг. – С. 3.
- Ярославский Е. Великая отечественная война советского народа // Правда. – М., 1941. – 23 июня. – С. 1.

ЗАДУШИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ КОСТЛЯВОЙ РУКОЙ ГОЛОДА

3 августа 1917 г. в Москве открылся II Всероссийский торгово-промышленный съезд. Сенсацией дня стало выступление промышленника и банкира Павла Павловича Рябушинского, одного из основателей партии прогрессистов. Согласно отчету в «Русских ведомостях», он заявил:

«Естественное развитие жизни идет своим чередом и жестоко покарает нарушителей экономических законов. Может быть, неизбежен для России финансово-экономический провал. И лишь тогда, когда катастрофа станет всем очевидной, поймут, каким неверным шли путем. Костлявая рука голода и народной нищеты схватит за горло друзей народа, членов разных комитетов и Советов. Тогда они опомнятся» [Торгово-промышленный съезд, с. 5]. «Друзьями народа» именовали себя народники и их идейные наследники эсеры, преобладавшие во Временном правительстве.

Полный, но местами явно испорченный текст речи (напр., «вал» вместо «провал») мы находим в стенограмме, опубликованной в сборнике материалов съезда: «...когда она [катастрофа] для всех станет очевидной, только тогда почувствуют, что шли по неверному пути... <...>. ...То, о чем я говорю, является неизбежным. Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и Советов, чтобы они опомнились» [Второй Всероссийский..., с. 7–8].

Как видим, тут нет угрозы, а только трезвый прогноз – как мы знаем, сбывшийся – и предостережение.

Три дня спустя в газете «Рабочий и солдат» появилась статья Сталина «Чего хотят капиталисты?» Здесь слова Рябушинского процитированы так: «...Может быть, для выхода из положения потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лжедрузей народа, демократические Советы и комитеты».

Далее автор статьи негодуяюще восклицает: «Вы слышите: “потребуется костлявая рука голода, народная нищета”...Господа Рябушинские, оказывается, не прочь наградить Россию “голодом” и “нищетой” для того, чтобы “схватить за горло” “демократические Советы и комитеты”» [Сталин, 1917, с. 2].

Николай Бухарин в брошюре «Классовая борьба и революция в России» (1917) говорит уже о «плане Рябушинского»: «В экономической области систематически и упорно проводился план Рябушинского – взять рабочих “костлявой рукой голода”» [Бухарин, с. 68].

7 октября 1917 г. Троцкий огласил в Совете Республики декларацию фракции большевиков: «...Цензовые [т.е. имущие] классы <...> держат курс на “костлявую руку голода”, которая должна задуть революцию» [Декларация фракции..., с. 2].

12 октября в большевистском «Рабочем пути» цитировалось «правило Рябушинских и Родзянок» – «зажмем революцию в костлявом кулаке голода» [Хлеба!, 1917].

Так, при деятельном участии Сталина и Троцкого возникла формула «удушить революцию костлявой рукой голода», приписанная Рябушинскому.

В большевистской России костлявая рука голода стала реальностью. Во время Гражданской войны она «держала за горло» прежде всего население крупных городов Центральной России. А сразу после окончания войны голод в Поволжье достиг размеров, не виданных со времен Бориса Годунова.

Большевики воспользовались ситуацией для наступления на православную церковь. 23 февраля 1922 г. был принят декрет об изъятии церковных ценностей «для помощи голодающим». В рамках пропагандистского обеспечения «изъятия» был изготовлен шрифтовой плакат с надписью:

«Бывший московский банкир Рябушинский за границей сказал:

– Костлявая рука голода задушит Советы в России.

Надо добиться, чтобы у Советской Власти не было золота на покупку хлеба голодным. Кучка князей церкви, торгуя и играя муками голодных, вздумала провести в России волю этого биржевика.

Карта контрреволюции будет бита.

Золото и серебро из храмов рабочих возьмет.

Золото обменяет на хлеб.

Хлебом накормит голодных»¹.

15 марта в городе Шуя Ивановской губернии по прихожанам, пытавшимся не допустить ограбления храмов, был открыт пулеметный огонь. Четыре дня спустя, 19 марта, Ленин направил членам Политбюро письмо (остававшееся в СССР секретным вплоть до 1990 года), в котором указывал:

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому мы должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией <...>. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [Архивы Кремля, т. 1, с. 141, 143].

Метафора «задушить костлявой рукой голода» появилась у нас, по-видимому, под влиянием английского языка. Дмитрий Минаев потрясал сердца своих читателей строками:

Этот друг неотвязчивый – голод.

Он могучей, костлявой рукой

Свою жертву за горло хватает...

(«Роковые контрасты», 1869) [Минаев, с. 202].

«Роковые контрасты» – перевод социально-обличительного стихотворения Барри Корнуолла «Within and Without» (1838), причём образ Голода с его хватающей за горло костлявой рукой в точ-

¹ В советском издании 1960 г. этот плакат, вопреки его содержанию, ошибочно датируется 1921 годом [Бутник-Сиверский, с. 416].

ности повторяет оригинал: «...Hunger <...> with his bony hand, / Grasps her throat» [Cornwall, p. 8].

Сходный пример можно найти в 1853 г. в переводе романа Эдуарда Бульвер-Литтона: «...даже если б голод, заглянувший ему прямо в глаза, схватил его своей костлявой рукой (*англ.* skeleton hand)», («Мой роман, или Разнообразие английской жизни» (1852), гл. 60) [Бульвер-Литтон, с. 475].

Что же касается оборота «задушить революцию», то он возник в годы Американской революции, в XVIII в. Французский просветитель аббат Рейналь в своей книге «Революция в Америке» (1781) вложил в уста некоего английского политика слова: «Нужно пользоваться первым моментом, чтобы задушить революцию» («Pour étouffer les révolutions, il est un premier moment qu'il faut saisir») [Raynal, p. 69].

Консервативный мыслитель Жозеф де Местр писал по поводу реставрации Бурбонов: «Революция была сначала демократической, потом олигархической, потом тиранической; сегодня она роялистская, но она продолжается. Искусство государя состоит в том, чтобы властвовать над нею и мягко задушить ее в объятиях». (Дипломатическое донесение из Петербурга от 6/18 июля 1814 г.; пер. Д.В. Соловьева.) [Местр, с. 254–255].

Довольно скоро этот оборот проникает в русский язык, напр.: «Барон Игельстром созвал военный совет [и] требовал мнения: остаться ли в Варшаве или со всеми войсками идти разбить Костюшку и тем при самом начале задушить революцию?» («Записки» Л.Н. Энгельгардта, которые автор начал писать в 1826 г.; данный эпизод произошел ок. 24 марта 1794 г.) [Энгельгардт, с. 120].

Выступая в Палате общин в сентябре 1949 г., Уинстон Черчилль сказал: «Настанет день, когда будет несомненно признано <...> всем цивилизованным миром, что удушение большевизма в зародыше было бы несказанным благодеянием для человечества» [Холодная война, с. 84–85].

В ноябре 1949 г. он высказал ту же мысль в Бостоне: «Неспособность задушить большевизм в колыбели <...> и вовлечь <...> Россию в общую демократическую систему теперь лежит на нас тяжелым бременем» [Там же, с. 85].

Отсюда в советской печати появился оборот «задушить революцию в колыбели» – обычно как слова Черчилля, сказанные в 1919 г.

Список источников

- Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. – М.; Новосибирск: Российская полит. энциклопедия: Сибирский хронограф, 1997. – Кн. 1. – 594 с.
- Бульвер-Литтон Э. Мой роман, или Разнообразие английской жизни. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. – 988 с.
- Бутник-Сиверский Б.С. Советский плакат эпохи гражданской войны. 1918–1921. – М.: Всесоюз. книж. палата, 1960. – 696 с.
- Бухарин Н.И. Классовая борьба и революция в России. – М.: Издание Моск. Комитета и Областного Бюро [РСДРП (б)], 1917. – 48 с.
- Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 3–5 августа 1917: Стеногр. отчет и резолюции съезда. – М.: Всероссийский союз торговли и промышленности, 1917. – 45 с.
- Декларация фракции большевиков [оглашенная перед уходом на заседании Совета Республики 7 октября] // Рабочий путь. – Пг., 1917. – 8/21 окт. – С. 1–2.
- Местр Ж. Петербургские письма. 1803–1817. – СПб.: Инапресс, 1995. – 334 с.
- Минаев Д.А. Роковые контрасты (Из Барри Корнуэля) // Дело. – СПб., 1869. – № 9. – С. 202–204.
- Сталин И.В. Чего хотят капиталисты? // Рабочий и солдат. – Пг., 1917. – 6 авг. – С. 1–2.
- Торгово-промышленный съезд // Русские ведомости. – М., 1917. – 4 авг. – С. 5–6.
- Хлеба! [Передовая статья] // Рабочий путь. – Пг., 1917. – 12/25 окт. – С. 1.
- Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. статей. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
- Энгельгардт Л.Н. Записки. – М.: Нов. лит. обозр., 1997. – 249 с.

* * *

- Cornwall B. English Songs, and Other Small Poems. – London: Chapman and Hall, 1851. – 284 p.
- Raynal G.-F. Révolution de l'Amérique. – Londres: L. Davis, 1781. – 192 p.

ИМПЕРИЯ И СВОБОДА

«Идеологией России должен стать либеральный империализм, а миссией России – построение либеральной империи», – заявил Анатолий Чубайс в Петербургском инженерно-экономическом университете 25 сентября 2003 г. [Чубайс, с. 5].

Уже через месяц Яндекс давал шесть тысяч упоминаний «либеральной империи». Комментаторы сочли эту формулу нонсенсом, чем-то вроде «горячего льда», и едва ли не все признали ее изобретением Чубайса.

Так же думал и сам Анатолий Борисович: «Представить себе, что это слово [“империя”] может быть в одном ряду с такими словами, как “цивилизация”, “рынок”, “свобода”, было совсем невозможно. Невозможно в XX веке. Но XX век закончился» [Чубайс, с. 5].

Комментаторы, вместе с Чубайсом, ошиблись. Идея «империи», стоящей в одном ряду со «свободой», не нова; напротив, она настолько стара, что успела забыться.

В 1937 г., к столетию со дня смерти Пушкина, в № 36 парижского журнала «Современные записки» появилась статья Георгия Федотова «Певец Империи и Свободы». Федотов, вероятно, и ввел формулу «Империя и Свобода» в русский язык.

Она верна не только по отношению к Пушкину. С ней согласились бы едва ли не все отцы русского либерализма, включая Пестеля, Белинского (кроме самых последних годов его жизни), Кавелина¹, Милюкова и Струве. Империя и Свобода были для них понятиями не только вполне совместимыми, но и нерасторжимыми.

¹ Напомню, что «государственная школа» в русской историографии была теснейшим образом связана с западничеством 1840-х годов, а Белинский полностью

Федотов, однако, не был автором формулы. Он взял ее у Бенджамина Дизраэли (1804–1881), британского политика-консерватора, блестящего оратора и писателя-романиста. Выступая в Палате общин 10 ноября 1879 г., Дизраэли сказал:

«Один из величайших римлян на вопрос, какой была его политика, ответил: Imperium et Libertas [Империя и Свобода]. Это была бы неплохая программа для британского правительства» [Jay, p. 120].

Но и Дизраэли не был первым. Формула «империя и свобода» встречалась (по латыни) уже в трактате Фрэнсиса Бэкона «О преуспевании наук» (1605). Здесь она приписана Тациту [Geflügelte Worte, S. 360].

Затем ею воспользовался Уинстон Черчилль – но, разумеется, не «тот самый» Черчилль, а другой, живший почти на три века раньше (1620–1688), автор книги «Правители Британии» (1675). Правда, здесь речь шла о столкновении этих двух принципов, один из которых («империя», т.е. королевская власть) был представлен Карлом I, а другой («свобода») – парламентом:

«... Два великих интереса, IMPERIUM ET LIBERTAS, res olim insociabiles [вещи, дотоле несовместимые, *лат.*] (говорит Тацит), столкнулись, словно Огонь и Вода – два непокорных элемента, ни один из которых не уступал друг другу (в то время как один предписывался Божественным, а другой – естественным правом) <...>» [Churchill, p. 349].

Что же говорил Тацит?

Едва ли не самое известное место в его сочинениях – начало «Жизнеописания Юлия Агриколы», появившегося в 98 г. н.э., в эпоху наивысшего могущества Рима. Здесь повествуется о правлении Домициана, когда «нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было бы столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (перевод А. Бобовича). Зато Нерва, сменивший Домициана, «совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые, – принципат и свободу (principatum ac libertatem)» [Тацит, с. 425].

солидаризировался со взглядами раннего М. Каткова, одного из основателей «государственной школы».

«Принципат» означал правление принцепса (первого сенатора); позже его стали именовать императором.

Формула «*imperium ac libertas*» («держава [власть] и свобода») встречалась ранее у Цицерона, хотя у Цицерона, убежденного республиканца, «*imperium*» – синоним сенатской республики. В заключении своей IV речи против Катилины он предлагает сенату вынести постановление «о самом существовании своем и римского народа, <...> о нашей державе и свободе, о благополучии Италии, о государстве в целом» («Против Катилины», IV, 11, 24; пер. В. Горенштейна; курсив мой. – К. Д.) [Цицерон, т. 1, с. 330].

Итак, Тацит говорил о сочетании *единовластия* и свободы; Дизраэли (а за ним и Федотов) – о сочетании *великодержавности* и свободы. Для Дизраэли лозунг «Империя и Свобода» вовсе не был политическим нонсенсом: расширяя империю, он оставался приверженцем парламентарного строя и гражданских свобод.

Последним британцем, отстаивавшим Империю и Свободу, был Уинстон Черчилль – на сей раз уже «тот самый». 10 ноября 1942 г. он заявил: «Я не затем стал премьером Его Величества, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи» [Cohen, p. 80].

Увы, Империю пришлось ликвидировать. Британское содружество, появившееся на свет в 1947 г., было всего лишь «малопонятным пережитком Империи, улыбкой Чеширского кота, оставшейся, когда кот исчез» (слова, приписываемые видному политику-консерватору Найджелу Лоусону) [Knowles, p. 50].

То же самое можно было бы сказать о Содружестве Независимых Государств (СНГ), созданном на развалинах СССР.

Между тем Чубайс, выступая в Петербурге, связывал нашу имперскую будущность как раз с СНГ; именно на этом пространстве России предстоит решать «задачи космического масштаба». «Порядок и свободу на земле» будет отстаивать «кольцо великих демократий Северного полушария XXI века», в которое войдут США, объединенная Европа, Япония и Российская либеральная империя [Чубайс, с. 5].

Здесь литературным предтечей Чубайса был не столько британец Дизраэли, сколько наш соотечественник Иван Ефремов, автор грандиозной утопии «Туманность Андромеды» (1957). В ро-

мане Ефремова Великое Кольцо объединяет «братьев по разуму» – высшие космические цивилизации.

Список источников

Тацит, Публий Корнелий. *Анналы; Малые произведения; История*. – М.: Ладомир, 2001. – 986 с.

Цицерон, Марк Туллий. *Речи*. – М., 1993. – Т. 1–2.

Чубайс А.Б. Миссия России в XXI веке. [Статья на основе выступления 25 сент. 2003 г. в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете] // Независимая газета. – М., 2003. – 1 окт. – С. 1, 5.

* * *

Churchill W. *Divi Britannici: Being a Remark Upon the Lives of all the Kings of this Isle, from the year of the World 2855 unto the year of Grace 1660*. – London: Tho. Roycroft, 1675. – 364 p.

Cohen J.M., Cohen M.J. *The Penguin Dictionary of Twentieth-Century Quotations*. – London: Penguin Books, 1995. – 640 p.

Geflügelte Worte: *Der klassische Zitatenschatz*. – München: Ullstein, 2001. – 650 S.

Jay A. *The Oxford Dictionary of Political Quotations*. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1997. – 515 p.

Knowles E. *The Oxford Dictionary of Phrase, Saying, and Quotations*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. – 720 p.

ИСТОРИЮ ПИШУТ ПОБЕДИТЕЛИ

В 1978 г. советский номенклатурный писатель Иван Стаднюк выступил на т.н. «идеологическом активе г. Москвы»:

«...Я хочу высказаться не только от имени писателей Москвы, но и по праву старого политработника. Известно, что подлинную историю пишут победители. И сейчас мы являемся свидетелями рождения новых нетленных страниц этой истории, заключающихся в воспоминаниях товарища Брежнева “Малая земля”, “Возрождение” и “Целина”» [Стаднюк, с. 24].

Это высказывание было единичным в советской печати: тезис «Историю пишут победители» приводился исключительно как доказательство вырождения буржуазной исторической науки.

Это изречение появилось во Франции в середине XIX в. «История, возможно, беспристрастна, но не следует забывать, что писалась она победителями», – замечает Алексис де Сен-Прист в «Истории монархической власти...» (1842) [Saint-Priest, t. 2, p. 42].

О том же неоднократно напоминал историк-социалист Луи Блан. О Робеспьере он говорил: «Побежденный, чья история была написана победителями» («История десяти лет» (1845), гл. 2). О якобинцах: «История побежденных, написанная победителями» («История Французской революции», кн. 5 (1853), гл. 6) [Blanc, 1843, p. 80; Blanc, 1847, p. 620].

В 1850 г. Флорентин Дюко утверждал в предисловии к своей огромной поэме о «еретиках-альбигойцах» (катарах): «История побежденных была написана победителями» [Ducos, t. 1, p. XXVIII].

В 1865 г. итальянский историк Эммануэль Челезия, автор монографии о заговоре Фиески в Генуэзской республике (1547),

писал: «...Официальная ложь настолько искажает события, что делает [правдивую] историю почти невозможной. Джованни Марко Буригоццо, ломбардский купец, был последним хронистом, запечатлевшим страдания народа. Затем пришли классические, придворные и наемные историки – история писалась победителями» [Celesia, p. XXIII].

Впоследствии эта формула чаще всего применялась к военной истории. В разгар Первой мировой войны известный американский историк Уильям Элиот Гриффис утверждал: «Общепринятая история почти всех войн написана победителями» («Прекрасная Шотландия и чем мы ей обязаны», 1916) [Griffis, p. 61].

Сразу же после поражения Центральных держав гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц, подобно прочим немецким военачальникам, отвергал вину Германии в развязывании войны:

«Некоторые полагают, что <...> Германия имела возможность установить прямо-таки дружественные отношения с Англией и что только промахи германского государственного искусства, особенно строительство флота, помешали реализации этой возможности. Если это представление укоренится в головах немцев, то оно явится лишним подтверждением того правила, что историю пишет победитель; побежденному же придется в этом случае фальсифицировать ее, чтобы его историческая совесть смогла склониться перед мировым господством англосаксов» («Воспоминания» (1919), гл. 15; пер. В. Голанта) [Тирпиц, с. 218].

В форме «Историю пишут выжившие [the survivors]» эта фраза приведена в оксфордском журнале «Social Forces» за октябрь 1931 г. [Shapiro, p. 527].

Однако широкое распространение она получила с конца Второй мировой войны.

4 февраля 1944 г. в газете «Tribune» появилось эссе Джорджа Оруэлла «Как мне угодно» («As I Please»). К этому времени за плечами у Оруэлла был опыт Гражданской войны в Испании и пропагандистской работы в годы Второй мировой. Он спрашивал:

«Являются ли “Протоколы сионских мудрецов” подлинным документом? Стоваривался ли Троцкий с нацистами? Сколько немецких самолетов было сбито в битве за Британию? Приветствует ли Европа “Новый порядок”? Вы никоим образом не получите один-единственный ответ, который все бы признали за истину: в

каждом таком случае вы получите набор совершенно несопоставимых ответов, один из которых в конечном счете будет принят как результат физической борьбы. История пишется победителями» [Orwell, v. 3, p. 88].

В послевоенной Франции эта сентенция связывалась прежде всего с именем писателя и публициста Робера Бразильяка (1909–1945). В годы оккупации Бразильяк редактировал фашистскую газету «Я повсюду» («Je suis partout»). Он предлагал казнить левых политиков, а летом 1944 г. подписал петицию с призывом к расстрелу всех участников Сопротивления. В сентябре 1944-го он был арестован, а пять месяцев спустя приговорен к расстрелу. Прошение о его помиловании подписали виднейшие французские писатели, но де Голль его отклонил.

Среди написанных им в тюрьме сочинений был и «трагический диалог» «Братья-враги», опубликованный посмертно, в 1946 г. Один из братьев – участников диалога говорит:

«– ...Что до истории, то она пишется победителями, кто бы ими ни стал. Ее приговор не должен интересовать людей настоящего времени» [Brasillach, t. 9, p. 138].

В англоязычные словари цитат включается высказывание из книги Джавахарлала Неру «Открытие Индии» (1946): «Историю почти всегда пишут победители и завоеватели, и со своей точки зрения» [Keeyes, p. 90].

Датский медиевист Б. Нёрретрандерс предложил еще более широкую формулу: «История пишется победителями, и исторические законы декретируются их наследниками» [Лурье, с. 203].

Список источников

- Лурье С.Я. [Рец.] // История СССР. – М., 1966. – № 2. – С. 200–204. – Рец. на кн.: Б. Нёрретрандерс. Формирование царства при Иване Грозном. – Copenhagen, 1964.
Стаднюк И.Ф. Сокровенное. – М.: Современник, 1980. – 368 с.
Тирпиц А. фон. Воспоминания. – М.: Воениздат, 1957. – 227 с.

* * *

Blanc L. Révolution française: Histoire de dix ans, 1830–1840. – Bruxelles: Wouters, 1843. – [Т.] 5. – 245 p.

- Blanc L. Histoire de la révolution française. – Bruxelles: Société typographique belge, 1847. – Т. 1. – 768 p.
- Brasillach R. Oeuvres complètes. – Paris: Club de l'honnête homme. – 1963–1966. – Т. 1–12.
- Celesia E. The Conspiracy of Gianluigi Fieschi, or, Genoa in the Sixteenth Century. – London: Sampson Low, Son and Marston, 1866. – 343 p. – Перевод с итальянского книги: La congiura del Conte Gianluigi Fieschi. – Genova, 1865.
- Ducos F. L'épopée toulousaine, ou la guerre des Albigeois: Poème en 24 chants, avec des notes historiques. – Toulouse: Delboy; Paris: Amyot, 1850. – Т. 1. – XXXII, 495 p.
- Griffis W.E. Bonnie Scotland: and what we owe her. – Boston: Houghton Mifflin, 1916. – 295 p.
- Keyes R. The Quote Verifier: Who Said What, Where, And When. – New York: St.Martin's Press, 2006. – 387 p.
- Orwell G. The Collected Essays, Journalism, and Letters. – London: Harcourt, Brace & World, 1968. – Vol. 1–4.
- Saint-Priest A. Histoire de la royauté considérée dans ses origines... – Paris: H.-L. Delloye, 1842. – Т. 1–2.
- Shapiro F.R. The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale univ. press, 2006. – 1068 p.

КАЖДЫЙ НАРОД ИМЕЕТ ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, КАКОГО ЗАСЛУЖИВАЕТ

Эта мысль принадлежит французскому мыслителю и пьемонтскому дипломату Жозефу де Местру. Обычно и у нас, и на Западе она толкуется примерно в следующем духе: «Если правительство плохо, аморально, неэффективно, то виноваты в этом сами граждане страны, которые позволяют такому правительству существовать, не могут его контролировать и т.д.» [Серов, с. 308].

Это один из классических примеров того, как позднейшее значение крылатого выражения радикально расходится с авторским.

Де Местр, идеолог крайнего консерватизма, отрицал любые сколько-нибудь серьезные реформы. Идеалом государственного устройства, утраченным раем была для него традиционная монархия, опирающаяся на католическую религию.

В 1803–1817 гг. он жил в Петербурге в качестве посланника Сардинского королевства. Знаменитое изречение встречается в его письмах трижды, хотя в справочниках цитируется лишь второе из них. И всякий раз оно служит доводом против каких-либо преобразований.

В июне 1810 г. де Местр послал графу А. К. Разумовскому пять писем о государственном воспитании в России. В печати они появились в 1843 г. В первом из них мы читаем:

«На человека смотрели как на абстрактное существо, одинаковое во все времена и во всех странах, и для этого нереального существа составляли столь же нереальные проекты государственного устройства; между тем как опыт доказывает самым очевид-

ным образом, что всякая нация имеет то правительство, которого она заслуживает, и что всякий проект государственного устройства – не более чем мрачная фантазия, коль скоро он не находится в совершенном согласии с характером нации» [Maistre, 1843, p. 209].

В письме кавалеру И.А. де Росси из Петербурга от 27/15 августа 1811 г. осуждался проект реформ, предложенный Михаилом Сперанским:

«Меня весьма успокаивает мое правило: Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Я все более убеждаюсь, что для России не годится правительство, устроенное по нашему образцу, и что философические опыты Его Императорского Величества закончатся возвращением народа к первоначальному его состоянию – в сущности, это и не столь уж большое зло. Но ежели сия нация воспримет наши ложные новшества и будет противиться любому нарушению того, что захочет называть своими конституционными правами, если явится какой-нибудь университетский Пугачев и станет во главе партии, если весь народ придет в движение и вместо азиатских экспедиций начнет революцию на европейский манер, тогда я не нахожу слов, чтобы выразить все мои на сей счет опасения» (пер. Д. В. Соловьева) [Местр, 1995, с 173].

В третий раз изречение появляется по поводу конституции, дарованной Царству Польскому Александром I в 1815 г. Прежде всего де Местр отмечает, что в ст. 31 неявно содержится глубоко ненавистный ему принцип суверенитета нации, а затем переходит к критике конституционного строя вообще:

«Все эти конституции <...> суть не более чем тщетные попытки, поскольку основополагающая аксиома, столь же несомненная, как аксиомы математики, гласит: *каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает*; таким образом, все, что мы можем сделать для какого-либо народа прежде чем он усовершенствуется, ничего не значит, ничего не дает и не производит ничего, кроме зла». (Дипломатическое донесение из Петербурга от 16/30 апреля 1816 г.) [Maistre, 1861, p. 196].

Однако де Местр неоднократно противоречит себе, поскольку оказывается, что народ – в частности русский – заслуживает далеко не каждого своего правительства: «Петр, коего именуют великим, <...> на самом деле был убийцей своей нации. <...> Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал ее под

иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен». (Письмо сардинскому королю Виктору Эммануилу I, сент. 1811 г.; пер. Д. В. Соловьева.) [Местр, 1995, с. 179].

И это касается не только Петра: «Истинный враг России – это ее правительство и даже сам Император [Александр I], который дал соблазнить себя новейшими идеями и прежде всего германской философией, которая для России есть не что иное, как настоящий яд». (Письмо графу де Фрону от 5/17 августа 1812 г.; пер. Д. В. Соловьева.) [Местр, 1995, с. 217].

Причина почти одинаковой оценки двух столь различных государей одна:

«...Род человеческий в целостности своей пригоден для гражданских свобод лишь в той мере, насколько проникся он христианством.

Повсюду, где царствует другая религия, рабство вполне законно, а если христианство ослабевает, нация в точной сему пропорции делается менее пригодной для свободы. <...> *Рабство существует в России потому, что оно необходимо, и потому, что Император не может без него царствовать.* <...> *...Ни у какой монархии нет достаточной силы, дабы править несколькими миллионами без помощи религии или рабства или же и того и другого совместно.* (Памятная записка «О свободе» (декабрь 1811 г.), адресованная предположительно графу Н. П. Румянцеву; перевод Д. В. Соловьева; курсив автора.) [Местр, 1995, с. 188–190].

Читая эти строки, следует помнить, что для де Местра единственная религия, способная служить опорой «правильной» монархии, – католицизм, тогда как православие – это «злополучная стена, окончательно отгородившая ее [Россию] от мира» [Там же, с. 189].

В справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1955) говорилось: «Возможно, что выражение это возникло у де Местра как парафраза мысли Монтескье («О духе законов»): “Каждый народ достоин своей участи”» [Ашукин, с. 221].

С тех пор эта цитата ходит у нас наравне с «аксиомой» де Местра – даже в научных трудах. А между тем в «Духе законов» (1748) нет ничего похожего на эту мысль. Все, что говорит Монтескье, – что «законы должны находиться в <...> тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены» (кн. I: «О законах вообще»; пер. А. Матешука) [Монтескье, с. 16].

Вскоре после обнародования писем де Местра его изречение стало цитироваться именно в смысле «Каждый народ достоин своей участи». В памфлете «Мужчина-женщина» (1872) Александр Дюма-сын писал:

«...Калигула <...> произвел своего коня в консула своих подданных, которые, впрочем, едва ли заслуживали большего, в соответствии с аксиомой, что народы всегда имеют правительство, какого заслуживают (les peuples ont toujours le gouvernement qu'ils méritent)» [Dumas, p. 141].

Ту же мысль, и в том же контексте, высказал современник де Местра Николай Карамзин:

В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего. <...>
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно!

(«Тацит», 1797) [Карамзин, с. 239].

Последнее двустипшие было, по-видимому, переложеной в стихи античной цитатой. У Плутарха Брут говорит о своих друзьях-римлянах: «Они сами больше, чем тираны, виновны в том, что влачат рабскую долю, если терпеливо смотрят на то, о чем и слышать-то непереносимо» («Брут», 28; пер. С. Маркиша.) [Плутарх, т. 2, с. 488].

Карамзиновский «Тацит» был необычайно популярен у декабристов. За два дня до выступления на Сенатской площади Иван Пущин писал: «Нас по справедливости назвали бы подлецами, если б мы пропустили нынешний, единственный случай» (письмо к С.М. Семенову от 12 дек. 1825 г.) [Показания И.И. Пущина, 1826].

Ход мысли де Местра был прямо противоположен: едва ли не единственным средством против злоупотреблений власти было для него усиление роли католической церкви.

В английской печати известна также другая форма изречения: «При демократии каждый народ заслуживает своего правительства (своих лидеров)». Нередко она приписывается Алексису Токвиллю или Аврааму Линкольну.

В 1843 г., за восемь лет до публикации писем де Местра, вышла в свет книга английского историка Томаса Карлейля «Прошлое и настоящее». В главе «Капитаны индустрии» Карлейль писал: «Пра-

ительство, несмотря на все свои указания и распоряжения, не может сделать того, чего Общество коренным образом не расположено делать. В конечном счете каждое правительство есть точный символ своего народа с его мудростью и неразумием; мы могли бы сказать: каков народ, таково и правительство» [Carlyle, p. 361].

Смысл этого высказывания иной, чем смысл высказывания де Местра: правительство не может выполнить работу, которую должно выполнить гражданское общество, включая «капитанов индустрии».

Довольно скоро появились перелицовки «аксиомы де Местра». Немецкий писатель и публицист Карл Эмиль Франкос писал: «Каждая страна имеет таких евреев, каких заслуживает» («Ключ к новой истории евреев», «Neue Freie Presse», 31 марта 1875 г.) [Михельсон, т. 2, с. 18 (2-я паг.); Markiewicz, s. 138].

На I Международном конгрессе по уголовной антропологии в Риме (ноябрь 1885 г.) французский криминолог Александр Лакассань заявил: «В наше время правосудие заклеивает, тюрьма развращает, и общество имеет таких преступников, каких заслуживает» [La responsabilité pénale..., p. 319].

Отсюда возникло изречение «Каждое общество имеет таких преступников, каких заслуживает».

Список источников

- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Карамзин Н.М. Полное собр. стихотворений. – М.; Л.: Сов. писатель, 1966. – 273 с.
- Местр Ж. де. Петербургские письма. – СПб.: Инапресс, 1995. – 334 с.
- Местр Ж. де. Пять писем графа Ж. де Местра графу Разумовскому о народном образовании // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. – Т. 2. – С. 249–280.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. – М.: Терра, 1994. – Т. 1–2. – [Репринт издания 1903–1904 гг.]
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 674 с.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М.: Наука, 1994. – Т. 1–2.
- [Показания И.И. Пущина] // Северная пчела. – СПб., 1826. – 17 июня. – С. 16. – Приложение: Донесение Следственной комиссии.
- Серов В. Крылатые слова: Энциклопедия. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 831 с.

*Каждый народ имеет такое правительство,
какого заслуживает*

* * *

Carlyle T. Past and Present. – London: Chapman and Hall, 1845. – 399 p.

Dumas A. L’homme-femme: réponse à M. Henri d’Ideville. – Paris: M. Lévy, 1872. – 177 p.

La responsabilité pénale: travaux du Colloque de philosophie pénale (12 au 21 janvier 1959). – Paris: Dalloz, 1961. – 564 p.

Maistre J. de. Correspondance diplomatique. – Paris: Michel Lévy, 1861. – T. 2. – 388 p.

Maistre J. de. Lettres inédits // L’Ami de la religion. – Paris, 1843. – T. 119, № 3823, 2 november. – P. 209–215.

Markiewicz H., Romanowski A. Skrzydlate słowa: Wielki słownik cytatów polskich i obcych. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. – 1215 s.

КАЖДЫЙ КОММУНИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧЕКИСТОМ

Весной 1920 г. Ленин указывал:

«Если благодаря своей близорукости вы не можете изоблечь отдельных вожяков кооперации, то посадите туда одного коммуниста, чтобы он указал эту контрреволюцию, и если это хороший коммунист, а хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист, то, поставленный в потребительское общество, он должен притащить по крайней мере двух кооператоров-контрреволюционеров» (речь 3 апреля 1920 г. на IX съезде РКП (б)) [Ленин, т. 40, с. 279].

В 1925 г. на XIV съезде ВКП (б) со своей платформой выступила левая оппозиция во главе с Зиновьевым и Каменевым. И оказалось, что методы работы ЧК используются уже не в кооперации, а внутри самой партии. 26 декабря секретарь Центральной контрольной комиссии Сергей Гусев заявил:

«Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить. Я не предлагаю ввести у нас ЧК в партии. У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, но я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства» [XIV съезд ВКП (б), с. 600–601].

Против внутрипартийного стукачества выступила, несмотря на обструкцию большинства, сторонница Зиновьева Клавдия Николаева (цитирую стенограмму):

«...Двое поговорили по душам по вопросам жизни партии или вообще о политике, один обязательно напишет в ЦКК. (Сольц: «Смотря о чем говорят». Шум.) <...> Тов. Гусев сегодня с этой трибуны сказал так: что же – говорит – мы за доносы, такие доно-

сы должны быть в партии, ибо каждый коммунист должен быть чекистом. Товарищи, что такое чекист? Чекист это есть то орудие, которое направлено против врага. (*Голос с места*: «В интересах партии».) <...> Разве можно, товарищи, сравнивать то, что мы должны были быть чекистами в период гражданской войны, и настоящее время? <...> Это никуда не годится. Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет по-товарищески обмениваться мнением с тем или иным товарищем, это будет только разлагать нашу партию...» [XIV съезд ВКП (б), с. 612–613].

Так появилась формула «Каждый коммунист должен быть чекистом», которую активнее всего пропагандировали сами чекисты.

В 1976 г. в Германии вышла книга историка-эмигранта Абдурахмана Авторханова «Загадка смерти Сталина». Здесь упоминался «лозунг партии 1937 года»: «Каждый гражданин СССР – сотрудник НКВД», со ссылкой на «Правду» от 21 декабря [Авторханов, с. 40].

Со времени «перестройки» этот лозунг стал цитироваться в публицистике, а затем и в трудах профессиональных историков. Согласно петербургскому историку Евгению Анисимову, такие лозунги даже были вывешены в общественных местах [Анисимов, с. 444].

В действительности такой лозунг никогда не существовал. Авторханов своими словами изложил цитату из речи Анастаса Микояна 20 декабря 1937 г. на торжественном заседании по случаю 20-летия ВЧК–ОГПУ–НКВД: «У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец!»

Впрочем, что именно говорил Микоян, не вполне ясно. В «Правде» от 21 декабря 1937 г. давалось лишь краткое изложение его речи, включая приведенные выше слова. Полностью речь появилась в сборнике «20 лет ВЧК–ОГПУ–НКВД» (1938), но как раз этих слов там нет.

Как сообщается в новейшей биографии Микояна, эту речь он не писал, а только озвучил. Как и во многих других случаях, Анастас Иванович решил подстраховаться, и «по его просьбе доклад был подготовлен в стенах самого НКВД» [Павлов, с. 94].

И это очень похоже на правду. Среди прочего, в «полной» версии доклада приведены примеры содействия населения чекистам, которыми поделился с Микояном Ежов:

«Один рабочий сообщил в НКВД об участниках троцкистской организации. В том числе он назвал и своего брата».

«Гражданка Дашкова-Орловская помогла разоблачить шпионскую работу своего бывшего мужа Дашкова-Орловского».

«Пионер Щеглов Коля <...>, увидев, что родной отец ворует социалистическую собственность, <...> сообщил об этом НКВД». (Речь шла о каких-то совхозных стройматериалах; можно не сомневаться, что Коля надолго лишился отца.) [20 лет ВЧК., с. 38–39].

Иначе говоря, чекистами стали не только коммунисты, но и все население, включая детей. Этого, кажется, не предполагал даже персонаж «Бесов» Шигалев, провозгласивший: «Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом» [Достоевский, т. 10, с. 322].

Стоит еще привести высказывание Николая I, который первым создал в России политическую полицию – впрочем, весьма скромную по сравнению с позднейшими временами. В разгар европейской «Весны народов», 21 марта 1848 г., государь заявил депутации петербургского дворянства:

«Некоторые русские журналы дозволили себе напечатать статьи, возбуждающие крестьян против помещиков и вообще неблагоприятные, но я принял меры, и этого впредь не будет. Господа! У меня полиции нет, я не люблю ее: вы моя полиция. Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит» [Гершензон, с. 20].

С конца 1990-х годов вошла в обиход фраза «Бывших чекистов не бывает». Так будто бы ответил Путин Сергею Степашину, который вскоре после своего назначения премьер-министром (май 1999 г.) сказал на коллегии ФСБ: «Я тоже чекист, хотя и бывший».

А 19 сентября того же года бывший директор ФСБ Николай Ковалев, выступая в программе НТВ «Итоги», заметил: «Чекист не может быть бывшим, как сенбернар – порода – не может быть бывшей» [Междометия, 1999].

Герой пьесы Георгия Мдивани «Мой дядя Миша», поставленной в 1966 г., говорил:

«– Я – <...> бывший чекист. Хотя чекистов бывших не бывает, Лена. Чекист всегда чекист, до последнего своего вздоха!» [Мдивани, т. 3, с. 114].

В 1974 г. пьеса была экранизирована на телевидении под названием «Моя судьба». Вполне вероятно, что тогда-то ее и запомнили наследники традиций ВЧК–ОГПУ–НКВД.

Список источников

- Авторханов А.Г. Загадка смерти Сталина: (Заговор Берия). – М.: Слово, 1992. – 140 с.
- Анисимов Е.В. История России от Рюрика до Путина: Люди. События. Даты. – 3-е изд. – М.: Питер, 2009. – 592 с.
- XIV съезд ВКП (б). Стеногр. отчет. – М., 1926.
- 20 лет ВЧК–ОГПУ–НКВД. – М.: Госполитиздат, 1938. – 64 с.
- Гершензон М.О. Николай I и его эпоха. – М.: Захаров, 2001. – 228 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 1–55.
- Междометия // Итоги. – М., 1999. – № 39. – С. 6.
- Мдивани Г.Д. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Искусство, 1983. – Т 2. – 496 с.
- Павлов М.Ю. Анастас Микоян: Политический портрет на фоне советской эпохи. – М.: Международ. отношения, 2010. – 416 с.

КОСТИ ПОМЕРАНСКОГО ГРЕНАДЕРА

«— Ведь когда-то не кто-нибудь, не какой-нибудь штафирка-пацифист, а сам Бисмарк — “железный канцлер” — говорил и повторял не раз: “Все Балканы с Константинополем вместе не стоят костей и одного померанского гренадера”. А у нас из-за Балкан с Константинополем хотят уложить без малого двести тысяч! Неумно, как хотите, — нерасчетливо!» Так в эпосе Сергеева-Ценского «Преображение России» (1914–1958) говорит боевой русский офицер осенью 1915 г. [Сергеев-Ценский, т. 10, с. 495].

Это одна из самых известных фраз «железного канцлера», хотя мало кто помнит, к чему она, собственно, относилась.

Весной 1876 г. турки с необычайной жестокостью подавили восстание в Болгарии. В июне Сербия и Черногория объявили войну Османской империи, но уже к августу были разгромлены. Вмешалась Россия. В ноябре началась мобилизация русской армии. 5 декабря Бисмарк ответил в рейхстаге на запрос о позиции Германии в восточном вопросе:

«Я не сторонник активного участия Германии в этих делах, поскольку в общем не усматриваю для Германии интереса, который стоил бы переломанных костей хотя бы одного померанского мушкетера» [Geflügelte Worte, S. 464; Займовский, с. 67].

Фраза вошла в обиход с заменой «мушкетера» на «гренадера»; но это еще не конец истории. В 1878 г. освобожденная русскими войсками Болгария стала самостоятельным государством во главе с князем Александром Баттенбергским. Тот попытался править самостоятельно, не оглядываясь на российских советников, и в 1886 г. ему предложили отречься. Александр III желал видеть на болгарском престоле русского генерала; Австрия продвигала сак-

сонского принца Фердинанда Кобургского. Обе стороны искали поддержки Германии на случай возможной войны.

Для Бисмарка это соперничество в балканском углу Европы было лишь частью «Большой игры», которую вел он сам. «Железный канцлер» попытался заручиться согласием России не вмешиваться в его дела с Францией взамен за черноморские проливы и контроль над Болгарией. 11 января 1887 г. он заявил в рейхстаге:

«Нам совершенно все равно, кто правит в Болгарии и что вообще станет с Болгарией. Я повторяю все, что говорил раньше о костях померанского гренадера (выражение, которым часто злоупотребляли и которое заездили до полусмерти): весь Восточный вопрос не стоит того, чтобы воевать из-за него. Мы никому не позволим под этим предлогом набросить на нас поводок и рассорить с Россией. Дружба России для нас гораздо важнее дружбы Болгарии и всех ее друзей в нашей стране» [Bismarck, S. 522].

В сущности, это было послание, адресованное Александру III: позвольте нам окончательно добить Францию, и делайте на Балканах что хотите. План этот оказался химерой – выяснилось, что русский император ни в коем случае не допустит разгрома Франции. Две недели спустя Бисмарк разослал германским дворам депешу, в которой разъяснял, что намеренно преувеличил сердечность отношений с Россией. 7 июля 1887 г. Великое народное собрание избрало князем Болгарии принца Кобургского. Россия провозгласила его узурпатором.

А фраза зажила самостоятельной жизнью.

В начале Первой мировой войны один из лидеров британских либералов Дэвид Ллойд Джордж противопоставил своего нынешнего союзника – Россию своему нынешнему врагу – Германии: «Но Россия принесла жертвы для свободы – большие жертвы. Вы помните крик Болгарии, терзаемой самой жестокой из всех тираний, которые когда-либо знала Европа. Кто этот крик услышал? Единственным ответом “более высокой цивилизации” было: свобода болгарских крестьян не стоит жизни одного померанского солдата. Но “грубые варвары Севера” послали тысячи своих сыновей умирать за свободу болгар» (речь в Куинс-холл 19 сентября 1914 г.) [The Great Speeches, p. 91].

16 февраля 1925 г. британский министр иностранных дел, консерватор Остин Чемберлен писал своему заместителю Эйру

Кроу: «Ради Польского коридора ни одно британское правительство не станет и не сможет рисковать костями хотя бы одного британского гренадера» [Reekes, p. 115].

14 апреля 1931 г. в Испании была провозглашена республика; месяц спустя начались поджоги церквей и монастырей. Глава Временного правительства Мануэль Асанья запретил Национальной гвардии вступать в столкновение с толпой. Министру внутренних дел Мигелю Маура, требовавшему более решительных действий, он будто бы заявил: «Все монастыри Испании не стоят жизни одного республиканца». Это высказывание (без упоминания имени Мигеля Маура) приведено в качестве подлинного в книге Н. Платошкина о гражданской войне в Испании [Платошкин, с. 49].

Однако его достоверность сомнительна. Оно известно в передаче Альфредо Вильяльба, профессора Университета Овьедо. Вильяльба, католик-пацифист, после начала Гражданской войны эмигрировал во Францию, а затем в США. В 1937 г. в Париже вышла его книга «Истоки трагедии: Испанская политика в 1923–1936 гг.» [Villalba, 1938]. Год спустя появился английский перевод под загл. «Мученичество Испании: истоки гражданской войны». Здесь слова военного министра приведены в следующем виде: «Все монастыри Испании не стоят жизни одного республиканца, который может погибнуть при подавлении волнений» [Villalba, 1938, p. 160].

Более достоверный свидетель, упомянутый выше Мигель Маура, в своих мемуарах излагает этот эпизод иначе. Когда Маура сообщил военному министру о готовящихся поджогах монастырей, Асанья ответил: «Не верьте этому. Это вздор. Но, окажись это правдой, это было бы проявлением высшей справедливости (*justicia inmanente*)» [Fragoso del Toro, p. 38].

22 июля 1937 г. лорд Дафф Купер, военно-морской министр, заявил в Палате общин: «За что бы ни сражались сегодня в Испании, это не стоит жизни хотя бы одного британского матроса» [Twice a Year, p. 56; Pérez, p. 146].

В марте 1944 г. в Палате представителей США выступила Джесси Самнер, республиканка из штата Иллинойс, ярый критик политики Ф.Д. Рузвельта. Она не поддержала план создания «второго фронта» в Европе: «Неважно, будет править Европой Гитлер или же Сталин. Разница между этими двумя властолюбивыми тиранами не стоит жизни одного американского парня» [Hodson, p. 251].

В последние месяцы Второй мировой войны британский маршал авиации Артур Гаррис настаивал на продолжении массированных авианалетов на Германию, не считаясь с жертвами среди гражданского населения. «Все уцелевшие немецкие города, вместе взятые, не стоят жизни одного британского grenадера», – писал он командующему штабом ВВС Норману Боттомли 29 марта 1945 г. [Jay, p. 162].

В 1961 г. правительство Дж. Ф. Кеннеди рассматривало возможность военного вторжения в Лаос, охваченный гражданской войной. Этот план не был принят. Госсекретарь Дин Раск говорил журналисту Максу Франкелю: «Лаос не стоит жизни хотя бы одного парня с канзасской фермы». Франкель сообщил об этом в 1971 г. [Zillman, p. 170].

6 августа 1964 г. сенат США принял т.н. «Тонкинскую резолюцию» о начале полномасштабной войны во Вьетнаме. Против голосовали лишь два сенатора; один из них, Эрнест Грюнинг, представлявший Аляску, заявил: «Весь Вьетнам не стоит жизни одного американского парня» [Cohen, p. 886].

А после вторжения американских войск в Ирак (2003) появилась фраза: «Ирак не стоит жизни одного американского солдата, тем более – морского пехотинца».

В эпопее А. Солженицына «Красное колесо» («Узел II», 1984) фраза Бисмарка переадресована его оппоненту Александру III: «...еще Александр III сказал Бисмарку: за все Балканы не дам ни одного русского солдата» [Солженицын, т. 13, с. 146]. С тех пор эта фраза нередко цитируется как подлинная.

Бисмарковская фраза имела отдаленного предшественника в эпоху войны за испанское наследство (1701–1714). С конца лета 1711 г. между Англией с Францией велись тайные переговоры о мире. В «Истории четырех последних лет королевы Анны» Джонатана Свифта (опубл. посмертно в 1758 г.) читаем:

«Франция была тогда склонна заключить мир на таких условиях, что отклонять их не стоило ценой жизни хотя бы одного grenадера (it was not worth the life of a grenadier to refuse them)» [Swift, p. 132].

Это высказывание приведено здесь как мнение принца Евгения Савойского, командовавшего австрийской армией.

Список источников

- Займовский С.Г. Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 492 с.
- Платошкин Н.Н. Гражданская война в Испании, 1936–1939 гг. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 480 с.
- Сергеев-Ценский С.Н. Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Правда, 1967.
- Солженицын А.И. Собрание сочинений: [В 20 т.]. – Вермонт; Париж: YMCA Press, 1983–1991.
- * * *
- Bismarck O. von. Denkwürdigkeiten aus seinen Briefen, Reden, Gedanken und Erinnerungen... – Berlin: A. de Groussilliers, 1899. – 568 S.
- Cohen M.J., Cohen J. Major. History in Quotations: Reflecting 5000 Years of World History. – London: Cassell, 2004. – 1008 p.
- Fragoso del Toro V. La España de ayer: (abril 1931 – marzo 1933). – Madrid: Doncel, 1977. – Vol. 2: Adelante la revolución! – 228 p.
- Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein, 2001. – 650 S.
- Hodson J.L. And Yet I Like America. – London: Victor Gollancz, 1945. – 302 p.
- Jay A. The Oxford Dictionary of Political Quotations. – 2-d edition with supplement. – New York: Oxford Univ. Press, 2004. – 516 p.
- Pérez J., Aycock W.M. The Spanish Civil War in Literature. – Lubbock (Tex.): Texas tech. univ. press, 1990. – 178 p.
- Reekes A. Speeches that Changed Britain: Oratory in Birmingham. – Alcester (Warwickshire): West Midlands History, 2015. – 158 p.
- Swift J. The History of the Four Last Years of the Queen. – London: A. Millar, 1758. – 392 p.
- The Great Speeches of the War. – London: Hazel, Watson and Viney, 1915. – 311 p.
- Twice a Year: A Book of Literature, the Arts, and Civil Liberties. – New York: Twice a Year Press, 1940. – № 3/4: Fall-Winter 1939; Spring-Summer 1940. – 566 p.
- Villalba A.M. Aux origines de la tragédie: La politique espagnole de 1923 à 1936. – Paris: Desclée de Brouwer, 1937. – 269 p.
- Villalba A.M. The Martyrdom of Spain: Origins of a Civil War. – New York: C. Scribner's sons, 1938. – 276 p.
- Zillman D.N., Blaustein A.P., Sherman E.F. The Military in American society: cases and materials. – New York: M. Bender, 1978. – 837 p.

МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДОНОСНАЯ ВОЙНА

В январе 1904 г. Россия и Япония заканчивали приготовления к войне за господство на Дальнем Востоке. Военным министром был тогда Куропаткин, а министром внутренних дел и шефом Корпуса жандармов – Вячеслав Плеве. Перед самым началом войны Куропаткин будто бы обвинил Плеве в том, что тот потакал ее зачинщикам «и примкнул к банде политических аферистов». Плеве ответил: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, *нам нужна маленькая победоносная война*».

Так пишет Сергей Юльевич Витте в своих «Воспоминаниях», законченных в 1912 г. и опубликованных десятилетием позже, уже после смерти автора [Витте, т. 2, с. 291 (гл. 38)]. Плеве, напомним, был убит эсерами в июле 1905-го и ни подтвердить, ни опровергнуть сообщения Витте не мог.

Но вот Владимир Гурко, видный сотрудник Министерства внутренних дел, в своей книге «Черты и силуэты прошлого» утверждал, что Плеве «войны этой <...> определенно не желал» [Гурко, с. 348]. К его свидетельству следует отнести со всей серьезностью. В дореволюционной России жандармское ведомство, как правило, менее всего было склонно к шапкозакидательству – как раз потому, что было лучше знакомо с внутренним положением страны.

Формула «маленькая победоносная война» появилась не на пустом месте. К началу XX в. самым свежим примером такой войны была испано-американская война 1898 г. Война была объявлена 25 апреля. 22 июня американцы высадились на Кубе (которая то-

гда принадлежала Испании), 3 июля пала столица Кубы Сантьяго, 12 августа был заключен мирный договор. Куба стала американским протекторатом; сверх того, Америка получила базу в Гуантанамо, Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам, а заодно аннексировала Гавайи – т.е. стала преобладающей силой на Тихом океане. В бою и от ран погибло всего ок. 1 тыс. американцев, еще 4,5 тыс. умерли от тропических болезней.

Больше других отличился Первый полк волонтеров кавалерии, набранный, по инициативе Теодора Рузвельта, из ковбоев, спортсменов и полицейских. Рузвельт стал заместителем командира полка. Вопреки своему названию, полк сражался в пешем строю: лошадей перебросить на Кубу не удалось. 27 июля 1898 г., когда исход войны был уже ясен, посол США в Лондоне Джон Хей писал Рузвельту: «Это была блестящая маленькая война» («It has been a splendid little war») [Jay, p. 171].

В том же году Рузвельт, герой «блестящей маленькой войны», стал губернатором штата Нью-Йорк, два года спустя – вице-президентом, а еще через год, после убийства президента Маккинли, – президентом. В 1900 г. вышла его книга «Описание испано-американской войны»; здесь-то и было напечатано письмо Хей.

Как известно, мирный договор России с Японией был заключен в Портсмуте (США) усилиями Витте и при посредничестве Теодора Рузвельта. Вполне возможно, что «маленькая победоносная война» в «Воспоминаниях» Витте была просто «переводом на русский» «блестящей маленькой войны».

У формулы Витте были и другие аналоги. В годы Первой мировой войны (т.е. до публикации «Воспоминаний» Витте) во французской и американской печати встречалось выражение «короткая победоносная война» («guerre courte et victorieuse», «a short victorious war»). Так задним числом оценивались намерения германских стратегов в 1914 г. [Beuens, p. 150; Hugins, p. 110].

21 октября 1916 г. австрийский социал-демократ Фридрих Адлер застрелил министра-президента Австро-Венгрии графа Карла фон Штюргка. Мотивом убийства он назвал протест против войны. В своей речи на суде он говорил: «...В начале войны я опасался, что короткая победоносная война на долгие десятилетия укоренит абсолютизм...» [Adler, S. 27].

В книге Дэвида Хилла «Впечатления о кайзере» (1918) говорилось: «Вильгельм II хотел не этой войны, а веселенькой, короткой, победоносной войны (a swift, short, victorious war)» [Hill, p. 309].

Патент на «веселенькую войну» принадлежит немцам. В середине XIX в. историк и публицист Генрих Лео издавал «Народную газету для города и деревни». В 1853 г. на страницах этой газеты он заявил: «Избави нас, Боже, от гнили европейских народов и даруй нам свежую, радостную войну [frischen, fröhlichen Krieg], которая встряхнет Европу». Шесть лет спустя он повторил это выражение в той же газете в форме «frisch-fröhlichen Krieg» [Geflügelte Worte, S. 450].

В справочнике С. Займовского «Крылатое слово» (1930) этот оборот переведен как «свеженькая, веселенькая война» [Займовский, с. 317].

А в 1913 г. германский кронпринц Фридрих-Вильгельм в предисловии к сборнику «Германия под оружием» («Deutschland in Waffen») заявил: «Следует возродить свежий и радостный дух предков» [Boudet, p. 501].

Между тем герцог Веллингтон, победитель при Ватерлоо, говорил: «Для великой нации не бывает маленьких войн» (речь в Палате лордов 16 января 1838 г.) [Palmer, p. 233].

Список источников

Витте С.Ю. Воспоминания. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 1–2.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 746 с.

Займовский С.Г. Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. – М.; JL: Госиздат, 1930. – 492 с.

* * *

Adler F. Ich Klage An! Friedrick Adler's grosse Rede vor Gericht. – Chicago: Deutschen Sprachgruppe der Sozialist. Partei der Ver. Staaten, 1918. – 43 S.

Beyens E.-N. L'Allemagne avant la guerre: les causes et les responsabilités. – Bruxelles; Paris: Van Oest, 1915. – 364 p.

Boudet J. Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.

Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein, 2001. – 650 S.

Hill D.J. Impressions of the Kaiser. – New York; London: Harper & Brothers, 1918. – 367 p.

III. История политических формул и лозунгов

- Hugins R. Germany Misjudged: An Appeal to International Good Will in the Interest of a Lasting Peace. – Chicago; London: The Open Court Publishing, 1916. – 114 p.
- Jay A. The Oxford Dictionary of Political Quotations. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1997. – 515 p.
- Palmer A.W., Palmer V.T. Quotations in History: A Dictionary of Historical Quotations. – Brighton: Harvester Press, 1980. – 354 p.

НАШ СУКИН СЫН

Обычно считается, что первым произнес эту фразу Франклин Делано Рузвельт и относилась она к президенту Никарагуа Анастасио Сомосе-старшему.

5 мая 1939 г. Сомоса с супругой вышли из вагона на Юнионстейшн – железнодорожном вокзале Вашингтона. Его встречали Рузвельт с супругой, кабинет министров почти в полном составе и лидеры Конгресса. По всему пути следования кортежа стояли облаченные в парадную форму войска и множество военной техники, включая тридцать танков. Месяц спустя так же встречали английского короля Георга VI с королевой Елизаветой, а прежде так в Вашингтоне никого не встречали. В Белом доме Сомоса подарил Рузвельту полную коллекцию никарагуанских марок и предложил прорыть новый межокееанский канал – через Никарагуа, ради большей безопасности континента.

Три дня спустя Сомоса выступил в Конгрессе. Конгрессмены были настроены менее дружелюбно, а республиканец Хон Шафер даже назвал почетного гостя «южноамериканским диктатором».

Ходили слухи, что накануне визита советник Рузвельта Самнер Уэллс представил президенту доклад, в котором Сомоса изображался в крайне неприглядном виде. Внимательно прочитав доклад, Рузвельт заметил: «Как сказал бы никарагуанец, он хоть и сукин сын, но *наш*».

Но кто и когда сообщил об этих словах? Сообщил о них еженедельник «Тайм» в неподписанной статье о Сомосе «Я – чемпион», опубликованной через десять лет после визита Сомосы и через четыре – после смерти Ф. Д. Рузвельта. Этот эпизод назван в

статье «историей, которую рассказывали в Вашингтоне» [Safire, p. 676]. Никаких подтверждений ее достоверности не обнаружено и поныне.

Зато обнаружили, что нечто подобное говорили о самом Рузвельте. Ф.Д. Рузвельт был номинирован в президенты в июле 1932 г., на Чикагском съезде Демократической партии. Его кандидатура прошла значительным большинством голосов, однако не все партийные боссы были этим довольны. Журналист Дж. Ф. Картер сообщал, что одного из наиболее упорных противников Рузвельта, генерала Хью Джонсона, спросили, как он расценивает результаты голосования. Вместо ответа генерал рассказал «старый анекдот» о провинциальном съезде демократов. Когда делегаты избрали сомнительного кандидата, один из участников воскликнул в сердцах: «Ни в коем случае нельзя было допускать избрание этого парня. Он же такой разсякой (a So and So)!» Другой вздохнул, помолчал и ответил: «В конце концов, этот парень не так уж и плох: все же он *наш* такой разсякой (He's *our* So and So)». («Washington Post», 12 фев. 1934, p. 1; вошло в книгу Картера «Деятели Нового курса» («The new dealers»), 1934) [цит. по: Popik, 2014].

«Старый анекдот» к тому времени действительно оброс бордой: в печати он не позднее 1868 г.: «Однажды некий политик убеждал своего коллегу по партии, еще не утратившего совесть и чувство приличия, голосовать за кандидата сомнительных нравственных качеств. “Но ведь он большая каналья (a great gascal)!”, – возмутился тот. В ответ он услышал: “Да, но это *наша* каналья”» [The Difference, 1868].

С тех пор этот анекдот, с различными вариациями, гулял по страницам американских газет. Нередко его связывали с именем Таддеуса Стивенса (1792–1868), соратника Линкольна; в годы Гражданской войны он был лидером левого крыла республиканцев. Рассказывали, что однажды, выбирая человека на должность, Стивенс спросил коллег, кто из двух соискателей лучше. «Оба большие канальи», – ответили ему. «Да, но кто из них *наша* каналья (damned gascal)?» – уточнил свой вопрос Стивенс [Popik, 2014].

В 1952 г. президент Эйзенхауэр вел кампанию за вторичное избрание на пост президента. Основным кандидатом в вице-президенты был Ричард Никсон, однако в прессе разгорелся скандал, связанный с фондом поддержки Никсона за счет частного

бизнеса. Шерман Адамс, будущий глава аппарата Белого дома, настаивал на исключении Никсона из избирательной гонки. Видный республиканец Роберт Хэмпфри возразил: «Возможно, он сукин сын, но это наш сукин сын!» Адамс ответил: «У генерала Эйзенхауэра нет сукиных детей, бегущих за ним» [Ewald, p. 52]. 23 сентября 1952 г. Никсон выступил по телевидению с защитой от обвинений. Эта речь имела успех, и Никсон продолжил свою политическую карьеру.

О генерале Мануэле Норьега, который фактически правил Панамой в 1983–1989 гг., глава ЦРУ Уильям Кейси «не менее шести раз» говорил конгрессмену Ли Гамильтону: «Он ублюдок, но он наш ублюдок (our bastard)». Рассказывая об этом в 1988 г., Гамильтон добавил: «В этих словах неверно одно: он не был нашим ублюдком. Нашим ублюдком он был лишь отчасти» [Johnson, p. 273]. Как раз в 1988 г. власти США обвинили генерала в наркоторговле. Два года спустя он был доставлен в США, здесь осужден, в 2010 г. экстрадирован во Францию, где также был осужден, и умер в 2017 г. уже в панамской тюрьме.

Легендарная фраза Рузвельта множество раз цитировалась в советской печати, едва ли не чаще всего – для обличения лицемерия американских властей, которые вступаются за права человека в странах соцлагеря, но поддерживают угодные им диктаторские режимы.

К этому аргументу прибег и Михаил Горбачев на исторической встрече с Маргарет Тэтчер в Кремле 16 декабря 1984 г.:

«Тэтчер утверждала, что “рука Москвы” просматривается чуть ли не за всеми конфликтами в мире. <...> Спор наш приобрел яростный оттенок. Я напомнил, что и Запад на этот счет не безгрешен и поддерживает тоталитарные режимы по принципу: “хоть и сукин сын, но это наш сукин сын”. Тэтчер: “мы вас боимся”, вы, мол, напали на свою союзницу Чехословакию, на Афганистан, вы непредсказуемы. В конце концов мы вернулись на примирительный тон» [Горбачев, с. 100].

Уже в путинскую эпоху тем же аргументом воспользовался председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин. В августе 2008 г. он выступил с юридическим обоснованием российской «операции по принуждению к миру» в Южной Осетии. Прочитав изречение «Да, это сукин сын, но наш сукин сын», он

продолжал: «...Разве это утверждение не стало принципом США в отбеливании массовых нарушений прав человека своих марионеточных режимов?» («Пройти по лезвию бритвы: Принуждение к миру и права человека», «Российская газета», 13 авг. 2008 г.) [цит. по: Зорькин, 2010, с. 452].

Аналоги изречения о «нашем сукине сыне» можно отыскать и в российской политической литературе. Владимир Войтинский (бывший большевик, а с 1917 г. меньшевик) в своих воспоминаниях о революции 1905 г. приводит слова Ленина: «Партия не пансион для благородных девиц. <...> Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец...»; «У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится...» [Войтинский, с. 102–103].

Это высказывание потом многократно цитировалось, хотя, разумеется, степень его достоверности остается неясной.

Зато достоверно принадлежат Ленину слова, написанные в связи с махинациями партийцев из Центрального жилищного отдела Моссовета: «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает “своих” мерзавцев!!» (Письмо в Политбюро ЦК ВКП (б) от 18 марта 1922 г.; опубли. в 1962 г.) [Ленин, т. 45, с. 53].

В этом письме Ленин предлагает «своих мерзавцев» карать строже. Однако карательная практика Советского государства осталась прежней. Исключением была разве что эпоха Большого террора 1937–1938 гг., хотя и тогда беспартийные пострадали никак не меньше, а партийцев карали, не разбирая, «мерзавцы» они или нет.

Список источников

- Войтинский В.С. Годы побед и поражений. – Берлин: Изд. З.И. Гржебина, 1924. – Кн. 2: На ущербе революции. – 411 с.
- Горбачев М.С. Понять перестройку: почему это важно сейчас. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 400 с.
- Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: НОРМА, 2010. – 543 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 1–55.

* * *

Ewald W.B. Eisenhower the President: Crucial Days, 1951–1960. – New York: Prentice-Hall, 1981. – 336 p.

Johnson H. Sleepwalking Through History: America in the Reagan Years. – New York: W.W. Norton, 1991. – 524 p.

Popik B. He may be a son of a bitch, but he's our son of a bitch // Big Apple Corner [Сетевое издание]. – 2014. – October 04. – Mode of access: https://www.barrypopik.com/index.php/new_york_city/entry/he_may_be_a_son_of_a_bitch_but_hes_our_son_of_a_bitch (Дата обращения: 1.12.2014.)

Safire W. Safire's Political Dictionary. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2008. – 896 p.

The Difference // Advocate. – Newark, 1868. – 11 Sept. – Цит. по: Режим доступа: <http://listserv.linguistlist.org/pipermail/ads-1/2007-August/072977.html>

НЕ СПРАШИВАЙ, ЧТО ТВОЯ СТРАНА МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ДЛЯ ТЕБЯ...

20 января 1961 г. Джон Кеннеди произнес речь при вступлении в должность президента. Он говорил:

«...Мои дорогие соотечественники, не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, – спрашивайте, что можете вы сделать для своей страны (ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country).

Мои дорогие сограждане мира, не спрашивайте, что Америка сделает для вас, – спрашивайте, что можем мы вместе сделать для свободы человека» [Knowles, p. 433].

Обычно первая фраза цитируется чуть иначе: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, – спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны».

Еще раньше Кеннеди трижды использовал тот же оборот в ходе своей избирательной кампании. 15 июля 1960 г. в Лос-Анджелесе, на съезде Демократической партии, выдвинувшей его кандидатом в президенты, он заявил: «Речь идет не о том, что я намерен предложить американскому народу, а о том, что я намерен просить от него» [Safire, p. 466].

5 сентября 1960 г. в Детройте он говорил: «Новые рубежи – это не то, что я собираюсь вам обещать. Новые рубежи – это то, что я прошу вас сделать для вашей страны» [Shapiro, p. 430].

20 сентября в Вашингтоне Кеннеди повторил: «В этой кампании мы в первую очередь говорим не о том, что наша страна собирается сделать для нашего народа. В первую очередь мы говорим о том, что мы можем сделать для нашей страны, для всех нас» [Shapiro, p. 430].

Кеннеди, вместе со своими спичрайтерами, любил заимствовать старые изречения, обычно в измененном виде. Не случайно Ралф Кейз, написавший заметку об ораторских приемах Кеннеди, дал ей название «Ask Not Where This Quote Came From» – «Не спрашивай, откуда эта цитата» («Вашингтон пост», 4 июня 2006).

Немало стараний было потрачено, чтобы отыскать источники самого известного изречения Кеннеди. Среди прочих называлось имя Жана Жака Руссо. В книге «Тысяча дней» (1965) Артур Шлезингер, помощник и один из спичрайтеров президента, сообщал, что уже в 1945 г. Кеннеди занес в свой блокнот с цитатными выписками высказывание Руссо: «Как только кто-либо говорит о делах государства: “Что мне до этого?” – следует считать, что государство погибло» [Schlesinger, p. 108].

Эта мысль взята из трактата Руссо «Об общественном договоре» (1762). Однако по форме она вовсе не похожа на изречение Кеннеди.

Зато очень близка к нему формула из речи Уоррена Гардинга, произнесенной 7 июня 1916 г. в Чикаго на съезде Республиканской партии: «Нашим гражданам следует меньше думать о том, что правительство может сделать для них, и больше заботиться о том, что они могут сделать для страны» [Keyes, p. 6].

Эту речь Гардинг произнес при своем выдвижении кандидатом в президенты – т.е. при тех же обстоятельствах, что и Кеннеди в июле 1960 г. Так что вполне вероятно, что именно она послужила ближайшим источником для Кеннеди и его спичрайтеров.

Но и Гардинг не был оригинален.

30 мая 1884 г. в Кине (штат Нью-Гемпшир) с речью по случаю Дня поминовения выступил Оливер Уэнделл Холмс-младший, член Верховного суда и один из лучших ораторов своего времени. Здесь он сказал: «Пора <...> вспомнить, что сделала для каждого из нас наша страна, и спросить себя, что мы можем сделать для нашей страны» [Augard, p. 164].

Судя по всему, это и есть прообраз «формулы Кеннеди».

Сравнительно недавно появилась еще одна версия. В 1925 г. знаменитый ливанский писатель Халиль Джебран, давно уже живший в Америке, опубликовал – по-арабски – открытое письмо членам ливанского парламента; в английских переводах оно именуется «Новые рубежи». Согласно английскому переводу 1975 г.,

Джебран писал: «...Скажи мне, кто ты и что ты – политикан, спрашивающий, что твоя родина может сделать для тебя, или энтузиаст, спрашивающий, что ты можешь сделать для своей родины?» [Gibran, 1925].

Если вспомнить, что свою программу Кеннеди, вслед за Франклином Рузвельтом, назвал «Новые рубежи», то напрашивается мысль о заимствовании у ливанского классика.

Однако Кеннеди мог знать только первый перевод «Новых рубежей» Джебрана на английский, опубликованный в 1957 г. А здесь его слова переведены совсем по-другому:

«Кто ты – политикан, который говорит себе: “Я буду использовать свою страну для своей собственной выгоды”? Если да, то ты не более чем паразит, живущий на чужом теле. Или же ты преданный патриот, который шепчет своему внутреннему “Я”: “Я буду с радостью служить своей стране как верный слуга”?» [Billington, p. 149].

Не приходится сомневаться, что в 1975 г. переводчик Джебрана воспользовался «формулой Кеннеди», не побоявшись отойти от оригинального текста.

Список источников

- Augard T. The Oxford Dictionary of Modern Quotations. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, [1996]. – 530 p.
- Billington J.H. Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. – [Без м. и.]: Courier Corporation, 2010. – 520 p.
- Gibran K. The New Frontier (1925). – Цит. по: Mode of access: <http://leb.net/mira/works/frontier.html>
- Keyes R. The Quote Verifier: Who Said What, Where, And When. – New York: St.Martin’s Press, 2006. – 387 p.
- Knowles E. The Oxford Dictionary of Quotations. – 5-th ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. – 1136 p.
- Safire W. Safire’s Political Dictionary. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. – 862 p.
- Schlesinger R. White House Ghosts: Presidents and Their Speechwriters. – New York: Simon & Schuster, 2008. – 592 p.
- Shapiro F.R. The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale univ. press, 2006. – 1068 p.

КОРОЛЬ ЦАРСТВУЕТ, НО НЕ УПРАВЛЯЕТ

В романе Олдоса Хаксли «Остров» читаем:

«— ...Вы станете лишь номинальным главой государства. Как английская королева, которая царствует, но не управляет страной» (пер. И. Моничева) [Хаксли, с. 52].

Действительно, формула «царствует, но не управляет» ныне чаще всего ассоциируется с королевой Великобритании. Уже в 1867 г. английский экономист и политический философ Уолтер Баджот писал:

«Королева <...> должна подписать свой собственный смертный приговор, если он будет предложен ей обеими палатами парламента». «...Премьер-министр — глава исполнительной власти согласно основным законам Британии, а монарх — лишь колесико в этом механизме» («Основные законы Англии», гл. «Монархия») [Bagehot, p. 57, 58].

Со второй половины XIX в. изречение «Король царствует, но не управляет» в его латинской форме («*Rex regnat, sed non gubernat*») приписывалось Яну Замойскому (1542–1605), канцлеру и коронному гетману Речи Посполитой.

Эта версия восходит к «Похвальному слову Яну Замойскому» (1785) польского просветителя Станислава Сташица. Здесь приводился вымышленный эпизод заседания одного из польских сеймов: когда король Сигизмунд III в порыве гнева схватился за саблю, Замойский будто бы воскликнул:

«— Король, не берись за оружие, чтобы тебя не назвали Цезарем, а нас — Брутами! Мы избираем королей и свергаем тиранов. Царствуй, но не господствуй [как деспот]! (...*Regna, sed non impera!*)» [Staszyc, s. 165].

В действительности формула «царствует, но не управляет» возникла во Франции, причем при короле, который и царствовал, и управлял.

В 1814 г., после реставрации монархии Бурбонов, Людовик XVIII даровал своим подданным конституцию; обычно она именуется Хартией. Согласно Хартии глава исполнительной власти – король; законодательная власть разделена между королем и двухпалатным парламентом, причем Палату пэров формирует опять же король.

После смерти Людовика XVIII на трон вступил его брат Карл X, считавшей Хартию чересчур либеральной. В августе 1829 г. правительство возглавил герцог де Полиньяк, приверженец идеи абсолютной монархии.

Вождем либеральной оппозиции стал знаменитый историк Адольф Тьер. В газете «National», выходившей с начала 1830 г., он последовательно отстаивал принцип конституционного правления.

20 января Тьер писал: «Он [король] царствует, а народ управляет» – «Il régné et le peuple gouverne»; 4 февраля: «Король не администрирует, не управляет (n'administre pas, ne gouverne pas) – он царствует»; а 19 февраля: «Король царствует, но не управляет» – «Le roi régné et ne gouverne pas» [Boudet, p. 1017].

В июле того же года монархия Бурбонов была сметена революцией; на трон вступил Луи-Филипп, герцог Орлеанский. Формально новая система власти немногим отличалась от старой, за исключением того, что обе палаты получили право законодательной инициативы. Однако фактически роль Палаты депутатов, особенно во внутренней политике, резко возросла.

Два года спустя после Июльской революции генеральный прокурор Жан Персиль (J. Persil) заявил:

«Царствовать и управлять – две вещи нераздельные. Этот республиканский принцип [«Король царствует, но не управляет»] следует заменить другим: Король царствует, управляет, но не администрирует» (речь 4 ноября 1833 г.) [Boudet, p. 1017].

«Обратный» вариант формулы Тьера обнаружился в 1854 г., после выхода в свет «Мемуаров» французского историка Шарля Эно (1685–1770). Согласно Эно, о принцессе Урсинской, одной из фавориток испанского короля Филиппа V, говорили: «Она правит, хотя и не царствует» («Elle gouvernoit, mais elle ne régnoit pas») [Hénault, p. 161 (гл. 14)]. Это, конечно, было преувеличением, хотя

в первые годы правления Филиппа V (начало 1700-х годов) принцесса Урсинская действительно обладала немалым влиянием при дворе.

В эпоху Июльской монархии Дельфина де Жирарден писала о парижском салоне княгини Ливен:

«Госпожа Ливен избрала единственную политическую роль, какая пристала женщине: <...> она не вершит политику, она позволяет, чтобы политика вершилась с ее помощью <...>: в своем салоне *она царствует, но не правит*» («Парижские письма», 15 декабря 1836 г.; пер. Веры Мильчиной) [Жирарден, с. 69.]

Во французской Третьей республике (1870–1940) главой исполнительной власти стал президент, избираемый не всеобщим голосованием, а обеими палатами парламента. В 1886 г. английский историк и правовед Генри Мэйн сопоставил четыре системы правления:

«Давние короли Франции царствовали и управляли. Конституционный король, согласно г-ну Тьеру, царствует, но не управляет. Президент Соединенных Штатов управляет, но не царствует. На долю президента Французской республики выпало ни царствовать, ни управлять» («Демократическое правительство», IV) [Maine, p. 250].

Это высказывание цитировалось множество раз вплоть до 1958 г., когда во Франции была установлена т.н. Пятая республика, в которой роль президента (им тогда был де Голль) резко возросла.

«Президент президентствует, а правительство правит» – формула «сожителства» левого президента и правого правительства в 1980-е годы. Ее предложил голлист Жак Шабан-Дельмас, выступая по телевидению в декабре 1985 г. [Boudet, p. 223].

Советский журналист-международник Станислав Кондрашов применил «формулу Тьера» к американским президентам, не выдвинутым на второй срок: «Американский президент, не добившийся переизбрания и называемый подстреленной уткой, похож на британскую королеву: он царствует, но не правит» [Кондрашов, с. 30]. Но тут мы имеем дело с очевидной гиперболой.

Список источников

Жирарден Д. де. Парижские письма виконта де Лоне. – М.: Нов. лит. обзор., 2009. – 496 с.

III. История политических формул и лозунгов

Кондрашов С.Н. Мы и они в этом тесном мире: Дневник политического обозревателя. – М.: Политиздат, 1984. – 351 с.

Хаксли О. Остров; Обезьяна и сущность; Гений и богиня. – М.: АСТ, 2017. – 576 с.

* * *

Bagehot W. The English Constitution. – London: Henry S. King, 1872. – 291 p.

Boudet J. Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.

Hénault C.-J.-F. Mémoires du président Hénault: écrits par lui-même. – Paris: E. Dentu, 1855. – 436 p.

Maine H.S. Popular government; four essays. – New York: H. Holt, 1886. – 293 p.

Staszyc S. Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego, hetmana wielkiego koronnego. – Kraków: Drukarnia «Czasu», 1861. – 229 s.

ОТПРАВИТЬ НА СВАЛКУ ИСТОРИИ

Чаще всего это выражение связывают с именем Льва Троцкого, который 25 октября 1917 г., после падения Временного правительства, заявил в Петроградском совете, обращаясь к меньшевикам и эсерам:

«Вы – банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории» [Троцкий, т. 3, ч. 2, с. 391, коммент.].

Днем раньше, 24 октября, Троцкий говорил в том же Петроградском совете:

«У нас есть полувласть, которой не верит народ и которая сама в себя не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа». (Согласно отчету в газ. «Рабочий путь» от 26 октября) [Троцкий, т. 3, ч. 2, с. 53].

Однако тогда же тот же образ использовали противники большевиков. Меньшевик Н. Валентинов писал: «Дворник истории возьмет швабру в руки и выметет всю нечисть в мусорный ящик истории» [Валентинов, 1917].

Объясняется это тем, что к 1917 году различные варианты этой метафоры уже существовали в основных европейских языках.

О «большой мусорной корзине, именуемой историей» («that great dust-heap called history»), говорил английский политик и литератор Огастин Биррелл в эссе «Карлейль» (1884) из цикла «Obiter Dicta» («Попутные замечания») [Keyes, p. 48–49, 284]. Почти сразу же это выражение попало в словари цитат [Dalbiac, p. 241].

Однако еще до Биррела тот же образ встречался у английского драматурга и писателя-юмориста Фрэнсиса Каули Бёрнарда (1836–1917): «...просеивать хлам в мусорной корзине Истории (the dustbin of History) в надежде обнаружить алмаз Истины» («Мое время и что я с ним сделал: Автобиография», 1874) [Burnand, p. 266].

С конца XIX в. в английской печати появляются выражения «вымести в мусорный ящик истории (или: прошлого)», «выбросить в мусорную кучу (на свалку) истории», например:

«Традиции “Розмари-лейн” [популярная мелодраматическая баллада] теперь сами выметены в “мусорную корзину прошлого”, выражаясь словам Томаса Карлейля» («swept into <...> “the dustbin of the past”»; ссылка на Карлейля ошибочна) [Miles, p. 355].

«Если бы нам, чтобы выполнить огромную работу по спасению Союза, пришлось бы положиться на металлические деньги любого рода, то, несомненно, Американская Республика была бы разорвана на куски и остатки наших свобод были бы выброшены в мусорную кучу истории (cast out on the ash heap of history)» [Ridpath, p. 9].

В первых английских переводах, в т.ч. у Джона Рида и Альберта Риса Уильямса («Десять дней, которые потрясли мир», 1920; «По Советской России», 1921), «сорная корзина истории» в речи Троцкого переводилась оборотом «garbage heap» – «мусорная куча» [Reed, p. 94; Williams, p. 103].

Выражение «выбросить на свалку истории» восходит, по видимому, к трактату «Единственный и его достояние» (1844) немецкого философа-младогегельянца Макса Штирнера. Во вступлении к трактату Штирнер писал:

«Человечество <...> заставляет истощаться на служении себе отдельных людей и целые народы; использовав их до конца в своих целях, оно выбрасывает их в знак благодарности на свалку истории (auf den Mist der Geschichte)» [Штирнер, 1907 (пер. Л. И. Г.), с. 8; Stirner, S. 6].

Основное значение слова «der Mist» – «навоз». Исследователь 1920-х годов Николай Булычев считал, что именно к этому высказыванию восходят слова Ивана Карамазова в его знаменитом монологе о «слезинке ребенка» («Братья Карамазовы», II, 5, 4): «Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страда-

ниями своими унавозить кому-то будущую гармонию <...>» [Булочев, с. 60; Достоевский, т. 14, с. 222].

В 1906–1910 гг. книга Штирнера была издана в России в шести разных издательствах. В других переводах читаем: «...в мусорную яму истории» [Штирнер, 1907 (пер. Б. Гиммельфарба и М. Гохшиллера), ч. 1, с. 202]; «на навозную кучу истории» [Штирнер, 1910 (пер. под ред. И.А.), с. 1]; «...обращает их в удобрение истории» [Штирнер, 1907 (пер. Г. Федера), с. 1]; «сдаёт их на свалку в исторический архив» [Штирнер, 1906 (пер. В. Ульриха), с. 3–4] и, наконец, самый приглаженный перевод: «бросает их <...> в забвение истории» [Штирнер, 1907, пер. Н. Г-ой, с. 8].

11 апреля 1868 г. Карл Маркс писал своей дочери Лауре (в замужестве Лафарг): «Я только машина, обреченная пожирать их [книги], а затем выбрасывать в видоизмененной форме в навозную кучу истории (*le fumier de l'histoire, франц.*)» [Lacascade, p. 221]. (В советском собрании сочинений переведено: «в мусорный ящик истории» [Маркс, Энгельс, т. 32, с. 454].)

Это выражение встречалось по-французски и раньше. Так, в 1858 г. консервативный англо-французский публицист Шарль де Бюсси (наст. имя Чарльз Маршал) писал: «Весь этот социальный помет (*cet excrément social*) был сметен принципом торжествующей власти и брошен в навозную кучу истории» («Заговорщики в Англии. 1848–1858») [Bussy, p. 43].

«Навоз истории», вероятно, восходит к библейскому «навоз для земли»: «...истреблены <...>, сделались навозом для земли» (Пс., 82:11); «Не уберут их и не похоронят: они будут навозом на земле» (Иер., 8:2).

В СССР оборот «выбросить на свалку истории» возобладали лишь в 1930-е годы, вытеснив «мусорную корзину истории». Можно предположить, что это было связано с общим ужесточением языка пропаганды в сталинскую эпоху. В романе конца 1920-х годов эти обороты сконтаминированы (не вполне стилистически грамотно): «Никакими виселицами генералы нас не запугают... Скоро сметем их в мусорную свалку истории» [Журба, с. 517].

8 июня 1982 г. Рональд Рейган заявил в британской Палате общин: «...Шествие свободы и демократии <...> оставит марксизм-ленинизм на свалке (*the ash heap*) истории, подобно другим тираниям...» [Public Papers, p. 747].

Год с небольшим спустя, 1 сентября 1983 г., советский истребитель сбил над Сахалином южнокорейский «Боинг-747». Погибло 269 пассажиров и членов экипажа. В специальном заявлении Юрия Андропова от 29 сентября этот эпизод был назван «изошренной провокацией, организованной спецслужбами США с использованием южнокорейского самолета». Генсек предупредил, что советские вооруженные силы находятся в полной боеготовности, и напомнил:

«Те, кто покушался на целостность нашего государства, на его независимость, на наш строй, оказались на свалке истории» [Внешняя политика, с. 174].

Государство, от имени которого выступал Андропов, просуществовало еще восемь лет и три месяца.

Список источников

- Булычев Н.Г. Штирнер и Достоевский. – М.: Голос труда, 1925. – 79 с. – Подпись: Отверженный.
- Валентинов Н. Мужество. [Передовая статья] // Власть народа. – М., 1917. – 27 окт. – С. 1.
- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1983 год: Сб. документов. – М.: Ин-т межд. отношений, 1984. – 318 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
- Журба П.П. Черный пар: Роман. – Харьков: Пролетарий, 1928. – 560 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1956–1981. – Т. 1–50.
- Троцкий Л.Д. Сочинения: В 21 т. – М.; Л.: Госиздат, 1925–1927.
- Штирнер М. Единственный и его достояние / Пер. Л. И. Г. – М.: Индивид, 1907 [На внутр. стороне титул. листа: 1906]. – 478 с.
- Штирнер М. Единственный и его достояние / Пер. под ред. И.А. – СПб.: Тип. «Сириус», 1910. – 276 с.
- Штирнер М. Единственный и его достояние / Пер. Н. Г-ой. – М.: В.М. Саблин, 1907. – 351 с.
- Штирнер М. Единственный и его собственность / Пер. Б. Гиммельфарба, М. Гохшиллера. – СПб.: Б-ка «Светоча», 1907. – Ч. 1–2.
- Штирнер М. Единственный и его собственность / Пер. Г. Федерера. – СПб.: Изд. В.И. Яковенко, 1907. – 268 с.
- Штирнер М. Единственный и его собственность / Пер. В. Ульриха. – Лейпциг; СПб.: Книгоизд-во «Мысль»: А. Миллер, 1906. – 244 с.

* * *

- Burnand F.C. My Time, and what I've Done with it: An Autobiography. – London: Macmillan, 1874. – 487 p.
- Bussy C. de. Les Conspireurs en Angleterre, 1848–1858: Étude historique. – Paris: Lebigre-Duquesne frères, 1858. – 359 p.
- Dalbiac P.H. Dictionary of quotations (English). – London: S. Sonnenschein; New York: The Macmillan, 1897. – 530 p.
- Keyes R. The Quote Verifier: Who Said What, Where, And When. – New York: St. Martin's Press, 2006. – 387 p.
- Lacascade J.-L. Les métamorphoses du jeune Marx. – Paris: Presses univ. de France, 2002. – 313 p.
- Miles H.D. Pugilistica: Being One Hundred and Forty-four Years of the History of British Boxing. – London: Weldon and Company, 1880. – Vol. 2. – 544 p.
- Public Papers of the Presidents of the United States: Ronald Reagan. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1983. – Book 2: January 1 to July 2 1982. – 890 p.
- Reed J. Ten Days that Shook the World. – New York: Boni and Liveright, 1922. – 371 p.
- Ridpath J.C. Bond and The Dollar. – Washington, D.C.: Hartman and Cadick, 1898. – 39 p.
- Stirner M. Der Einzige und sein Eigenthum. – Leipzig: Otto Wigand, 1845. – 491 S.
- Williams A.R. Through the Russian Revolution. – New York: Boni and Liveright, 1921. – 311 p.

ПЕРЕПРЫГНУТЬ ПРОПАСТЬ В ДВА ПРЫЖКА

В 1979 г. скульптор Эрнст Неизвестный заметил: «Хрущев был человеком, который хотел перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Но сделать это было невозможно» (мемуарный очерк «Диалог с Хрущевым» в журн. «Время и мы» (Тель-Авив), № 41) [цит. по: Неизвестный, с. 18].

В 1988 г. эту мысль повторил Евгений Евтушенко: «Идея создания мемориала, посвященного жертвам культа личности, возникла не сейчас, а после отважной, исторически переломной речи Хрущева на Двдцатом съезде партии. <...> Среди тех, кто этой идеи испугался, был и человек, ее не прямо, но косвенно выдвинувший, – сам Хрущев. Почему? Да потому, что, по выражению Черчилля, он был человеком, пытавшимся перепрыгнуть пропасть в два прыжка». (Статья «Пропасть в два прыжка?», 1988.) [цит. по: Евтушенко, с. 11].

Двумя годами ранее это выражение впервые было применено к Горбачеву: «Уинстон Черчилль как-то сказал о Хрущеве, что он “хочет перепрыгнуть через пропасть в два прыжка”; теперь Горбачев планирует несколько прыжков, – вероятно, потому, что пропасть успела расшириться».

Так писал эмигрантский публицист Борис Шрагин по поводу XXVII съезда КПСС (февраль–март 1986) [Шрагин, с. 108]. Уже из названия его статьи: «Лик Горбачева, или Тоталитарный зигзаг» – видно, что автор сильно ошибся в оценке намерений Михаила Сергеевича.

«Перестройка» началась год спустя, с января 1987-го. И уже 15 мая публицист Анатолий Стреляный на встрече с комсомольским активом МГУ говорил: «Известный экономист прислал письмо, пишет, что история не простит нам, если мы не преодоле-

ем современное состояние одним прыжком. В два прыжка пропасть не перескочишь» [Дискуссия в МГУ, с. 2].

Год спустя эмигрантский публицист Фридрих Незнамский констатировал: «Все говорят о пропасти, которую нельзя перепрыгнуть в два прыжка» [Незнамский, с. 214].

В том же году социолог Игорь Кон писал: «Некоторые считают, что разумнее было бы двигаться постепенно, по этапам: сначала укрепить экономику, а уже потом расширять демократию и гласность. Но одно без другого, увы, просто невозможно. Нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка». («Трудности общественного самосознания», в газ. «Московские новости» от 26 июня 1988 г.) [цит. по: Незнамский, с. 215].

В 1987–1988 гг. речь шла о «прыжке в демократию», но очень скоро главным вопросом стал вопрос о возможности поэтапного, «в два прыжка», перехода к рыночной экономике. Ответ на него известен: переход совершился одним прыжком, хотя получившийся рынок оказался не совсем настоящим.

Выражение «перепрыгнуть пропасть в два прыжка» принадлежит американскому писателю Амброзу Бирсу. В 1872–1873 гг. Бирс сотрудничал с лондонским сатирическим еженедельником «Fun» («Забава»). Здесь он поместил серию прозаических басен без названия. В 1874 г. эти басни вошли в состав сборника «Паутина из пустого черепа», а в существенно отредактированном виде – в VI том собрания сочинений Бирса (1911).

Одна из басен в англоязычных изданиях именуется «Землетрясение» или «Против правил», а в русском переводе В. Козаровецкого (2009) – «Шакал и Олень». Козаровецкий перевел позднюю, отредактированную и сокращенную версию басни:

«Шакал, преследовавший Оленя, уже было схватил его, но в этот момент землетрясение разверзло широкую пропасть между ним и его жертвой.

– Это неправомерное вмешательство законов Природы! – сказал Шакал. – Я отказываюсь признавать подобное отступление от правил! – и он возобновил погоню, попытавшись пересечь пропасть в два прыжка» [Бирс, с. 165–166].

(В издании 1911 г.: «...to cross the abyss by two leaps»; в первоначальной версии: «at two jumps».) [Bierce, 1911, p. 338; Bierce, 1873].

Почти сразу после публикации басни выражение «пересечь пропасть в два прыжка» появилось в американской печати. Однако широкого распространения метафора Бирса не получила вплоть до 1933 г., когда вышел в свет второй том «Военных мемуаров» Дэвида Ллойд Джорджа, который в 1916–1922 гг. возглавлял британское правительство.

Почти два года Британия воевала в Первой мировой войне, не призывая солдат в армию: пополнение шло за счет добровольцев. К маю 1916 г. численность военнослужащих превысила 4 млн человек, после чего все же был принят закон о призыве в армию. В правящей Либеральной партии, вспоминает Ллойд Джордж, это не всем пришлось по душе:

«Они были недовольны всеобщей воинской повинностью, считая, что ее следовало провести в два шага. Нет большей ошибки, чем пытаться перепрыгнуть пропасть в два прыжка» («There is no greater mistake than to try to leap an abyss in two jumps») [Lloyd George, v. 2, p. 740].

На русском эта фраза стала известна уже год спустя в переводе И. Звавича: «Нет большего безумия, чем пытаться перепрыгнуть пропасть в два прыжка» [Ллойд Джордж, т. 1, с. 492].

С этого времени выражение вошло в политический язык, а затем и в литературу.

Список источников

- Бирс А. Фантастические басни. – М.: Праксис, 2009. – 199 с.
Дискуссия в МГУ // Посев. – Франкфурт н/М, 1987. – № 9. – С. 2–5.
Евтушенко Е.А. Политика – привилегия всех: Книга публицистики. – М.: Новости, 1990. – 621 с.
Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: [В 5 т.]. – М.: Соцэкгиз, 1934. – Т. 1/2. – 679 с.
Незнамский Ф.Е. Прыжок перед пропастью // Грани. – Франкфурт н/М, 1988. – № 149. – С. 184–222.
Неизвестный Э. Говорит Неизвестный. – М.: Российск. филос. об-во, 1992. – 139 с.
Шрагин Б.И. Лик Горбачева, или Тоталитарный зигзаг // Время и мы. – Тель-Авив, 1986. – № 90. – С. 105–122.

* * *

Bierce A. Persian Fables // Harper's Bazaar. – New York, 1873. – № 16, April 19, Vol. 6. – P. 256.

Bierce A. The Collected Works. – New York; Washington: Neale Publishing, 1911. – Vol. 6. – 383 p.

Lloyd George D. War Memoirs. – London: Ivor Nicholson and Watson, 1933–1936. – Vol. 1–6.

ПОЛИТИКА, ОПРОКИНУТАЯ В ПРОШЛОЕ

Михаил Николаевич Покровский, политик-большевик и «главный» историк первого 15-летия советской власти, умер в 1932 г. При жизни он пользовался благосклонностью Ленина и его взгляды определяли развитие чуть ли не всего советского обществоведения.

Однако в эпоху зрелого сталинизма эти же взгляды были признаны главной помехой развития советской исторической науки. В 1939–1940 гг. вышли два сборника статей с разгромной критикой «школы Покровского». Второй из них открывался статьей Емельяна Ярославского «Антимарксистские извращения “школы” М. Н. Покровского». Здесь указывалось, что под руководством Покровского «на историческом фронте подвизалась целая группа врагов народа». Они, среди прочего, учили, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое» [Против антимарксистской..., с. 24, с. 9].

С тех пор этот тезис прочно связывается с именем Покровского.

Он действительно произнес эти слова, но в сугубо критическом контексте. 22 марта 1928 г. Покровский выступил на 1-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений с докладом «Общественные науки в СССР за 10 лет». Значительная часть доклада была посвящена русской дореволюционной историографии. Здесь говорилось:

«Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определенную классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и, как я в одном месте выразился, *история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет*» [курсив мой. – К. Д.] [Покровский, 1928, с. 5–6].

В другом докладе, прочитанном полтора года спустя, Покровский высказал уже свой собственный взгляд на связь между историей и политикой: «...История есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего. Попытайтесь взять любое из явлений окружающей нас действительности, и вы не поймете его без исторических корней». («Институт истории и задачи историков-марксистов», речь 18 ноября 1929 г. по случаю открытия Института истории при Коммунистической академии.) [Покровский, 1933, с. 360].

Разница между обоими высказываниями очевидна: в первом случае речь идет о прямой политической ангажированности (и, стало быть, необъективности) историка, во втором – о значении истории для современной политики.

В реальности Покровский был ничуть не менее политически ангажирован, чем, скажем, Кавелин, и уж точно больше, чем его учитель Ключевский; но в теоретическом плане историк-марксист должен был отстаивать принцип объективности научного познания. Он не мог позволить себе утверждать, что «всякая история, если по-честному, есть современная история», а «достоверного прошлого не существует» (цитирую д.и.н. Владимира Мединского) [Мединский, 2017].

Второе высказывание Покровского, в сущности, повторяло тезис, который обычно приписывается Эдуарду Фриману (1823–1892), профессору современной истории Оксфордского университета: «История есть политика прошлого, а политика – история настоящего».

Со ссылкой на Фримана это изречение цитировалось с конца 1870-х годов. Позднее его нередко приписывали Джону Сили (1834–1895), профессору современной истории в Кембридже.

Основные труды Фримана публиковались с конца 1860-х годов, но к этому времени приписываемый ему тезис уже не был новинкой. В 1861 г. английский журналист Фрэнк Гаррисон Хилл писал: «Знакомство с современной политической жизнью бросает важный свет на политику прошлого, т.е. историю, и взамен получает свет от нее» [Hill, p. 360].

В 1868 г. в лондонском еженедельнике «Субботнее обозрение» появилась анонимная статья под заглавием «М-р Лоу и лорд Рассел об изучении истории». Здесь говорилось:

«История есть политика прошлого; политика – история настоящего. В обоих случаях полная научная определенность невозможна, и если мы будем ее дожидаться, то нам придется совершенно отказаться не только от написания или чтения исторических трудов, но также от предложений по пересмотру законов и выступлений за или против каких-либо реформ» [Mr. Lowe and Earl Russell..., p. 140].

В том же 1868 г. вышла в свет книга выдающегося немецкого историка Густава Дройзена «Очерк историки». Во вступлении, датированном маем 1858 г., Дройзен писал: «То, что сегодня – политика, завтра принадлежит истории» («Das, was heute Politik ist, gehört morgen der Geschichte an») [Droysen, S. 4].

Еще более раннее высказывание, почти в точности совпадающее с «формулой Фримана», содержалось в публицистической книге С.М. Мори «Англичанка в Америке» (1848). И сама книга, и ее автор ныне прочно забыты; англоязычные исследователи о ней не упоминают.

Сара Миттон Мори (1803–1849), уроженка Ливерпуля, в 1846 г. совершила поездку в США и год спустя опубликовала книгу «Государственные деятели Америки в 1846 г.». В предисловии к своей следующей книге «Англичанка в Америке» она защищает право женщин заниматься общественной и политической деятельностью.

«“Политика в юбках!” – <...> Да, политика в юбках – и давайте спросим: “Почему бы и нет?” Каждый мыслящий человек должен интересоваться политикой, и особенно мать, давшая этой стране восемь сыновей и трех дочерей. К тому же политика есть не что иное, как история настоящего, а история не что иное, как политика прошлого. Почему же вы, обучая девочек, делаете их гораздо лучшими историками, чем мальчиков, а потом не позволяете им использовать эти знания?» [Maury, p. ХСVII].

Наконец, консервативный мыслитель Жозеф де Местр уже в 1811 г. писал, что «история <...> есть не что иное, как практическая политика» (памятная записка «О свободе», адресованная предположительно графу Н.П. Румянцеву) [Местр, с. 193].

Из позднейших высказываний стоит привести афоризм из сборника немецкого писателя Зигмунда Граффа «С древа познания» (1973): «История – это политика, которую уже нельзя исправить. Политика – это история, которую еще можно исправить» [Duden, S. 654].

Список источников

- Мединский В.Р. Интересная история // Российская газета. – М., 2017. – 4 июля. – С. 11.
- Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. – СПб.: Инапресс, 1995. – 334 с.
- Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. – М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1933. – Вып. 2. – 450 с.
- Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестник Коммунистической академии. – М., 1928. – Кн. 26 (2). – С. 3–30.
- Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сб. ст. – М.; Л.: Акад. наук СССР, 1940. – Т. 2. – 500 с.
- * * *
- Der Duden: in 12 Bänden. – Mannheim: Dudenverlag, 1998. – Bd. 12: Zitate und Aussprüche. – 863 S.
- Droysen J.G. Grundriss der Historik. – Leipzig: Veit, 1868. – 84 S.
- Hill F.H. Dr Oliver Wendell Holmes and «Elsie Venner» // The National Review. – London, 1861. – October, vol. 13. – P. 359–372.
- Maury S.M. An Englishwoman in America. – London; Liverpool, 1848. – 204 p.
- Mr. Lowe and Earl Russell on Historical Study // The Saturday Review. – London, 1868. – № 640, Febr. 1, vol. 25. – P. 139–140.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ НЕГОДЯ

В 1905 г. в сборнике Льва Толстого «Круг чтения» под датой «9 декабря» было помещено изречение: «Последнее прибежище негодя – патриотизм», с подписью: «Джонсон». Имелся в виду Сэмюэл Джонсон (1709–1784), английский писатель и лексикограф [Толстой, т. 42, с. 332].

На той же странице приводились и другие высказывания о патриотизме. Часть из них принадлежала самому Толстому, в том числе: «Любовь к своему отечеству, так же как и любовь к своей семье, есть естественное свойство, но так же как и любовь к семье никак не может быть добродетелью, но может быть пороком, когда преступает те пределы, при которых нарушается любовь к ближнему». Патриотизм же – это «исключительная любовь к своему народу и всегдашняя готовность к войне с другим народом». (До начала Первой мировой оставалось всего девять лет.)

Для Толстого патриотизм – это идеология, внедряемая государством: «...Говорится, что вреден только дурной патриотизм, джингоизм, шовинизм, но что настоящий, хороший патриотизм есть очень возвышенное нравственное чувство, осуждать которое не только неразумно, но преступно. О том же, в чем состоит этот настоящий, хороший патриотизм, или вовсе не говорится, или вместо объяснения произносятся напыщенные высокопарные фразы, или же подставляется под понятие патриотизма нечто, не имеющее ничего общего с тем патриотизмом, который мы все знаем и от которого все так жестоко страдаем» («Патриотизм и правительство», 1900) [Толстой, т. 90, с. 425].

Тут граф Толстой почти сходил с князем Петром Андреевичем Вяземским, который писал: «Люблю народность, как чувст-

во, но не признаю ее, как систему» («О Языкове», 1847) [Вяземский, т. 2, с. 169]. «Народность» у Вяземского – синоним патриотизма.

Разумеется, толстовское отрицание государственного патриотизма было куда более радикальным: поздний Толстой был, в сущности, анархистом и резко разделял понятия «родина» и «государство».

Слова: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя (the last refuge of a scoundrel)» были сказаны Джонсоном в беседе с Джеймсом Босуэллом 7 апреля 1775 г. В печати они появились в 1791 г., в двухтомнике Босуэлла «Жизнь Сэмюэла Джонсона» [Boswell, v. 1, p. 478].

Тут важно выяснить, что разумел Джонсон под словом «патриотизм» и кого он считал «негодьями».

В I издании своего «Словаря английского языка» (1755) Джонсон дал следующее определение слова «Патриот»: «тот, чьей руководящей страстью является любовь к своей стране». В IV издании, вышедшем в 1773 г., появилось важное добавление: «Иногда он [патриот] используется для выступлений против правительства, продиктованных партийными интересами (a factious disturber of the government)» [Johnson, 1773, статья «Patriot»].

В мае 1774 г. Джонсон опубликовал памфлет под названием «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании». По своим убеждениям Джонсон был консерватором (тори), и его памфлет был направлен против либералов (вигов), в то время находившихся в оппозиции:

«Некоторые претендуют на звание патриотов, ожесточенно и беспрестанно выступая против двора. Этот признак отнюдь не безошибочен. Патриотизм необязательно предполагает мятеж. Можно ненавидеть своего короля и при этом не любить свою страну». «Иной считает себя патриотом лишь потому, что распространяет недовольство, распускает слухи <...> о нарушении прав и незаконной узурпации власти. Все это определенно не является признаком патриотизма» [Johnson, 1775, p. 4].

Здесь Джонсон выступает как патриот-консерватор против либералов, именующих себя патриотами.

На протяжении XVIII в. тори и виги взаимно обвиняли друг друга в ложном патриотизме. Выступая в парламенте 13 марта

1734 г., Роберт Уолпол, глава правительства вигов, назвал политиков-тори «лжепатриотами» [Coxe, v. 1, p. 420]. Ему также приписывались слова: «Здесь нет ни одного человека, каким бы патриотом он ни казался, о котором я бы не знал, какова его цена» [Richardson, p. 178].

И все же виги использовали слово «патриот» гораздо чаще. Поэт Александр Поуп, друг и единомышленник Джонсона, писал, имея в виду вигов:

Патриот – это глупец любого возраста,
Которому позволено взойти на трибуну.
(«Диалог I» (1738) из «Эпилога» к собранию сатир Поупа)
[Pope, p. 6].

Ближайшей мишенью Джонсона был идейный лидер вигов Эдмунд Бёрк. В той же беседе с Босуэллом, в которой патриотизм был назван «прибежищем негодяя», Джонсон говорил и о Бёрке: «Сэр, я не говорю, что он нечестен, но его политическое поведение не дает оснований полагать, что он честен» [Boswell, v. 1, p. 478].

Сам Бёрк предлагал своим соратникам «быть патриотами, не забывая, что мы еще и джентльмены» («Мысли о причине нынешнего недовольства», 1770) [Burke, p. 115]. Патриотизм понимался вигами прежде всего как защита прав граждан от посягательств государственной власти. В Войне за независимость США, начавшейся в 1775 г., американские революционеры именовали себя «патриотами» и «вигами».

Довольно скоро контекст высказывания д-ра Джонсона был забыт. Оно стало широко цитироваться критиками патриотизма – как радикальными, так и умеренными, осуждавшими «ложный патриотизм».

Марк Твен говорил: «Чувство гражданства? У нас его нет и в помине! Вместо него мы учим патриотизму, который Сэмюэл Джонсон сто сорок или сто сорок пять лет назад назвал последним прибежищем негодяя – и я думаю, что он был прав» [Stevenson, 1907].

В «Словаре Сатаны» (1881–1911) Амброза Бирса читаем: «В знаменитом словаре д-ра Джонсона патриотизм определяется как последнее прибежище негодяя. <...> ...Мы берем на себя смелость назвать это прибежище первым» (пер. И. Кашкина) [Бирс, с. 13].

О том же писал полвека спустя знаменитый американский журналист Генри Луис Менкен: «Сэмюэл Джонсон назвал патриотизм последним прибежищем негодяя. Это правда, но это еще не вся правда. На самом деле патриотизм – огромный питомник негодяев» («Мнение меньшинства», 1956) [Mencken, p. 407].

Определение «правильного» патриотизма дал на исходе Первой мировой войны президент США Теодор Рузвельт:

«Патриотизм – это готовность постоять за свою страну, а не за ее президента или любого другого представителя власти, если только он сам не стоит за свою страну. Патриотично поддерживать его ровно постольку, поскольку он успешно служит стране. Непатриотично не выступать против него там, где его действия не дают результата и где он терпит неудачу в своем служении стране. В любом случае непатриотично не говорить правду – ни о президенте, ни о ком бы то ни было...» («Линкольн и свобода слова», 1918) [Roosevelt, p. 181].

Вскоре после Второй мировой войны британский историк Арнолд Тойнби писал о патриотизме как узурпации светскими государями «божественного права». «Языческое поклонение суверенным национальным государствам» разрушает западный мир. «Патриотизм, который д-р Джонсон несколько странно назвал “последним прибежищем негодяя” и который сестра милосердия Кэвелл более проницательно назвала “недостаточным”, в значительной степени заменил христианство в качестве религии западного мира» («Постижение истории: Сокращенное изложение», 1947) [Toynbee, p. 299].

Упомянутая здесь Эдит Кэвелл (1865–1915) была казнена германским военным судом за переправку военнопленных из Бельгии в нейтральную Голландию. В день казни она сказала своему исповеднику: «Я понимаю, что патриотизма недостаточно. Я не должна питать ненависть или обиду к кому бы то ни было» [Stevenson, p. 1757]. Эти слова выбиты на памятнике Эдит Кэвелл в Лондоне.

В СССР об изречении д-ра Джонсона с конца 1930-х годов старались не упоминать. В 1966 г. Институтом русского языка АН был издан «Словарь иноязычных выражений и слов». Здесь имелась словарная статья:

«**Patriotism – the last refuge of a scoundrel**, *англ.* Патриотизм – последнее прибежище негодяя, т.е., будучи разоблачен, негодяй прикидывается патриотом» [Бабкин, Шендецов, т. 2, с. 997].

Это невразумительное и совершенно необязательное толкование явно продиктовано цензурными требованиями. Следующее издание 1-го тома «Словаря...» вышло лишь в 1981 г., 2-го тома – еще шесть лет спустя, и здесь изречение о «последнем прибежище» выкинуто.

В печать его приходилось протаскивать едва ли не контрабандой. Например, так:

«На Западе среди левой интеллигенции сейчас в ходу выражение: “Патриотизм – это последнее прибежище негодяев”. С этим термином можно согласиться лишь при одной существенной поправке: “Лжепатриотизм – это последнее прибежище негодяев”. Против такого карьеристского патриотизма и выступала русская классика, выдвигая патриотизм правды, свободолюбия, революционности». (Евгений Евтушенко, «Уроки русской классики», 1978.) [Евтушенко, с. 25].

В 1991 г. философ А. Пятигорский процитировал слова литературоведа Игоря Павловича Смирнова: «Филология в России – это последнее прибежище патриота» [Пятигорский, с. 23].

А британскому романисту Уильяму Пломеру принадлежит фраза: «Патриотизм – последнее прибежище скульптора». (Приведено в письме Р. Харт-Дейвиса к Дж. Литтелтону от 13 окт. 1956 г.) [Sherrin, p. 22].

Список источников

- Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. – Л.; М.: Наука, 1966. – Т. 1–2. – 1344 с. – Сплошная пагинация.
- Бирс А. Словарь Сатаны и рассказы. – М.: Худож. лит., 1966. – 288 с.
- Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1982.
- Евтушенко Е.А. Талант есть чудо неслучайное: Книга статей. – М.: Сов. писатель, 1980. – 439 с.
- Пятигорский А. «Мысль держится, пока мы...» // Вопросы философии. – М., 1991. – № 5. – С. 22–23.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1928–1958.

* * *

- Boswell J. The Life of Samuel Johnson. – London: Henry Baldwin, 1791. – Vol. 1–2.
- Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents. – London: J. Dodsley, 1770. – 118 p.
- Coxe W. Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole. – London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. – Vol. 1–3.
- Johnson S. A Dictionary of the English Language: In Two Volumes. – IV Edition. – London: W. Strahan, 1773. – Vol. 2. – Основная часть тома без нумерации страниц.
- Johnson S. The Patriot, Addressed to the Electors of Great Britain. – Dublin: E. Lynch, 1775. – 17 p.
- Mencken H.L. Minority Report. – New York: Alfred A. Knopf, 1956. – 293 p.
- Pope A. One thousand seven hundred and thirty eight: A dialogue something like Horace. – London: T. Cooper, 1738. – 12 p.
- Richardson J. Richardsoniana: Or, Occasional Reflections On the Moral Nature of Man. – London: J. Dodsley, 1776. – 336 p.
- Roosevelt T. The Great Adventure: Present-day Studies in American Nationalism. – New York: Scribner's Sons, 1918. – 204 p.
- Sherrin N. Oxford Dictionary of Humorous Quotations. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. – 536 p.
- Stevenson B. The Home Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases. – New York: Macmillan, 1956. – 2957 p.
- Stevenson F.B. Mark Twain on the Scope of the Children's Theater: What It Means to American Citizenship and Education // Brooklyn Daily Eagle. – 1907. – Nov. 24, News Special. – P. 1.
- Toynbee A.J., Somervell D.C. A Study of History: Abridgement of Volumes I–VI. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1947. – 617 p.

«ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ» И «ФАСАДНАЯ ИМПЕРИЯ»

«Потемкинские деревни», согласно легенде, – бутафорские поселения, которые строил Григорий Потемкин на пути Екатерины II из Петербурга в Крым в январе–июле 1787 г.

В классическом справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1-е изд.: 1955) указано около десятка источников мифа о «потемкинских деревнях», а также самого этого выражения [Ашукин, с. 487–489]. Однако в последние десятилетия в России возобладала точка зрения, согласно которой главным и чуть ли не единственным творцом этого мифа был Георг фон Гельбиг, секретарь посольства Саксонии в Петербурге. В 1797–1800 гг. он опубликовал (анонимно) в гамбургском журнале «Минерва» свою биографию князя Потемкина. Несколько лет спустя эта биография вышла отдельным изданием и была переведена на французский и английский языки [Helbig, 1804, 1808, 1812].

В «Минерве» за май 1798 г. фон Гельбиг действительно утверждал: «В некотором отдалении как будто бы виднелись деревни, но дома и церковные колокольни были лишь намалеваны на досках (auf Bretter gemalt)» [Helbig, 1798, S. 300].

Но Гельбиг не был ни первым, ни самым заметным автором, который об этом писал. Он не сопровождал Екатерину в ее поездке, между тем рассказы о «картонных деревнях» появились прежде, чем императрица вернулась в Петербург. В письме из Тулы, написанном в 1787 г. на обратном пути из Крыма, австрийский дипломат герцог Шарль де Линь писал: «Уже распространились смехотворные басни, будто по нашему пути перевозили картонные деревни на расстояние в сотню лиг; что корабли и пушки были

нарисованы, кавалерия – без лошадей и т.д.; города без улиц, улицы без домов и дома без крыш, без дверей и окон» [Ligne, p. 84].

О декорациях, неотличимых от реальности, сообщали дипломаты, сопровождавшие Екатерину, например французский посол граф Л.Ф. де Сегюр: «Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами» [Сегюр, с. 185].

Как замечает академик А.М. Панченко, «Потемкин действительно декорировал города и селения, но никогда не скрывал, что это декорации» [Панченко, с. 97].

Шведский дипломат Иоанн Альберт Эренстрем (1762–1846) вспоминал: «...На большом расстоянии видны были деревни, но они были намалеваны на ширмах» [Из исторических записок..., с. 12]. Однако это не свидетельство, современное событиям; свои мемуары Эренстрем писал, когда «потемкинские деревни» уже успели стать мифом.

Письма де Линя были опубликованы в 1809 г., «Записки» Сегюра – в 1820-е годы. Но уже в 1797 г. в Париже вышла книга Жана Анри Костера «Жизнь Екатерины II», вскоре переведенная на английский. Здесь говорилось, что «берега Днепра были усеяны фальшивыми деревнями» (*villages factices*)» [Castéra, v. 2, p. 326].

Итак, миф о «потемкинских деревнях» появился практически одновременно с путешествием Екатерины в Крым, и возник он на основе рассказов иностранных дипломатов, сопровождавших Екатерину.

Гораздо дольше складывалось выражение «потемкинские деревни», хотя и его нередко приписывают все тому же Гельвигу. В 1822 г. немецкий писатель Жан Поль говорил о «расписанных голых деревенских фасадах Потемкина» (роман «Комета, или Николай Маркграф», III, 59) [Ашукин, с. 488; *Geflügelte Worte*, S. 409]. В 1831 г. французский публицист упоминал о «деревнях, наскоро сооруженных Потемкиным» («*des villages improvisés par Potemkin*») [Saulnier, p. 8].

Астольф де Кюстин писал о «деревнях, состоящих из одних раскрашенных фасадов» («Россия в 1839 году», 1843; письмо XI). [Кюстин, т. 1, с. 190]. Маркс говорил о «картонных деревнях» (*англ.*

the pasteboard towns), которые Потемкин показывал императрице Екатерине II» («Лорд Пальмерстон», VIII, 1853) [Маркс, Энгельс, т. 9, с. 422; Marx, v. 12, p. 404]. Почти то же выражение использовал А. Герцен 13 лет спустя: «картонные деревни, которыми Потемкин обманывал [Екатерину]» («Крепостники», 1866) [Герцен, т. 19, с. 8].

В своем нынешнем виде, причем уже вне связи с Россией, а в качестве универсальной метафоры, «потемкинские деревни» появляются в 1840-е годы во французской и немецкоязычной печати:

«Она [политическая экономия] не показывает нам общество в виде оперных декораций <...>; она бесполезна для тех, кому видятся эфемерные монументы и фантастические пейзажи наподобие потемкинских деревень (les villages de Potemkin)»; «наскоро созданные потемкинские деревни» («schnell geschaffenen Potemkin'schen Dörfern») [Fonteyraud, p. 12; Andrian-Werburg, S. 38].

К рассказам о «потемкинских деревнях» восходит также наименование России «фасадной империей». Оно получило известность благодаря работе А. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851) [Герцен, т. 7, с. 209]. Эта работа была написана и опубликована на французском языке; во французском оригинале: «l'empire des façades» [Herzen, p. 79].

Уже в октябре 1843 г. Герцен писал в своем дневнике: «Все-го лучше он [де Кюстин] схватил искусственность, поражающую на каждом шагу, и хвастовство теми элементами европейской жизни, которые только и есть у нас для показа. Есть выражения поразительной верности: “Un empire de façades...” [империя фасадов, или фасадная империя]» [Герцен, т. 2, с. 311].

Герцен цитировал неточно: у Кюстина Россия именуется «царством фасадов» – «royaume des façades» («Россия в 1839 году», XXIX) [Custine, t. 3, p. 380; Кюстин, т. 2, с. 178]. В другом месте Кюстин замечает: «Путешественник, всецело доверившийся местным жителям, мог бы проехать всю русскую империю из конца в конец и вернуться домой, не увидав ничего, кроме череды фасадов (un cours de façades), – а именно это и требуется, как я погляжу, чтобы понравиться моим хозяевам» (письмо XV; пер. И. Стаф) [Кюстин, т. 1, с. 253; Custine, t. 2, p. 380].

Метафору де Кюстина подхватил Александр Дюма-отец в путевых записках «От Парижа до Астрахани» (1858): «Россия – это

большой фасад. Никого не заботит, что скрывается за этим фасадом. Тот, кто берет на себя труд заглянуть за этот фасад, подобен кошке, которая, впервые увидав себя в зеркале, кружит вокруг него, надеясь отыскать кошку по ту сторону зеркала» [Dumas, p. 157].

В русском языке метафора «потемкинские деревни» появилась гораздо позже, чем в европейских. Этого выражения нет в фундаментальном справочнике М.И. Михельсона «Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (1903–1904).

Самый ранний известный мне случай использования этой метафоры русским автором – статья Ленина «К современному положению в РСДРП» (1912). Однако статья была написана по-немецки; русский перевод появился лишь в 1924 г. Здесь говорилось о «потемкинских деревнях ликвидаторов» – «die Potjomkinschen Dörfer der Liquidatoren» [Lenin, Bd. 18, S. 124].

В русской печати эта метафора становится обычной – поначалу в политической публицистике – на рубеже 1910–1920-х годов.

Список источников

- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Академия наук СССР, 1954–1966.
- Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема [опубл. в 1892 г.] / Сообщил Г.Ф. Сюннерберг // Русская старина. – СПб., 1893. – Т. 79, вып. 8. – С. 1–40.
- Кюстин А. Россия в 1839 году. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. – Т. 1–2. – Пер. В. Мильчиной (письма 1–11), И. Стаф (письма 12–20).
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1956–1981. – Т. 1–50.
- Панченко А.М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // XVIII век. – Сб. 7: Русская литература XVIII – начала XIX в. в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1983. – С. 93–104.
- Сегюр Л.Ф. де. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). – СПб., 1865. – 386 с.

* * *

- [Andrian-Werburg V. von.] Zur Frage der Centralisation oder decentralisation in Oesterreich. – Wien: Jasper, Hügel und Manz, 1850. – 54 S.
- Castéra J.-H. Vie de Catherine II, impératrice de Russie. – Paris: F. Buisson, 1797. – Vol. 1–2.
- Custine A.-L. de. La Russie en 1839. – Paris: D’Amyot, 1843. – Т. 1–4.

- Dumas A. De Paris a Astrakan: Nouvelles impressions de voyage. – Leipzig: Alph. Durr, 1858. – Т. 3. – 196 p.
- Fonteyraud A. La vérité sur l'économie politique // Journal des économistes. – Paris, 1848. – Т. 21, № 85, 1er août. – P. 1–15.
- Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein, 2001. – 650 S.
- Helbig G. von. Memoirs of the Life of Prince Potemkin. – London: H. Colburn, 1812. – 256 p.
- Helbig G. von. Potemkin: Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten. – Halle; Leipzig, 1804. – 214 S.
- Helbig G. von. Potemkin der Taurier (Fortsetzung) // Minerva, ein Journal historischen und politischen Inhalts. – Hamburg, 1798. – Bd. 2, Mai. – S. 291–319.
- Helbig G. von. Vie du prince Potemkine. – Paris: H. Nicolle, 1808. – 303 p.
- Herzen A. Du développement des idées révolutionnaires en Russie. – Londres: Jeffs Libraire, 1853. – 144 p.
- Lenin V.I. Werke: In 40 Bänden. – Berlin: Dietz Verlag, 1959–1976.
- Ligne C.-J. de. Lettres et pensées. – Paris; Genève: J.J. Paschoud, 1809. – 332 p.
- Marx K., Engels F. Collected works. – London: Lawrence and Wishart, 1975–2004. – Vol. 1–50.
- Saulnier S.-L. Nouvelles observations sur les finances des États-Unis. – Paris: Bureau du Journal [Revue britannique], 1831. – 68 p.

ПРАВА ОНА ИЛИ НЕТ, ЭТО НАША СТРАНА

Американский морской офицер Стивен Декейтер отличился в англо-американской войне 1812–1814 гг., а затем – в морской войне против алжирских пиратов. На родине его встречали как национального героя.

На торжественном обеде, устроенном в Норфолке (Виргиния) 4 апреля 1816 г., Декейтер произнес тост: «За нашу страну! В отношениях с другими странами пожелаем ей быть всегда правой; и пусть успех всегда будет с ней, права она или нет». (Согласно газете «Niles' Weekly Register» (Балтимор, штат Мэриленд) от 20 апреля.) [Respectfully Quoted, p. 70].

Позднейшая версия тоста появилась в книге А.С. Макензи «Жизнь Стивена Декейтера» (1846): «За нашу страну! В отношениях с другими странами пожелаем ей быть всегда правой; но, права она или нет, это наша страна» [Knowles, p. 254; Американа, с. 702].

Именно в этой форме – «Our country, right or wrong» – фраза вошла в историю. Ее прообразом можно считать строку из поэмы «Прощание» (1760) английского поэта Чарлза Черчилля:

Как ни грешна – она моя страна.

(With all her faults, she is my country still –

букв.: Со всеми своими ошибками, это все же моя страна.)

[Knowles, p. 213].

Тост Декейтера не раз подвергался критике со стороны его соотечественников. Когда Декейтера чествовали в Норфолке, будущий президент Джон Куинси Адамс находился в Англии в качестве

посла США. 1 августа 1816 г. он написал своему отцу Джону Адамсу-старшему, занимавшему пост президента США в 1797–1801 гг.:

«Я бы никогда не присоединился к тосту, который газеты приписывают нашему отважному коммодору. Я не могу просить небеса даровать успех даже моей собственной стране в деле, где она может быть неправа. *Fiat justitia, pereat coelum.* [*лат.* Да восторжествует справедливость, даже если рухнут небеса!] Мой тост был бы: пусть нашей стране всегда сопутствует успех; но с успехом или без него, пусть она всегда будет правой» [Allison, p. 184].

Еще одним видным критиком лозунга Декейтера был генерал и политик Карл Шурц (1829–1906). Шурц, по происхождению немец, участник революции 1848 г., эмигрировал в США в 1852 г.. Во время Гражданской войны он был генералом армии «северян», в 1869 г. стал первым сенатором неамериканского происхождения, а позднее – министром внутренних дел.

В качестве сенатора Шурц резко критиковал политику республиканского правительства, в том числе его экспансионистские устремления. 29 февраля 1872 г. республиканец Маттью Карпентер заявил в Сенате, что Декейтер, по существу, взял на себя задачу очернять Соединенные Штаты в глазах иностранных наблюдателей. Шурц не замедлил с ответом:

«Сенатор из Висконсина не запугает меня восклицанием “Права она или нет, это наша страна”. В определенном смысле я говорю то же самое. Это моя страна; и моя страна – это великая Американская республика. Права она или нет, это моя страна. Если она права, мы поддержим ее в этой правоте, если не права – надо ее поправить». Галерея для зрителей разразилась аплодисментами [Billington, p. 308; Клюкина и др., с. 181].

К этой теме Шурц вернулся в речи на съезде Антиимпериалистической лиги в Чикаго 17 октября 1899 г.:

«Я твердо верю, что американский народ окажется достаточно мудрым, чтобы распознать ложную гордость, опасные амбиции или эгоистические планы, которые столь часто кроются за лживыми возгласами мнимого патриотизма: “Права она или нет, это наша страна!” <...> ...Наше достоинство, наши свободные институты, наш мир и благосостояние этого и будущих поколений американцев будут обеспечены лишь в том случае, если мы будем следовать лозунгу истинного патриотизма: “Это наша страна – ес-

ли она права, мы поддержим ее в этой правоте, если не права – надо ее поправить”» [Billington, p. 308].

В 1907 г. Марк Твен дал интервью корреспонденту газеты «Brooklyn Daily Eagle». Он говорил: «Помню, когда я был мальчишкой, я слышал вечно повторяемую фразу “Права она или нет, это наша страна”. Эта мысль совершенно абсурдна. И совершенно абсурдно внедрять ее в умы молодежи нашей страны». «...Сегодня в государственных школах мы учим наших детей салютовать флагу; таков наш способ прививки патриотизма. И этот так называемый патриотизм мы принимаем за чувство гражданственности. Но если на флаге пятно, ему не следует оказывать почести, даже если это наш флаг. Истинное чувство гражданственности в том, чтобы защищать флаг от бесчестья – сделать его символом нации, которая будет правдивой, честной и уважаемой в глазах всех других наций. И мы должны навсегда забыть старую фразу: “Права она или нет, это наша страна!”» [Stevenson, 1907].

Свое слово сказали и англичане. Гилберт Честертон в эссе «Защита патриотизма» (1901) писал: «“Это моя страна, права она или нет” – такого не скажет ни один патриот, разве что в отчаянной ситуации. Это все равно что сказать: “Это моя мать, пьяная она или трезвая”» [Chesterton, p. 248].

Год спустя после начала Второй мировой войны, Джордж Оруэлл, убежденный социалист и интернационалист, опубликовал эссе «Правая она или левая – это моя страна» («My Country Right or Left», 1940).

Четыре года спустя Бертран Рассел писал: «Патриотизм в его одурманивающей форме опасен не только для своей собственной родины, но и для всего мира, и лозунг “Моя страна никогда не бывает неправой” еще более опасен, нежели “Это моя страна, права она или нет”». («Могут ли Америка и Британия быть друзьями?», 1944.) [Russell, p. 174].

Вернемся в XIX век. 4 мая 1865 г. преподобный Маттью Симпсон прочитал проповедь на церемонии погребения Авраама Линкольна. Он рассказал, что во время Гражданской войны некий пастор в беседе с Линкольном выразил надежду, что «Господь на нашей стороне». Линкольн ответил, что об этом он не заботится: «...Я знаю, что Господь всегда на стороне правого. Но Бог свиде-

тель, что моя постоянная забота и молитва – чтобы и я, и эта страна были на стороне Господа» [Brockett, p. 681].

В книге Фрэнсиса Карпентера «Шесть месяцев в Белом доме с Авраамом Линкольном» (1867) этот ответ получил чуть иной вид: «...Моя постоянная забота и молитва – чтобы и наша страна была на стороне Господа» [Carpenter, p. 282].

Этот ответ повторил Барак Обама, когда еще был сенатором:

«– Вы могли бы сказать, что в войне против террора Бог на стороне войск США?»

– Видите ли, я всегда вспоминаю Авраама Линкольна, который во время Гражданской войны сказал: “Мы должны спрашивать не о том, на чьей стороне Господь, но о том, находимся ли мы на стороне Господа”».

(Интервью с телеведущей CNN Соледад О’Брайен 8 июня 2007 г.) [US Democrats..., 2007].

Список источников

Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.

Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю., Ланчиков В.К. Политика и крылатика: Высказывания видных политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады: Англо-русский справочник-пособие. – М.: Р. Валент, 2004. – 232 с.

* * *

Allison R.J. Stephen Decatur: American Naval Hero, 1779–1820. – Amherst; Boston: Univ. of Massachusetts press, 2007. – 280 p.

Billington J.H. Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. – [Без м. и.]: Courier Corporation, 2010. – 520 p.

Brockett L.P. The Life and Times of Abraham Lincoln... – Philadelphia: Bradley and Co., 1865. – 750 p.

Carpenter F. Six Months at the White House with Abraham Lincoln. – New York: Hurd and Houghton, 1867. – 359 p.

Chesterton G.K. The Quotable Chesterton: A Topical Compilation of the Wit, Wisdom and Satire... – San Francisco: Ignatius Press, 1986. – 391 p.

Knowles E. The Oxford Dictionary of Quotations. – 5-th ed. – Oxford: Oxford Univ. press, 2001. – 1136 p.

Russell B. Bertrand Russell’s dictionary of Mind, Matter & Morals. – New York: Philosophical Library, 1952. – 290 p.

Stevenson F.B. Mark Twain on the Scope of the Children's Theater: What It Means to American Citizenship and Education // Brooklyn Daily Eagle. – New York, 1907. – Nov. 24, News Special. – P. 1.

US Democrats play religious card // The World Today [Электронный ресурс]. – 2007. – 6 June. – Mode of access: <http://www.abc.net.au/worldtoday/content/2007/s1943948.htm> (Дата обращения: 20.12.2017.)

ПЯТАЯ КОЛОННА

В сентябре 2004 г. в печати появилось интервью с Владиславом Сурковым, зам. главы Администрации Президента. Россия рисовалась здесь в виде осажденной крепости, мало того: «В осажденной стране возникла пятая колонна левых и правых радикалов» [Заместитель главы..., 2004].

Упоминание о «пятой колонне» вызвало живую дискуссию, поскольку, как заметил один из комментаторов, оно означало деление граждан на «своих» и «врагов». Особо бдительные умы обратились к русскому прошлому; результатом стала серия книг Валерия Шамбарова о «пятой колонне» на Руси от древности до наших дней.

О «врагах внешних и внутренних» говорил уже Демосфен. Но «пятой колонной» «внутренних врагов» стали называть лишь в XX в. Во всех справочниках это выражение до недавнего времени приписывалось испанскому генералу Эмилио Мола, который осенью 1936 г. возглавлял наступление франкистов на Мадрид.

«Я брошу на Мадрид четыре колонны, но только пятая начнет наступление» – эти слова генерала привела Долорес Ибаррури 3 октября 1936 г. в органе испанской компартии «Мундо обреро». «“Пятая колонна” (quinta columna) находится внутри Мадрида, и в первую очередь надо разгромить ее», – разъясняла Ибаррури для непонятливых [Ибаррури, с. 20, 21].

На митинге народного фронта в Мадриде 14 октября 1936 г. она повторила: «Никогда не надо забывать, что вражеская “пятая колонна” существует и действует» [Там же, с. 21].

Существование затаившейся в городе «пятой колонны» оправдывало массовые политические репрессии. 7 ноября начались

регулярные расстрелы заключенных без суда и следствия. К началу декабря было расстреляно не менее 5 тысяч «подозрительных лиц» – по большей части священники, предприниматели и представители интеллигенции.

О «пятой колонне» Мола говорил то ли по радио, то ли на встрече с иностранными журналистами в своей штаб-квартире, но когда именно – неизвестно. Уже две недели спустя после статьи Ибаррури одна из мадридских газет называла автором этих слов генерала Кейпо де Льяно, а корреспондент лондонской «Таймс» – генерала Франко [Йонг, с. 43].

В «Испанском дневнике» Михаила Кольцова от 1 ноября 1936 г. эти слова произносит другой генерал-франкист – Хосе Энрике Варела. Варела будто бы «объявил, что фашистская армия наступает на Мадрид пятью колоннами <...>; пятая колонна – это фашистское подполье самой столицы. Он приглашает иностранных корреспондентов принять участие в торжественном въезде в покоренный Мадрид» [Кольцов, с. 191].

Однако никаких подтверждений того, что Мола или кто-либо другой из франкистов когда-либо говорил о «пятой колонне», не обнаружено до сих пор. Английский журналист лорд Сент Освалд впоследствии утверждал, что выражение «пятая колонна» появилось в его телеграмме, посланной в «Дейли телеграф» из Мадрида в сентябре 1936 г. [Thomas, p. 470].

Все указывает на то, что идея «пятой колонны» возникла не среди франкистов, а по другую сторону баррикад – в республиканском Мадриде.

Популярности выражения способствовала пьеса Э. Хемингуэя «Пятая колонна» (1938) о республиканской контрразведке в Мадриде.

После начала Второй мировой войны в странах, подвергшихся нападению нацистской Германии, стали обычными слухи о «немецкой пятой колонне» – в подавляющем большинстве случаев необоснованные, как показано в классической монографии голландца Луи де Йонга «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне» [Jong, 1956].

У «пятой колонны» были предшественники в XIX и даже в XVIII веке. В начале франко-прусской войны 1870–71 гг., когда пруссаки готовились к разгрому Наполеона III, Проспер Мериме

писал теще французского императора, графине Марии Монтижо: «Увы, даже если бы вторжение было отражено, опасность еще не была бы предотвращена. Существует четвертая армия г. Бисмарка, и находится она в Париже» [Rees, p. 325]. Любопытно, что это письмо о «четвертой армии» Бисмарка было опубликовано как раз в 1936 г.

Задолго до Мериме, когда якобинская Франция сражалась с войсками антиреволюционной коалиции, Робеспьер предупредил, что у иностранных дворов есть «два рода армий: одна из них находится на наших границах <...>; другая, более опасная, находится среди нас: это армия подкупленных шпионов, мошенников, которые проникают всюду, даже в народные общества» (речь в Якобинском клубе 21 ноября 1793 г. о свободе культов) [Робеспьер, т. 3, с. 74]. Какими способами боролись с этой «второй армией» якобинцы, известно каждому.

Как видим, «пятую колонну» находили во все времена, хотя называли ее по-разному. Лучшее объяснение этому феномену дано в монографии де Йонга: «Под влиянием сильного, но безотчетного чувства страха, под влиянием раздражения, в обстановке беспомощности и неуверенности нарастает внутреннее напряжение. Возможность разрядить такое напряжение появляется в том случае, если люди могут найти в своей собственной среде тех, кого можно было бы заклеймить словом “враги”. Тогда страх обычно теряет свой таинственный и неоформленный характер; вместо беспомощности и неуверенности возникает непосредственная задача: бить врага в своих собственных рядах». И, что немаловажно, «отпадает необходимость искать настоящие глубокие причины неудач и поражений» (перевод А. Дьяконова) [Йонг, с. 379–380, 384].

«Людам уже трудно стало представить себе мир, в котором не существовало бы пятой колонны», – эти слова де Йонга сказаны как будто вчера [Йонг, с. 233].

Список источников

Заместитель главы Администрации Президента РФ Владислав Сурков: «Путин укрепляет государство, а не себя» / Беседу вела Е. Овчаренко // Комсомольская

- правда. [Электронная версия]. – М., 2004. – 28 сент. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/23370/32473> (Дата обращения: 20.12.2017.)
- Ибаррури Д. Речи и статьи 1936–1938. – М.: ОГИЗ, 1938. – 136 с.
- Йонг Л. де. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 448 с.
- Кольцов М. Испания в огне. – М.: Политиздат, 1987. – Т. 1: Испанский дневник, кн. 1–2. – 351 с.
- Робеспьер М. Избранные произведения: В 3 т. – М.: Наука, 1965.

* * *

- Jong L. de. The German Fifth Column in the Second World War. – London: Routledge and Kegan Paul, 1956. – 308 p.
- Rees N. Brewer's Famous Quotations. – London: Weidenfeld and Nicolson, 2006. – 568 p.
- Thomas H. The Spanish Civil War. – London: Penguin, 1977. – 1115 p.

РУССКИЕ ИДУТ!

В качестве исторической фразы этот возглас устойчиво приписывается министру обороны США Джеймсу Форрестолу. Считается, что с этими словами он в 1949 г. выбросился из окна своего служебного кабинета.

Что же было на самом деле?

В 1947 г. три военных ведомства США были объединены в одно, и Форрестол стал первым «настоящим» военным министром. Он пробыл им полтора года. 28 марта 1949 г. глава Пентагона был снят с должности, а пять дней спустя помещен в вашингтонский военно-морской госпиталь с официальным диагнозом: «нервное и психическое истощение», и неофициальным: «депрессия».

Форрестол уже заводил речь о самоубийстве, однако поместили его почему-то на 16-м этаже. 22 мая его тело нашли на крыше третьего этажа.

Покойный оставил листок с оборванным на полуслове стихотворным отрывком из 17 строк, в котором речь шла о смерти героя:

...Нет, лучше умереть – и спать
Без пробуждения, чем оставаться здесь
И жить, когда вся жизнь ушла.

Американские авторы именуют эти строки отрывком из трагедии Софокла «Аякс».

Они ошибаются. На листке Форрестола был помещен фрагмент стихотворения «Песнь матросов Саламина», написанного английским поэтом Уинтропом Прэдом в 1821 г. по мотивам Софокла [Praed, p. 349].

Дело произошло без свидетелей, так что последних слов Форрестола никто услышать не мог. Фраза (правда, не совсем та) прозвучала в радиопередаче вашингтонского журналиста Дрю Пирсона за полтора месяца до трагедии. Пирсон рассказал, что незадолго до госпитализации военный министр, разбуженный воем сирены, выскочил среди ночи на улицу с криком: «Русские атакуют!» [Rogow, p. 13].

Случилось это во Флориде, и откуда узнал об этом Пирсон – загадка. Других свидетелей не нашли. Пирсон был ярым противником Форрестола и, вероятно, сам вложил эту фразу в его уста.

Гораздо позже появилась «дополненная» версия предсмертного вопля Форрестола: «Русские идут! Русские идут! Они повсюду. Я видел русских солдат!» [Yergin, p. 208].

Авторы этой версии успели посмотреть знаменитую комедию 1966 г. «Русские идут! Русские идут!», снятую по роману Натаньела Бенчли «Пришельцы» (1961). Сюжетом фильма была вынужденная высадка советских подводников в глухом американском городишке, название же пародировало историческую фразу времен Войны за независимость.

18 апреля 1775 г. криком «Англичане идут!» («The British are coming!») Пол Ревир, бостонский активист организации «Сыны свободы», известил американских ополченцев о подходе врага. Так пишут в учебниках. На самом деле и эта фраза сочинена вашингтонскими журналистами: впервые она появилась в «Вашингтон пост» в марте 1907 г. [Подробнее см.: Душенко, с. 648].

Но русские пришли раньше (я имею в виду фразу). Случилось это в 1848 г., когда в Европе бушевала «Весна народов». Больше всего либерально-демократическая общественность опасалась русской интервенции, и номер сатирического листка «Берлинский скандалист» («Berliner Krakehler») от 22 июля вышел под шапкой:

РУССКИЕ ИДУТ!

Этот заголовок был повторен на первой странице четырнадцать раз шрифтом разных размеров [Герцен, т. 7, с. 423]. Год спустя русские действительно пришли, чтобы оказать братскую помощь австрийскому монарху против восставших венгров.

В 1999 г. песню под названием «Русские идут!» сочинил Александр Мосолов:

Русские идут твердым шагом!
Реют на ветру волны стяга!
Радостно и зло слышно там и тут:
«Русские идут! Русские идут!»
Русские идут, но не для парада!
На своей земле наводить порядок!
И врагам Руси наступает суд!
Русские идут!

Таков был припев. Далее шли строки:

И пусть воспрянет «ПАМЯТЬ»
И сгинет красный хам.

А также:

За Веру Православную!
За Русь Самодержавную!
Вставай, народ!

С конца 1990-х годов «Русские идут!» стало лозунгом «русских маршей», и песня Мосолова загремела на площадях.

Тут на память приходит уже не Форрестол и не комедия о русских подводниках. Известно, что с 1905 г. «веру православную и Русь самодержавную» защищали разнообразные черносотенные организации, а одним из главных их лозунгов был «Русь идет!»

26 ноября 1906 г. на митинге «Союза русского народа» в Михайловском манеже в Петербурге выступил знаменитый проповедник Иоанн Кронштадтский (ныне канонизированный). О вожде «Союза» отец Иоанн отозвался весьма высоко:

«Честь и слава А. И. Дубровину. Он воочию показал петербургским жидам, либеральным демократам и прочим рептилиям графа Витте, что время их миновало, что началась у нас народная эра, что собрался народ, что “Русь идет!”» [Общественное движение..., т. 3, кн. 5, с. 456].

Летом-осенью 1919 г. этот лозунг был обычным во время погромов на Украине при наступлении, а затем – отступлении Добровольческой армии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Академия наук СССР, 1954–1966.
Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. – М: ЭКСМО, 2011. – 1216 с.

Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910–1914. – Т. 1–4.

* * *

Praed W.M. The poems. – London: E. Moxon, 1864. – Vol. 2. – 439 p.

Rogow A.A. James Forrestal: A Study of Personality, Politics, and Policy. – New York: Macmillan, 1963. – 397 p.

Yergin D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. – Boston: Houghton Mifflin, 1977. – 526 p.

У РОССИИ ТОЛЬКО ДВА СОЮЗНИКА – АРМИЯ И ФЛОТ

18 ноября 2017 г. президент Путин открыл памятник Александру III в Ялте. На постаменте приведена заковыченная фраза: «У России есть только два союзника – ее армия и флот».

Откуда взяты эти слова?

В 1991 г. в России впервые была издана «Книга воспоминаний» великого князя Александра Михайловича, зятя Александра III и дяди Николая II. Здесь приводилась фраза, которую Александр III будто бы «любил говорить своим министрам»:

«Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот» (кн. I, гл. 11) [Александр Михайлович, с. 167].

Вел. кн. Александр Михайлович («Сандро») – весьма ненадежный свидетель. Впервые его книга была издана на английском в 1932 г., на русском – в 1933 г. Поэт Георгий Иванов назвал ее «довольно бессмысленными воспоминаниями» (очерк «Война, которую подготовили Безобразов, Абаза и “Сандро”», 1933) [Иванов, 1990, с. 88].

Если бы государь действительно часто повторял министрам слова о «двух верных союзниках», о них, вероятно, упомянул бы не только Сандро; однако его свидетельство так и осталось единственным.

Вопреки ходячему мнению, идея «блестящей изоляции» и опоры исключительно на собственную военную мощь была совершенно чужда Александру III. Об этом убедительнее любых слов говорит заключение им оборонительного союза с Францией – пер-

вого военного союза, заключенного российским государем со времен Наполеоновских войн.

Источник изречения о «двух союзниках» следует искать в Германии. В 1914 г. в русской печати цитировались слова Вильгельма II, последнего германского императора: «Основная опора государства есть армия и флот» [Рейснер, с. 145]. Отметим, что как раз в преддверии Первой мировой войны Германия поставила целью создание сильного военно-морского флота, способного соперничать с британским; до этого ее флот (как и российский в XIX веке) играл вспомогательную роль в военных операциях.

Вильгельм следовал курсу своего пращура Фридриха II, который, согласно преданию, заявил после победы над австрийцами при Хоэнфридберге (1745): «Наши лучшие союзники – наши собственные войска» [Friedericus rex, S. 110].

Тем не менее с 2000-х годов мудрость о «двух союзниках» стала необычайно популярной среди нашего политического бомонда. Иногда к двум союзникам добавляют третьего, например:

«Армия – это вторая церковь, второй храм для нашей Державы, и сегодня у России есть три союзника – армия, флот и Белоруссия» (Геннадий Зюганов в программе РТВ «Вести недели», 25 февраля 2007 г.)

«У России три союзника – армия, ВМФ и ОПК» (вице-премьер Дмитрий Рогозин, поздравление россиянам с Днем защитника Отечества в твиттере 23 февраля 2017 г.)

В 1952 г. в Париже вышла беллетризованная биография Николая II, написанная генералом Сергеем Позднышевым. Здесь умирающий Александр III излагает своему наследнику политическое завещание:

«В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности бояться, и потому все готовы утопить нас в ложке воды. Не строй себе иллюзий, не надейся ни на чью дружбу. Избегай войн <...>».

Здесь же умирающий император пророчествует: «Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц» [Позднышев, с. 44–45].

С 1990-х годов это «завещание», в несколько отредактированном виде, многократно воспроизводилось в России, обычно – как исторический документ. Вот недавний пример:

«...Александр III когда-то сказал: нашей огромности бояться все. И поэтому у нас только два союзника – армия и флот» (президент Путин на встрече с работниками Лебединского горно-обогатительного комбината 17 июля 2017 г.) [Посещение..., 2017].

Список источников

- Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. – 524 с.
- Иванов Г.В. Книга о последнем царствовании. – Orange: Antiquary, 1990. – 137 с.
- Посещение Лебединского горно-обогатительного комбината [сетевой ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55052> (Дата обращения: 20.12.2017.)
- Рейснер М. Вильгельм II и железная империя. – Пг.: Екатерининская тип., 1914. – 217 с.
- Позднышев С. Распи Его. – Париж: [Изд. автора], 1952. – [Ч. 1, единств.]. – 352 с.
- * * *
- Friedericus rex: Königliche Gedanken und Aussprüche Friedrichs des Grossen. – Leipzig: Julius Zeitler, 1907. – 427 S.

К.В. Душенко

**КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ:
ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА**

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 11/IX – 2018 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,0 Уч.-изд. л. 14,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 45

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У